

Немного о радио и о нас с вами

*К 75-летию
Приморского
радио*

Немного о радио и о нас с вами

К 75-летию Приморского радио

Владивосток

Издательство Дальневосточного университета

2001

ББК 76.31

Н 50

Ответственный составитель
и редактор Н. В. Соловьева

Н 50 Немного о радио и о нас с вами: к 75-летию Приморского радио. Сб. —
Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. — 84 с.

ISBN 5-7444-1185-2

Сборник посвящен истории Приморского радио и содержит воспоминания людей, работавших на радио в разные годы, начиная со времени становления радиовещания в Приморье по нынешний день. Большинство материалов публикуется впервые. Сборник является первой попыткой обобщить разнообразные материалы, в том числе архивные, раскрывающие одну из страниц дальневосточной журналистики.

Н 4403050000
180(03)-2001

ББК 76.31

ISBN 5-7444-1185-2

© Тихоокеанская
государственная
телерадиокомпания
«Владивосток»
2001

Предисловие

“Слово не воробей: вылетит — не поймаешь” — это о радио. “Написано пером — не вырубишь топором” — это о газете. Вот и сравните, какую историю проще писать. Газетные подшивки — на полках любых библиотек. Бери, читай, анализируй, какие темы привлекали коллег в те или иные годы и как они их раскрывали. Радиопередачи рассеяны по эфиру десятилетий. Как восстановить их? Существуют, правда, микрофонные папки. Заверенные подписями руководителей и штампами цензоров, они кипами лежат в архиве Дома радио. В общих чертах они, конечно, дают представление о старых передачах, но, оторванные от эфира, они мертвы. В них нет ни ритма, ни эмоций, ни образов.

Вот и получается, что историю радио надо составлять не столько по документам, сколько с голоса, со слов тех, кто радио делал, кто жил его заботами, забывая часто о своих собственных.

Первые попытки собрать воспоминания сотрудников радио — бывших и тех, кто еще работал — были предприняты в 1975 году, к 50-летию Приморского радио. Эта работа была продолжена к следующему юбилею. По просьбе руководителей телерадиокомитета написали свои воспоминания радионженер Алексей Степанович Квач, ставший и одним из основателей Приморского телевидения, диктор Евгения Антоновна Лихачева, первые сотрудники радио Леонид Наумович Зельцман, Сергей Алексеевич Иванов, в дальнейшем историк и литератор, Николай Андреевич Глушенко, продолжавший сотрудничать с радио, будучи профессором Дальневосточного Института Советской торговли, до старости, журналисты Аглая Михайловна Суроедина (Чернеева), Нина Александровна Хрулькова, Вадим Анатольевич Тураев, Георгий Исаевич Громов...

Напечатанные на пишущей машинке, эти воспоминания — вкупе с памятливыми для радио датами и некоторыми историческими справками — переплетены в большой том — почти “самиздат”! Своеобразная “Красная книга” Приморского радио хранится в библиотеке телерадиокомпании “Владивосток” и доступна каждому, но время идет, меняя названия передач, их жанры и стиль, людей, которые их создавали. Вот уже нет с нами многих из тех, кто вспоминал свою молодость пятнадцать лет назад. Успели стать ветеранами Приморского радио те, кто встречал его 60-летие в расцвете сил.

Продолжая составлять историю радио, мы постарались дополнить имеющиеся материалы новыми. Помимо воспоминаний, вы найдете в этом сборнике материалы из Государственного архива Приморского края: они помогают воссоздать колорит эпохи. Архивные материалы также позволили уточнить некоторые факты из истории Приморского радио. При создании рукописного тома в 1985 году из-за невнимательности машинистки в тексте встречаются некоторые неточности, сейчас они исправлены. Мы сочли интересным дополнить рассказ об истории радио цитатами из газет разных лет: развитие радиовещания в Приморье никогда не оставалось без внимания газетчиков.

Никакой сборник не может претендовать на то, чтобы исчерпывающе передать историю радио. Сколько голов — столько умов. Сколько передач и их редакторов — столько различных позиций, опыта, событий и памятных встреч. Все они достойны места в книге, но уже в следующей, которая дополнит эту, охватив новые периоды истории радиовещания в Приморье.

А теперь включаем радио. Внимание: говорит Владивосток!

Н. Соловьева.

Говорит Владивосток

На стене старого каменного здания по ул. Верхне-Портовой, 40, во Владивостоке, что рядом с Дворцом культуры моряков, размещено несколько мемориальных досок, напоминающих нам об исторических событиях, происходивших в этих стенах. Одна из них извещает о том, что здесь в 1926 году находилась первая на Дальнем Востоке радиовещательная станция, созданная руками энтузиастов.

Несмотря на то, что изобретение инженера Александра Степановича Попова датируется 1895 годом, вопрос о радиовещании в России возник только в годы Советской власти. С ноября 1917 года по радиотелеграфу передавались декреты Советского правительства, сообщения о важнейших событиях, радиogramмы В. И. Ленина, обращенные к народу и местным органам власти. В марте 1918 года ряд радиотелеграфных станций был специально выделен под передачи информационных радиogramм, а в созданной вскоре в Нижнем Новгороде первой научной радиотехнической лаборатории начались опыты по применению радио для широкого вещания. Это начинание горячо поддержал В. И. Ленин. Он писал руководителю лаборатории профессору М. А. Бонч-Бруевичу: "Газета без бумаги и без расстояния, которую вы создаете, будет великим делом".

По опытной радиовещательной станции в Москве, Казани и других городах передачи велись, начиная с 1920 года. 17 марта 1920 года в Москве было начато строительство центральной радиотелефонной станции большого радиуса действия, которая вступила в строй в 1922 году. Регулярное радиовещание в СССР началось в 1924 году.

В это же время о радиовещании заговорили и в Приморье. Весной 1924 года группа владивостокских радиолюбителей — инженер Величковский, Черепнин, Повелихин, Шмулевич и другие — с одобрения местных партийных органов организовала добровольное общество "Пролетрадио". Его председателем избрали Г. В. Гончара, работавшего в то время ответственным секретарем газеты "Красное знамя". Главной своей задачей члены Общества ставили пропаганду радиолюбительства среди жителей Приморья. Для этого в ряде районов края были созданы филиалы общества, а научно-техническая секция разработала и начала распространять простейшие схемы радиоприемников, которые можно было изготовить в домашних условиях. Члены общества подготовили специальные пособия и организовали сначала в краевом центре, а затем и в районах постоянные консультации по вопросам конструирования радиоприемников. Последователей оказалось много, особенно среди студентов и молодых специалистов. Беседы и лекции по радиотехнике с демонстрацией приема передач, которые члены общества проводили в рабочих клубах, собирали полные залы. Далеко не все решались на сборку приемников, но интерес появился. У владельцев приемной радиоаппаратуры, главным образом, детекторных приемников, по вечерам собирались соседи и друзья, чтобы прикоснуться к чуду: услышать звуки эфира. Если везло, сквозь шум и треск прорывалась музыка, иногда слышна была речь, и хотя разобраться, о чем говорят, зачастую было невозможно, это не мешало всем чувствовать себя счастливыми.

С первых дней существования Общества его члены стали вести сбор средств на постройку местной радиостанции. Деньги собирали, организуя платные концерты и вечера, через подписные листы и взносы членов Общества. Большую материальную поддержку оказали профсоюзные организации и предприятия. В 1924 году была оформлена и отправлена в Москву соответствующая заявка, но небольшие в то время отечественные заводы по производству радиоаппаратуры были перегружены государственными заказами, и "Пролетрадио" там отказали. Зато было получено разрешение на приобретение аппаратуры за границей. В Англии была заказана радиопередаточная станция с двумя комплектами машин фирмы "Маркони" радиусом действия 150 верст стоимостью 45 тысяч рублей. Одновременно были закуплены радиоприемники: шесть мощных для Владивостока с громкоговорителями, рассчитанными на аудиторию в 500 человек, шесть поменьше, но тоже для больших аудиторий численностью 150–200 человек, специально предназначенные для уездных

городов, и 20 радиоприемников с телефонами на 50 человек, которые позднее установили в рабочих клубах Владивостока, Усурийска, Сучана, Артема, Гродеково и других населенных пунктов края.

Помещение для радиостанции было предоставлено "Пролетрадио" военным ведомством — две небольшие комнаты в доме на Верхне-Портовой. Оно не отвечало всем требованиям, но энтузиасты смогли приспособить его под монтаж станции. "Большую помощь в строительстве радиостанции оказал нам Степан Петрович Коханов, в то время работавший начальником Владивостокской телефонной станции, и молодые энергичные любители радио — студенты Политехнического института Черепнин, Симонов, мотористы радиотелеграфной станции с Русского острова Пиляй, Глебов, которые явились и первыми эксплуатационниками ее", — вспоминал Павел Клементьевич Волгин, ветеран гражданской войны на Дальнем Востоке, назначенный позднее ответственным редактором радиостанции.

В. Е. Черепнин, осуществивший монтажные работы на станции, в дальнейшем стал работать ее начальником, а Д. Т. Пиляй и А. И. Глебов — радиотехниками. Владивостокская радиовещательная станция была зарегистрирована седьмой по счету в СССР и первой на советском Дальнем Востоке. Кроме того, она стала первой, построенной силами общественности.

1 января 1926 года в 20.00 станция начала работу. Первая радиопередача открылась небольшой речью председателя "Пролетрадио" Гончара по поводу создания ширококвотельной радиостанции, затем последовала другая речь, отмечающая успехи советского строительства и его перспективы. После этого начался концерт, который включал в себя исполнение "Интернационала" оркестром Владивостокской пехотной школы, соло на балалайке в исполнении рабочего-металлиста, игру на скрипке. К концу радиопередачи отовсюду, где имелись радиоустановки, стали поступать приветствия по случаю

первого концерта. Как отмечала газета "Красное знамя", было, например, получено сообщение из с. Михайловка Владивостокского уезда: крестьяне благодарили советскую власть за установку радио, которое еще крепче свяжет город с деревней. По сведениям той же газеты, первый радиоконцерт был также слышен в Токио и Харбине.

Станция работала на волне 456 метров, ее позывными были РВ-17, мощность —

На снимке: объявление в газете «Красное знамя»

полтора киловатта. Несмотря на ряд технических трудностей, возникших во время строительства и монтажа станции, слышимость оказалась вполне удовлетворительной — и не только во Владивостоке, но и в районах. Активисты "Пролетрадио" выезжали за пределы Владивостока, чтобы проверить дальность действия станции. В. Е. Черепнин на радиопередвижке пытался вести прием в поезде Владивосток — Москва. Он зафиксировал хорошую слышимость вплоть до Читы. Позднее радиостанция получила извещения из Иркутска и других городов Восточной Сибири и Дальнего Востока об уверенном приеме радиопередач из Владивостока и хорошей слышимости.

Из рассказа Д. Т. Пиляя: "Вспоминается 1925 год. На Эгершельде, в маленьком неприспособленном домике мы монтировали первую в Приморье радиостанцию мощностью ... в полтора киловатта. Трудно нам было, но сознание того, что мы делаем большое и весьма нужное дело, помогло нам успешно справиться с монтажом. В начале 1926 года я провел первую внестудийную передачу: транслировал концерт оркестра из ресторана "Золотой Рог". Вместе с музыкой в эфир шло много постороннего шума".

С января 1926 года начались регулярные радиопередачи. Первое время они шли три раза в неделю по вечерам и состояли преимущественно из новостей и музыки. Политическая часть вещания включала в себя сообщения ТАСС — их предоставляла редакция газеты "Красное знамя", а также статьи из газет и журналов. Делались первые попытки трансляции собраний и конференций. В феврале 1926 года успешно прошли первые трансляции из Москвы.

Художественное вещание проводилось в основном силами самодеятельных кружков из рабочих клубов Владивостока. Позднее стали транслировать концерты из театров и клубов, в которых кроме профессиональных артистов и музыкантов часто выступали и сами радиолюбители. Среди первых артистов-энтузиастов радио были певцы В. Л. Ермолаев, М. М. Волошинова, музыканты Мандрыка,

Газеты о Приморском радио

Радиопередача, будучи наивысшей формой технической связи, может и должна оказывать нам неоценимые услуги в преодолении многих тормозов в нашей работе. Широковещательная радиостанция в состоянии заменить десятки, сотни учителей, агрономов и других нужных в нашем строительстве работников и одновременно является прекрасным незаменимым звеном связи между городами и деревней...

«Красное знамя».
23 августа 1925 г.

людей, а не только те, кто находится у телефона, работники телефонной станции под руководством А. С. Коханова и радиолaborатория общества «Пролетрадио» построили усилитель, через который можно было вести трансляцию, а на самых оживленных перекрестках Владивостока были установлены мощные репродукторы.

В 1927 года общество «Пролетрадио» было реорганизовано в общество «Друзей радио». Его председателем был избран бывший активный участник партизанского движения в Приморье П. К. Волгин. К этому времени значительно расширилась деятельность лаборатории, в которой начали строить ламповые приемники. Под руководством инженера Катаева работники лаборатории оборудовали первый радиоузел на промышленном предприятии — Дальзаводе. По инициативе П. К. Волгина при обществе была создана секция коротковолнников, и они собственными силами приступили к строительству во Владивостоке коротковолновой радиостанции. Чтобы направить мысли радиолюбителей на создание новых, более совершенных и удобных в эксплуатации радиоприемников, Общество периодически организовывало в городах и селах Приморья радиовыставки, поощряло премиями наиболее удачные и оригинальные конструкции приемников и радиотехнических деталей. Чтобы популяризировать радио на селе, активисты Общества систематически выезжали в районы вместе с радиопередвижкой — чтобы на месте демонстрировать прием передач из Владивостока.

В конце 1927 года Владивостокская радиовещательная станция вошла в организованное в Москве общество «Радиопередача». Его уполномоченным во Владивостоке стал П. К. Волгин. С тех пор началось регулярное финансирование радиостанции, что позволило значительно расширить ее и улучшить постановку радиовещания в Приморье. Была оборудована радиостудия, появился небольшой редакционный аппарат, в том числе и штатный диктор. Начинает разрабатываться программа радиопередач, а несколько позже выпускается радиогазета, которую редактировал Г. В. Гончар. В ней, помимо программы вещания, давались советы радиолюбителям, помещались схемы радиоприемников, новости в развитии радиовещания и радиофикации Приморья и всего Советского Союза.

В 1928 году Наркомпочтел, в ведение которого к тому времени перешло радиовещание, назначило Волгина начальником Владивостокского радиодцентра и ответственным редактором. При этом были увеличены ассигнования на радиофикацию Приморья и на развитие вещания. Кроме того, большую финансовую поддержку работникам радио продолжали оказывать профсоюзные организации Владивостока. Помимо диктора и редакционных работников, на радио была введена должность художественного руководителя, в обязанности которого входила организация и руководство художественным радиовещанием. При студии даже был создан небольшой оркестр.

2 февраля 1930 года на заседании Планового бюро ДВУ рассматривался проект развития радиостроительства на ближайшие пять лет. Протокол зафиксировал следующее решение: «Принимая во внимание общую отсталость всех видов связи наряду с бурным ростом хозяйства края в целом, его сель-

Д. Н. Будрин, Фагорини и др. В передачах они участвовали на общественных началах. Творческих работников в штате радиостанции поначалу не было. Вели передачи, читали новости, объявляли концертные номера те, кто радиостанцию обслуживал, — инженеры и техники.

В первое время передачи велись главным образом по эфиру, поэтому их могла слушать сравнительно небольшая группа людей, имевших приемники. В 1928 году были проведены первые опыты по использованию для радиопередач телефонных проводов владивостокской городской телефонной станции. Опыты увенчались успехом, но только к концу 1929 года передачи по проводам получили распространение. Для того чтобы слушать передачи могло большее число

скохозяйственной и промышленной колонизацией, открытием новых промышленных районов по добыче угля, зол, нефти, открытия рыбных промысловых районов, расширения лесозаготовок и т.д., утвердить составленный проект развития радиостроительства и радиофинансирования в полном объеме...»

Постепенно увеличивался объем вещания. Радиостанция уже вела передачи ежедневно с 18 до 24 часов, а в дни отдыха с 12 до 24 часов. Кроме политических передач и концертов организовывались литературные передачи и вещание для детей. Все шире к участию в радиопередачах стали привлекать ученых, специалистов из Владивостока и других городов Приморья, активистов комсомола, школьников. Были организованы специальные передачи для села. В практике вещания все чаще стали появляться внестудийные передачи, которые велись с заводов и фабрик. Самые первые такие передачи были организованы с Дальзавода и с завода «Металлист».

Радио проводило конкурсы самодеятельности рабочих клубов, организовывало выступления театральные коллективов. Состоялись во Владивостоке и первые конференции радиослушателей, на которых обсуждались вопросы радиовещания и планы радиопередач. Более широко стали использоваться возможности трансляции из Москвы, которая постепенно заняла прочное место в вещании Владивостокской радиостанции. Приморцы получили возможность слушать голос столицы ежедневно.

В 1931 года был образован Владивостокский радиокомитет (позднее он стал Приморским областным радиокомитетом), внутри которого были созданы редакции общественно-политических передач, литературного и музыкального вещания, редакция передач для детей. Помимо этого, в штат комитета входили творческие коллективы — хор, оркестр и драматическая группа, объединившие лучшие силы Владивостока. Расширяя объем вещания, были введены сначала регулярные дневные, а потом утренние передачи как в воскресные, так и в рабочие дни. К этому времени во Владивостоке создается трансляционная сеть, и передачи по проводам становятся неотъемлемой частью радиовещания. Ретрансляционные узлы были открыты в Усурийске, Артеме, Спасске, в ряде районов. Благодаря государственным средствам появилась возможность купить оборудование и начать в этих городах и районах местное радиовещание.

Поскольку в Приморье проживало немало китайцев и корейцев, для них были организованы передачи на китайском и корейском языках. Правда, после их массового и насильственного выселения в конце 30-х годов передачи прекратились, а сотрудники китайской редакции были репрессированы.

На снимке: первые работники радиокомитета. 30-е годы.

Качество вещания в эти годы было неважным, радиокомитет получал множество писем с жалобами на треск и шум, которые сопровождают все передачи. Этому вопросу было посвящено расширенное совещание президиума Приморского областного комитета радиовещания 3 января 1933 года, на которое были приглашены и представители районных радиоузлов областного управления связи. Докладывая о техническом состоянии Владивостокской радиостанции и радиоузла, председатель комитета В. М. Козлов отмечал: "Областной комитет по радиовещанию вступает во вторую пятилетку вещания со слабой техникой передачи. По-прежнему плохо работает радиостанция (треск, шум, визг), отчасти неудовлетворительно работает и Владивостокский узел, который должен задавать тон радиоузлам районов".

На совещании говорилось и о том, что на радиостанции плохо следят за чистотой и состоянием аппаратуры, отсутствуют слаженность и единство действий сотрудников. Как итог, работа радиостанции была признана неудовлетворительной, а трансляционных узлов — отчасти неудовлетворительной. Решено было вопрос о качестве радиовещания передать в Управление связи — для срочного принятия мер.

В 1938 году во Владивостоке было построено специальное здание для радиостудий и вещательной аппаратуры — на ул. Уборевича. В нем разместились три вещательные студии, в том числе одна большая площадью 170 кв. м., оборудованные по последнему слову техники. Релакции и руководство комитета по-прежнему находились на ул. Первого Мая. К этому времени объем вещания Приморского радиокомитета достиг 13 часов, из которых 10 часов приходилось на собственное вещание, а три — на трансляции из Москвы. В 1940 году в крае насчитывалось свыше 70 радиоузлов, не считая ведомственных. Большинство районов Приморья было радиофицировано. Количество радиоточек в этот период превысило 31 тыс., в том числе во Владивостоке — 11 тыс. При радиокомитете создаются большой симфонический оркестр, хор, оркестр народных инструментов и драматический коллектив.

В апреле 1939 года, в связи с образованием Приморского края, областной радиокомитет был переименован в краевой, в Уссурийске образован областной радиокомитет, а в 12 районах края созданы радиоредакции, которые не только транслировали московские и владивостокские передачи, но и организовали собственное вещание.

Так из коллектива энтузиастов-радиолюбителей вырос большой и работоспособный коллектив профессионалов, а от любительского вещания Приморское радио перешло к разнообразным и высококачественным передачам.

Газеты о Приморском радио

«Товарищи, внимание! Говорит Владивостокская радиостанция». Так ровно в 8 вечера выкрикнули громкоговорители по всем клубам и красным углам Владивостока. Всюду, где только имелись радиоустановки, собралась в этот вечер толпа трудящихся. Первые радиослова были прослушаны с затаенным дыханием. Еще бы! Разве это не наше советское пролетрадио, построенное на деньги трудящихся Приморья? Первый радиоконцерт-митинг надо признать вполне удачным. Программа была составлена довольно полно и разнообразно. Слышимость прекрасная. В некоторых клубах еще не научились ловить волну, но время быстро устранило этот недостаток...

Клуб Воровского в 8 с половиной вышел из сферы радиоволн. Ради халтурной постановки "Заторожец за Дунаем", несмотря на протесты публики, пришедшей послушать первый радиоконцерт, руководители попросили безбилетных удалиться. Такое отношение к нашему советскому радио едва ли можно считать допустимым.

Сегодня в 6 часов начнется второй радиоконцерт. Всем настроиться на волну 456 метров. Мощная широкоэмитательная станция в Приморье — свершившийся факт.

*Радист,
«Красное знамя».
3 января 1926 г.*

К радио относились почтительно

О радио я прочитал впервые в 1925 году, когда учился в четвертом классе. Слово было мне неизвестным, чудным, и кого я ни пытался спросить о нем, никто ничего объяснить мне не мог, даже мои школьные учителя. Кое-какие сведения я вскоре нашел в местной библиотеке в "Журнале крестьянской молодежи". Там же, в библиотеке Камень-Рыболова, я увидел в 1926 году настоящий радиоприемник. Это был массивный дубовый ящик с наклонной передней стенкой, сверху стояли четыре лампы, а рядом — батареи и громкоговоритель с раструбом. Как я потом узнал, большая партия таких приемников фирмы "Маркони" была закуплена в Англии, один из них и передали в Камень-Рыболов. Его установили в библиотеке, укрепив на крыше дома две жерди с блестящей медной проволокой-антенной, рядом закопали цинковый лист — заземление, и в один прекрасный день первые радиослушатели, главным образом, мальчишки, затаив дыхание, слушали трески, шорохи, завывания, доносившиеся из приемника. Сквозь них временами более или менее отчетливо звучала какая-то музыка. В следующий вечер нам удалось поймать другую волну, где музыка слышалась лучше и даже можно было разобрать отдельные слова. Но вскоре батареи иссякли, и радио замолчало.

Оживил радиоприемник новый начальник почтово-телеграфной конторы и заядлый радиолобитель Троицкий. У него дома я с большим интересом рассматривал приемники, катушки, лампы, громкоговорители, прочитал все выпуски журнала "Радио — всем" и вскоре начал активно помогать ему: перемыл и перечистил батареи — они были наливными угольно-цинковыми, научился самостоятельно настраивать приемник. С тех пор я и занялся радиолобительством, не забывая о нем и во время учебы в Уссурийском сельскохозяйственном техникуме, и после его окончания.

В 1934 году для всех радиолобителей наступили тяжелые времена: из-за сложной международной обстановки и усиления вражеской пропаганды радиолобительство в Приморье было запрещено, а радиоприемники пришлось сдать органам связи. Единственной возможностью слушать радио были местные радиоузлы в районных центрах, но они находились в самом зачаточном состоянии и работали плохо.

В 1935 году, будучи инструктором райземотдела Октябрьского райисполкома, я начал вникать в работу местного радиоузла. Там царил полный развал: постоянного штата не было, так как содержать его было не на что из-за мизерного дохода, а маленькие доходы были следствием плохой работы. Вскоре нам удалось наладить сносную работу радиоузла, работать без простоев, и к концу года число заявок на установку новых радиоточек резко возросло, что увеличило доходы, а значит, и средства на зарплату.

В 1936 году я перешел на постоянную работу на радиоузел. Мы чувствовали, как возрастало значение радио. Началась политическая кампания по принятию советской конституции, и райком партии прекрасно понимал, какое значение имеет радио как средство массовой информации. Мы получали безвозмездно провода, изоляторы, источники питания, репродукторы, радиооборудование, но в вопросах финансирования мы были на твердом хозрасчете: зарплату могли получать только из собственных доходов, которые зависели от нашей расторопности. Для пополнения кассы радиоузла мы занимались ремонтом и зарядкой аккумуляторов для автотранспорта, подачей электроэнергии в клуб, в редакцию газеты.

С 1936 года из Москвы начали транслироваться крупные политические передачи — доклад Сталина о проекте новой Конституции, праздничные доклады, материалы по первым выборам в Верховный Совет СССР. Передачи из столицы проходили зачастую с большими помехами, иногда из-за плохого прохождения снимались вовсе. Как правило, каждый день из Москвы передавались последние известия: в 7.00 и 14.00 по 20 минут. Ввиду малой мощности радиостанции Владивостока нам не возбранялось принимать передачи из Хабаровска, и слышимость их была иногда даже лучше. Даже после того, как в Лесозаводске был построен усилитель в 500 ватт вместо маломощного 30-ваттного, качество приема

ХРОНИКА

7 февраля 1925 г. — во Владивостоке создано общество радиолюбителей.

23 августа 1925 г. — начался двухнедельник радиостроительства, задачей которого являлось вовлечение всех трудящихся в проведение радиофикации Приморья.

25 декабря 1925 г. — во Владивостоке закончено строительство первой радиовещательной станции мощностью 1,5 квт. Позывной станции РВ-17, волна — 456 м.

1 января 1926 г. — начала работу Приморская широковещательная радиостанция.

11 января 1926 г. — Первый съезд Общества друзей радио выработал ряд практических мероприятий научно-технической и организационной работы.

Февраль 1926 г. — состоялись первые пробные трансляции передач из Москвы.

передач из Владивостока оставалось низким, особенно в грозные периоды, пока в конце 1939 года не вступила в строй мощная радиостанция РВ-162.

Мои односельчане относились к радио весьма почитательно. Не могу вспомнить без улыбки двух стариков, у которых я жил на квартире и, естественно, установил радиоточку. Мои хозяева восприняли радио с большим интересом. К 18 часам, времени начала передач, старик старался закончить все свои дела и приступал к слушанию радио, предварительно умывшись, надев чистую рубашку и расчесав бороду. Это превратилось в некий ритуал. Если не было неотложных дел, он скрупулезно прослушивал весь цикл радиопередач — от последних известий до концерта легкой музыки, который обычно начинался в 22 часа. Вскоре он уже хорошо знал многие оперные партии, любил слушать выступления Краснознаменного ансамбля. Старушка же предпочитала пение Барсовой, Неждановой, Обуховой. Глубокое восприятие классической музыки простыми людьми поразило меня и заставило самого более вдумчиво прислушиваться к классическим произведениям.

Газеты о Приморском радио

Толчком к развитию радиотехники стало радиолюбительство, которое берет начало в Америке с конца 1921 года. Там им было увлечено почти все взрослое население... В СССР радиолюбительство развивается с середины 1924 года, когда по почину культотдела Московского Совета профсоюзов было создано радиобюро. Оно быстро объединило до 300 радиокружков в одной только Москве. Наше Общество друзей радио объединяет в настоящий момент свыше 200 губернских и областных организаций и, пройдя первую стадию своего развития, к концу 1924 года оформило свое существование.

Волна радиолюбительского движения к концу 1924 года докатилась и до Приморской губернии, и с этого момента отдельные товарищи начинают вести нормальную работу, а 7 февраля 1925 года было создано 1-е организационное собрание, которое оформило радиолюбительскую организацию.

«Красное знамя».
26 августа 1925 г.

Советское радиовещание служит интересам всего народа. В этом его преимущество от радио капиталистических стран. Советскому радио чужды дешевые приемы сенсационности, оно призвано нести в народные массы слова большой правды, развивая, обогащая культуру народа.

М. Залевский.
«Красное знамя».
7 мая 1948 г.

Леонид Зельцман

Меня взяли за умение разбирать почерк

В 1929 году меня, студента педагогического факультета университета, привели на радио поиски заработка. Там требовался диктор, и меня взяли скорее всего не за мои дикторские таланты, а за умение хорошо разбирать почерк. Машинистки в штате не было, и все материалы, в том числе для последних известий, были написаны от руки. И радиостудия, и радиостанция располагались на Эгершельде в небольшом белом особнячке. Студия, большая комната почти во всю длину дома, была задрапирована толстым темно-синим сукном. Посередине ее стоял на массивной подножке большой круглый микрофон. Он был такой тяжелый, что одному человеку перенести его было нелегко. У стены размещался рояль, а у маленького окошка, соединяющего студию с аппаратной, располагался небольшой столик с другим микрофоном и настольной лампой. Редакторских кабинетов не существовало, да и редакторов было всего два: Кохановский для текстовых передач и Федоров — для музыкальных. Кохановский подбирал сообщения из районных и областных газет, вырезал их и наклеивал на лист, скрепляя рукописными комментариями и прочими «связками». Музыкальные программы состояли из граммофонных записей и иногда из выступлений солистов. Ответственный редактор Павел Клементьевич Волгин жил неподалеку от студии на Нижне-Портовой улице, его единственная комната служила ему и рабочим кабинетом.

Начинались передачи так: «Говорит Владивосток. РВ-17 на волне 1300 метров». Мощности радиостанции хватало, чтобы наши передачи слышали на большом расстоянии, и по тем временам вступление в строй владивостокской радиостанции и начало широкого вещания было большим событием в культурной жизни Приморья. Вещание велось в те годы только по вечерам, с 18 до 22 часов, что для меня, студента, было очень удобно. Перед тем, как начать передачи, мы заходили к Волгину. Он читал материалы, просматривал музыкальные программы, визировал их, и мы отправлялись на вещание. Если в передаче было много рукописного текста и поправок, Волгин просил меня прочитать отдельные куски при нем и предупреждал: «Не наврите!».

Волгин был человеком большой внутренней культуры, разобрался в радиотехнике еще со времен радиолюбительства. Он производил приятное впечатление на всех, кто с ним встречался. Нам казалось, что он вышел из интеллигентной семьи, получил фундаментальное образование. На самом же деле, он происходил из семьи беднейших крестьян, мать была неграмотной, а сам он имел неполное среднее образование. В период гражданской войны Волгин был начальником штаба партизанского отряда Вольского, в 1922 году вступил в партию. Перед назначением на должность ответственного редактора радио он работал заместителем начальника областной милиции. В то время он был единственным членом партии в небольшом коллективе радио. Позднее П. К. Волгин получил среднее образование, затем — высшее, закончил Московский экономический институт (МЭИ) и вернулся дипломированным инженером. Он работал на Дальзаводе, затем заместителем начальника крайстатуправления. Он награжден многими правительственными наградами и удостоен звания «Почетный гражданин г. Владивостока».

Кохановский, очевидно, принадлежал к журналистам старой, дореволюционной школы. Это чувствовалось по стилю его работы. Он имел привычку накануне какого-либо важного события разузнавать обо всех его деталях, чтобы в день свершения оперативно сообщить об этом. П. К. Волгин, разгадав такую «оперативность», заставлял его проверять факты, и Кохановскому приходилось делать немало поправок в своих сообщениях, заготовленных заранее. Когда Волгин ушел, это правило было нарушено, и редактор стал иногда попадать впросак. Но при единственном редакторе текстовых передач без всякой корреспондентской сети, можно, пожалуй, снизить критику в его адрес по поводу методов работы и сказать, что делалось все же немало.

В эту пору к микрофону уже начали приглашать выступающих — участников важных событий. Это было время подступов к широкому освоению Северного морского пути, и частыми гостями были

зимовщики полярных станций. Они рассказывали об изучении течений по дрейфу льдов, направлении ветров, условиях мореплавания. Помню интересные рассказы корреспондента газеты "Красное знамя" Попова. Он был слаб здоровьем, хромал, и одна рука у него плохо слушалась. Однако он не раз участвовал в арктических экспедициях и умел хорошо об этом рассказывать. Запомнилось и выступление известного поэта Ильи Сельвинского, возвратившегося с Севера и написавшего потом поэму "Умка, белый медведь".

Раз в неделю с лекциями на различные медицинские темы выступала врач Горздрава Луценко. Слушатели ждали эти передачи и внимательно слушали их. Вся работа велась на общественных началах, никакого гонорара не существовало.

Второй редактор К. Федоров был бы рад организовать выступление симфонического оркестра или театральной труппы, но из-за стесненности в материальных средствах и в помещении просто не мог этого сделать, хотя общая музыкальная культура во Владивостоке того времени была довольно высокой. В городе имелись свой театр оперы, театр музыкальной комедии. В студии же приходилось ограничиваться концертами, составленными из грамофонных записей, и лишь изредка — из выступлений отдельных солистов. Хорошо зарекомендовали себя студентка музыкального училища Мария Марковна Волошинова, скрипач Вайнштейн, виолончелист Френкель. Чаще других выступал со своими музыкальными программами исполнитель на мандолине Фагорини. Играл на гусях и пел под собственный аккомпанемент грузчик торгового порта выходец с Украины Шемет. Обычно он приходил выступать по радио один или два раза в неделю, и его концерты особенно нравились украинцам, проживающим в Приморье.

Из-за отсутствия тогда собственных музыкальных коллективов радио довольствовалось трансляцией концертов и театральных постановок. Для этого к большим клубам и театрам были подведены постоянные линии, а осуществляли трансляцию радиотехники — Дмитрий Пиляй или Симонов. В театре или концертном зале устанавливали микрофон и за несколько минут до начала выступления объявляли о том, что предполагается трансляция и "зал театра будет включен без предупреждения". Во время антракта читались последние известия или какая-нибудь газетная статья. В такие дни передачи заканчивались не в 20 часов, как обычно, а гораздо позже.

За техническую сторону радиовещания тогда отвечал главный инженер Черепнин. Его фундаментальным знаниям радиотехники и врожденной аккуратности мы были обязаны тем, что не знали аварий: радиостанция и трансляционная сеть работали бесперебойно. В конце 1930 года радиостанция осталась на Эгершельде, а студию перевели в здание телефонной станции, и работникам радио стало попросторнее. Четырех комнат хватило, чтобы выделить отдельный кабинет П. К. Волгину и разместить редакторов. Одна из первых передач, организованных в новой студии, была на тему коренного переустройства сельского хозяйства. Для ведения передачи из Хабаровска приехал секретарь крайкома партии. В смежной со студией комнате собрали людей, которые отправлялись в деревни для проведения коллективизации. Они задавали вопросы ведущему и тут же получали на них ответы. Вскоре подобная передача была организована для крестьян-единоличников, вел ее первый секретарь Приморского обкома КПСС Таныгин. Радио все чаще практиковало внестудийные передачи по важнейшим вопросам хозяйственной и общественно-политической жизни в крае. Специальных редакций в ту пору еще не существовало, поэтому готовил такие передачи сам ответственный редактор Волгин.

К 1933 году появилось несколько редакций: последних известий, музыкального вещания, передач для детей, научно-образовательных и литературных передач. Ими руководили опытные по тому времени редакторы. "Последними известиями" ведал Иван Григорьевич Машуков, который позже стал писателем. В литературной редакции работал Георгий Корешов, чьи рассказы на морские темы часто печатались в журнале "Сибирские огни". До работы на радио он несколько лет плывал матросом на судах дальневосточного пароходства. Творчество Г. Корешова обратило на себя внимание: в толстых журналах появились хорошие рецензии, в том числе неизвестного тогда еще нам В. Сурвилло. Вскоре Г. Корешова стали печатать центральные журналы: "Смена", например, поместила подборку его стихотворений "Тюмень-Ула", и вскоре он полностью перешел к писательскому труду. В первые дни Великой Отечественной войны Корешов ушел на фронт добровольцем. Как ему это удалось, не знаю: здоровья он был слабого, хромал, одна нога у него была искалечена.

После ухода с радио Машукова его место в "Последних известиях" занял Александр Зверев, переехавший с семьей во Владивосток с Волги. О приглашении этого журналиста на радио давно мечтал

Василий Макарович Козлов, возглавлявший в то время радиовещание в Приморье. Со Зверевым они вместе работали в газете и учились, и Козлов был очень высокого мнения о нем. Он оказался прав: выпуски новостей стали полнокровными, интересными. Очень скоро вокруг редакции последних известий, не имевшей других штатных сотрудников, кроме Зверева, собрались лучшие силы газетной информации. Почти ежедневно с полными карманами всяких сообщений приходил Николай Остолопов (он же Н.Ост или Николаев), работавший в Дальтассе. Из газеты "Рыбная индустрия" давал новости Ю. Тарнава, из "Красного знамени" — А. Дурасов, который позже некоторое время тоже работал на радио, и многие другие. Сам Саша Зверев — маленький, прямо крохотный человек — был всегда в радостном, приподнятом настроении, очень любил свою работу и кипел энергией. Он много времени уделял редактированию: информации из его рук выходили емкими и содержательными. Журналисты тянулись к нему, потому что многому могли у него поучиться.

Самой большой редакцией была детская — там в штате состояло три редактора. Они готовили передачи для самых маленьких, для детей среднего возраста — пионеров и для старшего — комсомольцев. Возглавляла редакцию Юлия Проколова, которую направил на радио обком комсомола. Вместе с ней работали Борис Чиквиладзе и Сергей Стрижов. Оба они писали неплохие стихи и умели делать увлекательные передачи для детей. Позже пришел на радио И. Л. Редиков, который сначала занимался хозяйственными вопросами, но вскоре нашел свое место в творческом коллективе и делал неплохие передачи.

Все, что было заметного в детском движении того времени, привлекало внимание радио. В студии выступал детский хор клуба железнодорожников, часто читали рассказы для детей и взрослых артисты Юрий Розанов и И. Пельтцер, отец известной актрисы Татьяны Пельтцер. Тогда они жили во Владивостоке, и будущая актриса была еще девочкой. Рассказчицей сказок "Бабушки Арины" выступала актриса Чалеева-Бельская, любимая многими детьми. Редакция для детей готовила свои последние известия, обзоры "Пионерской правды", беседы в помощь школьникам по истории, географии, литературе. Можно сказать, что радио в те годы было центром воспитательной работы среди детей. Театров — юного зрителя и кукольного — еще не было, больших детских библиотек тоже. Дворец пионеров только создавался. Партийные и комсомольские организации, учитывая это, помогали становлению детского радиовещания в крае. Имело значение и то, что заместителем ответственного редактора П. К. Волгина был комсомолец Николай Вижайкин — именно ему радио во многом обязано разветвленной и глубокой постановкой детского радиовещания в те годы.

Редактором музыкального вещания был Н. Будрин. Симфонического оркестра тогда еще не было, но на радио имелся неплохой штатный ансамбль в составе первой и второй скрипок, виолончели и рояля. Вокруг этих работников стал образовываться штат, из которого позже вышли солисты Строганова, Кулакова, Темен, Пушкин, Волошинова, Коропотницкая и другие. Хором руководил бывший артист театра оперетты Ермолаев. Совместно с оркестром под управлением Пекарского, который работал при театре музыкальной комедии, даже пробовали ставить оперу — "Царскую невесту".

Существовали на радио редакции передач на иностранных языках — корейском и китайском. У них был свой небольшой оркестр и солисты, иногда готовились драматические постановки.

Газеты о Приморском радио

Владивосток. (Наш корр.) На 27-й версте закончено строительство широкоэвещательной владивостокской радиостанции РВ-32. Мощность станции 20 квт. Станция оборудована исключительно советской аппаратурой по новейшим достижениям техники. Из Москвы отгружена аппаратура для оборудования новой станции, идет техническая приемка станции, через пять дней станция сдается в эксплуатацию.

Заканчивается оборудование мощного радиоузла морфлота в клубе водников, устанавливается 500-ваттный мощный усилитель, который обслужит 3000 точек. Территория торгового радиодиффузора 30 репродукторами, радиодиффузируются квартиры, общежития рабочих Эзершельда. 15 февраля радиоузел начнет работу.

«Тихоокеанская звезда».
2 февраля 1935 г.

Передачи велись уже не только вечером, но и по утрам. Открывали радиовещание физзарядкой, которую вел Семен Тертыйный под аккомпанемент на рояле, а после нее звучала краевая газета. Всего же радиовещание составляло 7-8 часов в день.

В 1933 году я стал работать в редакции научно-образовательных передач с редактором И. Зильберманом, бывшим преподавателем университета, хорошим педагогом и отличным лектором. Нашей задачей было готовить популярные радио-лекции, но вскоре перед нами открылись новые перспективы благодаря президенту Академии наук СССР В. Л. Комарову. Он приехал во Владивосток укреплять Дальневосточный филиал и согласился выступить по радио с лекцией "Наука на Дальнем Востоке и перспективы ее развития". В то время лекторы обычно выступали без текстов, по кратким конспектам, вот и Комаров говорил 30-40 минут без всяких записей. Речь его была четкой, литературной, а содержание ее не только высветило магистральные пути науки, но и открыло нашей редакции целую программу действий на год вперед. В ней и освоение Северного морского пути, и научная работа станции Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства, и только что начавшееся освоение китобойного промысла, лова сайры и иваси, изучение флоры и фауны Дальнего Востока и многое другое.

Другим памятным эпизодом была встреча на радио с О. Ю. Шмидтом — она состоялась еще до челюскинской эпопеи, когда под его руководством караван судов прошел Северным морским путем от Архангельска до Владивостока. С легкой руки В. Л. Комарова частыми гостями студии стали ученые: А. М. Когановский — по вопросам миграции рыб, И. В. Кизеветтер — по технологии консервирования, Башкиров — по научным прогнозам. Рассказывали о первых начинаниях Горно-таежной станции, организовывали внестудийные передачи с места событий, таких, как встреча "Седова" на внешнем рейде, открытие первой механизированной шахты в Артеме и др.

Возглавлял дела на радио Василий Макарович Козлов, журналист большого природного дарования. Он окончил Коммунистический институт журналистики, вступил в партию в 20-х годах. Внешне он напоминал дюжего бурлака с Волги — с неизменной кепкой на крупной голове. Покоряли его добродушие и постоянное хорошее настроение. В развитии тематического вещания, в том, что передачи становились более глубокими, — его несомненная заслуга. Позднее его перевели на ответственную работу в обком партии.

В 1934 году с созданием Комитета по радиовещанию первым председателем облисполком утвердил на общественных началах одного из своих работников, которого мы у себя и не видели. Затем в председатели пришел хороший директор мыловаренного завода, ничего не понимавший в журналистике, и руководил радиовещанием по сути дела заместитель — комсомолец Николай Вижайкин, пока из Москвы на должность председателя не прибыл Владислав Иосифович Сурвилло, бывший редактор Государственного издательства художественной литературы. Заочно мы знали его по журналам "Новый мир", "Знамя", "Октябрь", в которых печатались его критические статьи. Он профессионально разбирался в литературе, понимал музыку, речь его была безукоризненна, насыщена метафорами и афоризмами. Внешне он производил впечатление "большого барина" — высокий, холеный, всегда свежий и румяный. Впечатление это было обманчивым. В. И. Сурвилло был сыном латвийского рабочего-металлурга, прошел всю гражданскую войну комиссаром соединения, потом работал заместителем директора Московской ТЭЦ. Большая культура нового председателя оказалась замешана на настоящих советских дрожжах.

С 1935 года радио стало подниматься на новую, более высокую ступень. Продолжилась специализация редакций, появилась возможность организовать большой симфонический оркестр, укрепился и расширился хор. На должность руководителя редакции литературно-драматических передач из Москвы пригласили известного литератора Бортника. В штате появился режиссер литературных передач и чтец. Начинался новый этап в развитии Приморского радио.

Сергей Иванов

Выпускаем комсомольскую радиогазету

Мое первое знакомство с радиовещанием состоялось в конце октября 1927 года. Отмечалось пятилетие восстановления Советской власти в Приморье, и радиоработники решили посвятить ему литературную передачу. Организовать это выступление поручили руководителю нашей литературной группы поэту Вячеславу Афанасьеву. Он привлек к передаче А. Фетисова, Б. Глушакова, А. Гая (Пешкова) и меня. Радиостудия тогда помещалась в одной из комнат второго этажа здания на углу улиц Ленинской и Лазо. Никаких подсобных помещений у студии не было, и выступающие ожидали своей очереди в коридоре.

Студия произвела на меня удручающее впечатление. Она была совершенно пустой, если не считать небольшого столика с микрофоном и настольной лампой под плотным абажуром. Верхний свет отсутствовал. Перед столиком стояли три стула. Окон в ней не было, стены задрапированы темно-коричневым плотным материалом. На полу лежал толстый ковер с густым ворсом. Все звуки необычно сразу же гасли. Полумрак и пустота большой комнаты действовали угнетающе.

Свое выступление я начал чтением популярного в то время "Марша красногвардейцев" и сразу же сбился — сказались необычность обстановки. Выручил ударный ритм стихов.

Осенью 1930 года меня избрали в горком комсомола председателем бюро пионеров. Как-то раз вызвал меня секретарь горкома Володя Калачев. В его кабинете находился пожилой мужчина лет 45.

— Знакомся, это Василий Макарович Козлов. Ему поручено возглавлять в округе радиофикацию. Товарищ Козлов предлагает нам начать хотя бы раз в неделю выпускать комсомольскую радиогазету. Мы посоветовались и решили назначить тебя — по совместительству с работой в горкоме будешь редактором комсомольской радиогазеты.

Вскоре я выступил по радио с призывом к молодежи принять участие в новой комсомольской радиогазете, писать обо всем интересном, что появляется в их жизни. Прошла неделя — ни одного письма мы не получили. Во втором выпуске радиогазеты уже выступили трое. В. Калачев обратился с призывом ко всем комсомольцам заниматься ежедневно по утрам физзарядкой, делать тот комплекс упражнений, который будет преподавать "отличный инструктор Семен Тертыйный". Он также призвал молодежь вступать в ряды Осовиахима, изучать военную технику, сдавать нормы на значок "Ворошиловский стрелок". Свою речь он закончил рассказом о том, как работают комсомольцы Дальзавода.

Вторым выступил комсомольский поэт Вячеслав Афанасьев. Читать свои стихи он был готов где угодно, и уговаривать его не приходилось. Было условлено, что он прочтет по радио свое новое стихотворение "Паровоз". Но после него он неожиданно заявил, что прочитает еще два стихотворения, написанные этим утром. Я невольно показал ему кулак, но он только отмахнулся. Потом мне пришлось выслушать от главного редактора замечание за то, что вовремя не выключил микрофон.

Затем выступил я: говорил о необходимости развернуть подготовку пионерских лагерей.

Наладить выпуски комсомольской радиогазеты нам удалось только к концу 1931 года. К этому времени радиокомитет переехал в здание Облесполкома и занял четыре комнаты в левом крыле первого этажа. Главным редактором радиокомитета работал В. М. Козлов, секретарем редакции был Николай Вижайкин, он же заведовал отделом "Рабочая жизнь". Политическим вещанием — международными обзорами и чтением последних известий — занимался Зильберман, музыкальными передачами руководил пианист Оберман. В его распоряжении было музыкальное трио: он сам, старичок итальянец Фогарини, играющий на мандолине, и виолончелист Будрин. Кроме них в музыкальных передачах принимали участие певец Ермолаев и певица М. Волошинова.

Отделом физкультуры и спорта руководил С. Тертыйный. Вся его работа заключалась в том, что он проводил утреннюю зарядку по радио под аккомпанемент пианиста Обермана или виолончелиста.

Помимо комсомольских, готовились и детские передачи — для дошкольников. Руководил ими Сергей Стрижов, очень живой, деятельный, инициативный человек, умевший писать стихи для детей. Была в штате и машинистка, которая обслуживала все редакции.

Передачи велись ежедневно, кроме понедельника, с 6 до 10 вечера. Позже они стали звучать утром и вечером, а затем и в дневной рабочей перерыв. «Последние сообщения из Москвы» и «Новости дня», выпуск которых руководил Зильберман, занимали от 15 до 30 мин. и пользовались большой популярностью в районах, куда газета «Красное знамя» поступала на два, а то и пять дней позже. Зильберман делал передачи на ходу, в большой спешке. В радиокomiteе он работал по совместительству и появлялся там за 15-20 минут до начала вещания. Он спешно хватал ножницы, клей, бумагу и начинал делать монтаж из вырезок. Затем он читал этот монтаж перед микрофоном и комментировал его. Передачи занимали не менее 30 минут, но иногда продолжались и до часа. Строгого регламента в них не придерживались.

Затем начинался концерт силами штатных работников. В первое время в их репертуаре преобладала классика, но иногда в порядке исключения устраивались и концерты эстрадной музыки.

Как правило, после концерта шли передачи отдела «Рабочая жизнь», которые состояли из чтения статей или выступлений на производственные темы. Дикторов в 1931 году еще не было, они появились только на следующий год. После того, как по радио прозвучало объявление о том, что требуется диктор, на радио пришло человек 20, желающих стать дикторами. Все они оказались очень посредственными чтецами. Выручили артисты только что созданного во Владивостоке драматического театра. Позднее появился Василий Иванович Ромашов. Мастер художественного слова, он умел прекрасно вести любую передачу. По инициативе Ромашова и работников театра на радио появились театральные постановки: сначала отдельных сцен, потом актов, и, наконец, целых пьес.

В 1932 году, когда в стране готовились к 1-му Всесоюзному съезду советских писателей, Владивостокским радиокomiteем удачно был проведен литературный вечер. На нем с чтением своих стихов выступили В. Афанасьев, А. Артемов, А. Гай, прозаики А. Никулин и А. Фетисов. Радиослушателям особенно понравился отрывок из поэмы А. Артемова «Двадцать», о чем они писали потом в своих письмах в редакцию.

Приходили и письма с вопросами, на которые мы старались отвечать с помощью специалистов. Так в 1932 году появился новый вид передач — «Письма радиослушателей». В них участвовали врачи, агрономы, педагоги, которые отвечали из микрофона на письма.

Передачи для детей проводились три раза в неделю — с 12 до 14 часов. Кроме того, подобная передача выходила по воскресеньям — прообраз «Пионерской зорьки». Первое время в них звучали в основном сказки и детские книжки. Потом стали передавать концерты детских садов, устраивались детские конкурсы на лучшее чтение стихов и исполнение песен. Когда впервые по радио объявили о записи желающих на такой конкурс, весь вестибюль здания Облсполкома оказался заполненным мамами и папами со своими ребятишками, которым предстояло раскрыть свои способности. К такому наплыву юных талантов радиокomiteе оказался не готов, тем более что родители детей, не вошедших в состав участников конкурса, почувствовали себя оскорбленными и ринулись во все инстанции с жалобами: пусть о талантах их детей судят не «чинуши» из радиокomiteета, а широкие народные массы. Чтобы как-то сгладить неожиданный конфликт с родителями, пришлось создать специальное жюри для отбора участников конкурса, в которое вошли авторитетные люди: артист крайдрамтеатра М. Дементьев, профессор Архангельский, учителя.

С 1932 года в «Радиопионере» каждое лето стали выступать коллективы пионерских лагерей. В это же время частыми гостями в пионерских и комсомольских передачах были красные партизаны и активные участники большевистского подполья времен гражданской войны. Особенно ярко прошла партизанская передача 29 сентября 1932 года, в этот день во Владивостоке открылся 1-й городской слет бывших красноармейцев и красных партизан, посвященный 10-летию окончания гражданской войны и освобождения края от интервентов и белогвардейцев. Передачу открыл бывший узник колчаковского «поезда смерти» председатель исполкома Владивостокского Совета М. П. Вольский.

В этом же году впервые были организованы выступления по радио сельской художественной самодеятельности Уссурийской области, шахтерских поселков Артем и Тавричанка, железнодорожников Уссурийска, Ружино и других станций.

В 1932 году, когда было объявлено о создании Тихоокеанского военно-морского флота, по радио было организовано несколько передач, посвященных этому событию. В своих выступлениях комсомольские активисты призывали комсомольцев края, ушедших служить на флот, сохранять славные боевые традиции комсомола, отдать все силы усилению обороноспособности Советского Союза и его дальневосточных границ.

В декабре был совершен первый авиaperелет из Хабаровска во Владивосток. Работникам радиокомитета удалось привезти летчиков в студию и организовать интервью с ними. Такая форма подачи материала применялась впервые. Позднее, когда во Владивосток приехали известный поэт И. Сельвинский и прозаики А. Смирнов и Н. Шпанов, их тоже пригласили в студию. И. Сельвинский прочел в этой передаче несколько своих новых стихов.

Наша «Комсомольская радиогazета» уделяла много внимания работе комсомола на селе. В марте 1933 года перед микрофоном выступили лучшие комсомольцы Дальзавода, решившие добровольно поехать на год в деревню, чтобы передать колхозникам опыт своей ударной работы на производстве. Когда во Владивостоке проходил 1-й Дальневосточный съезд рабочих рыбной промышленности, нам удалось организовать специальную передачу, в которой приняли участие пять делегатов-комсомольцев.

Но бывали и неприятные срывы. 3 октября во Владивосток приехал наш земляк, писатель А. Фадеев вместе с группой кинорabотников во главе с А. Довженко. Они готовились снимать кинофильм о Дальнем Востоке. Мы настолько были уверены, что они не откажутся выступить перед микрофоном, что заранее объявили об этом по радио. Но Фадеев и Довженко очень вежливо, но решительно отказались от выступления, заявив, что о новом фильме говорить еще рано, а потому радиопередачу о нем следует перенести на следующий год.

5 января 1934 года Президиум Приморского областного исполкома Советов принял постановление об организации Комитета по радиофикации и радиовещанию, тем самым объединив эти два важных участка работы. Именно в это время В. М. Козлов был освобожден от работы по болезни, а председателем комитета был назначен Сурвилло. Радиокомитету было предоставлено и новое помещение в двухэтажном доме по ул. Первого Мая, примерно в том месте, где сейчас стоит театр имени Горького.

29 января 1934 года Владивостокский трансляционный радиоузел начал регулярно транслировать передачи из Москвы, а затем и из других городов СССР. Значение этого становится понятнее, если учесть, что в то время еще не существовало прямой телеграфной связи с Москвой, ее установили только через два месяца. К концу года в Приморье имелось 13 радиостанций и 1739 радиоточек. Радиоприемников в свободной продаже тогда еще не было, они изготавливались в основном кустарным способом радиолюбителями, поэтому такой рост радиофикации был значительным достижением.

1935 год вошел в историю Приморья как период массовой радиофикации края. 29 января в пригороде Владивостока было закончено строительство ширококвещательной радиостанции РВ-32 мощностью 20 киловатт. Передачи из Владивостока стали слышны почти во всех районах края. Одновременно проводилось оборудование мощного радиоузла морфлота, заканчивалась радиофикация территории Владивостокского торгового порта, квартир и общежитий его работников. Вступил в эксплуатацию трансляционный радиоузел на мысе Чуркина. Строятся новые радиостанции и радиотрансляционные узлы в ряде районов. За два года их общее число достигло 16, а мощность — 43,1 квт. К концу 1936 года в Приморье имелось 18 радиотрансляционных узлов, которые обслуживали 8 787 точек.

В 1939 году, с разделением Дальневосточного края и созданием Приморского, во Владивостоке создается краевой, а в Уссурийске областной радиокомитеты.

У жителей края насчитывалось до 30 тысяч радиотрансляционных точек и более 8 тысяч приемников.

Как можно узнать о новостях? Из газет и журналов, от соседей и друзей, но лучше всего — по радио. Оно гораздо быстрее других сообщит вам о происходящем. В конце 30-х годов жизнь на Дальнем Востоке стала тревожной. Многочисленные провокации на советско-китайской границе, вооруженные столкновения с японцами у озера Хасан и на Халкин-Голе все чаще и чаще заставляли приморцев вслушиваться в информационные сообщения: что нового принесут они. Все говорило о неизбежности войны. Именно с этим периодом был связан запрет на радиолюбительство. И у населения, и у организаций были изъяты все приемники, так как считалось, что их можно легко переоборудовать в передатчики на потребу шпионам и диверсантам. Но к этому времени большинство районов Приморья уже было радиофицировано. В 1940 году в крае насчитывалось свыше 70 радиоузлов, не считая ведомственных. Количество радиоточек в этот период превысило 31 тысячу, в том числе во Владивостоке их насчитывалось 11 тысяч. Для сравнения: в Амурской области в это время было 19 тысяч радиоточек. Объем вещания Приморского радиокomiteта достиг 13 часов, из которых 10 часов приходилось на собственное вещание, а три — на трансляции из Москвы.

Еще больше возросла роль радио в годы Великой Отечественной войны. Обо всех важнейших событиях на фронте, в тылу, в нашей стране и за рубежом приморцы узнавали прежде всего по радио. Вещание в военные годы отличалось особой оперативностью. Уже через два часа после того, как приморцы узнали по радио из Москвы о начале войны, по краю транслировался общегородской митинг трудящихся Владивостока.

Война потребовала коренной перестройки радиовещания применительно к условиям военного времени, с тем чтобы подчинить все передачи одной цели — всемерной помощи фронту, мобилизации приморцев на разгром врага. Основными передачами стали те, в которых рассказывалось о том, что происходит на фронте, и о том, как в Приморье претворяют в жизнь лозунг "Все для фронта, все для победы". Для этого был значительно увеличен объем общественно-политического вещания. Ежедневно по Приморскому радио шло до 15 передач на политические темы, в том числе пять выпусков "Последних известий" по материалам Советского информбюро и ТАСС, краевые и городские выпуски новостей, красноармейские и краснофлотские известия, выступления партийных и советских работников городского и краевого уровней на важнейшие темы дня. Из Москвы ежедневно транслировались выпуски "Последних известий" (до семи в день), передовые статьи "Правды" и материалы других центральных газет, письма с фронта и др.

— Тяжело было читать сводки Совинформбюро, — вспоминала старший диктор Приморского радио Евгения Антоновна Лихачева, заслуженный работник культуры РСФСР. — Мы заступали на круглосуточное дежурство и чувствовали большую ответственность. Все дикторы Приморского радио, работавшие в военные годы, — Георгий Громов, Вячеслав Соболев, Семен Кан, Софья Сарыева, Ольга Смирнова, Марина Антипина — достойно выполнили свой гражданский долг, многие были награждены медалями за доблестный труд в годы войны.

Сетка общественно-политических передач Приморского радио в конце 1941 г. выглядела следующим образом:

6.30–7.00 — последние известия из Москвы.

7.45–8.00 — последние известия и передовая "Правды"

8.30–8.45 — последние известия из Москвы.

12.00–12.15 — материалы краевой газеты "Красное знамя".

12.40–12.55 — последние известия

13.10–13.25 — статьи, беседы, корреспонденции с фронтов Великой Отечественной войны.

14.00–14.20 — последние известия из Москвы.

- 17.00–17.15 — последние известия.
- 17.30–17.45 — статьи, беседы, корреспонденции.
- 18.00–18.15 — последние известия.
- 18.45–19.00 — краевые известия.
- 19.00–19.10 — последние известия из Москвы.
- 21.00–21.15 — последние известия из Москвы.
- 21.30–21.40 — городские известия (по Владивостоку).
- 23.15–23.30 — статьи, беседы.
- 23.30–23.50 — последние известия из Москвы.
- 24.00–00.15 — последние известия из Москвы.

Если в начале войны редакция оборонного вещания в составе одного редактора входила в редакцию Последних известий, то с 1 октября 1943 года при содействии заместителя председателя радиокomiteта Арбузова была создана самостоятельная военная редакция, а в сетке вещания появились передачи для воинов армии и флота. Политуправление Тихоокеанского флота прикомандировало к этой редакции двух кадровых военных работников. Ежедневно выпускалось по три передачи: красноармейские и краснофлотские новости, статьи и выступления пропагандистского характера, обзор "Боевой вахты". Кроме того, по выходным дням выходил красноармейский и краснофлотский Радиочас.

При этом на Приморском радио регулярно выходили передачи для дальневосточных моряков, молодежи, жителей села, детей, продолжалось художественное вещание, которое также было подчинено задачам военного времени. О направленности литературно-художественных передач говорят их названия: "Герои земли русской", "Сталинские соколы", "Русские богатыри", "Подвиги смелых", "Поле русской славы", "В бой, славяне!" Чаще всего они представляли собой монтаж из стихотворений и музыкальных номеров. На радио осуществлялись постановки об Отечественной войне и о героическом прошлом русского народа, пьесы на антифашистские темы. В 1943 году по радио передавали драматическую поэму П. Антокольского "Чкалов", постановки "Жди меня" по К. Симонову, "Синий платочек" по В. Каву, "Генерал Брусилев" по И. Сельвинскому. Впрочем, не была забыта и классика. Наряду с произведениями на патриотическую тему, на радио ставились пьесы А. Островского, А. Чехова, И. Тургенева, А. Толстого, Б. Шоу, Г. Шиллера.

Постоянной драматической группы в штате Приморского радио не существовало, единственным артистом в коллективе был Василий Иванович Ромашов, он же выступал режиссером всех постановок. Для участия в них привлекали коллективы местных театров — краевого драматического, театра Тихоокеанского флота, а также приезжих артистов.

Регулярно выходили в эфир передачи о творчестве местных поэтов и писателей. Чтобы знакомить приморцев с новинками литературы, с апреля 1943 года был введен цикл "Критика и библиография" (всего вышло 20 передач).

В течение всех военных лет ежедневно звучала "Пионерская зорька", выходили передачи "Жизнь школы" и "Дед Всевед" — для дошкольников и младших школьников. Как и до войны, по радио выступали коллективы художественной самодеятельности детских садов и школ. При радиокomiteте был образован детский ансамбль песни и художественного чтения, который осуществил несколько постановок. Одной из лучших передач 1943 года была признана вестудийная из Дома пионеров и школьников, где на новогодней елке с детьми встретились Дед Всевед и его внучка.

Музыкальное вещание (ответственный редактор И. О. Шинкаренко) готовило до 15 концертов в день из циклов "Советские композиторы", "Великие русские композиторы", "Русская народная песня",

На снимке: группа работников Приморского радио 40-х годов (А. Я. Максимов, Л. Е. Клейман, Ладьякина, Н. И. Иванова, З. Ф. Первушина и др.)

“Лауреаты Сталинской премии”, “История русского романса”, “Легкая музыка” и др. В декабре 1943 года при радиокомитете был создан джаз-ансамбль.

За годы войны все работники радиокомитета научились значительно лучше работать при несравненно меньших силах, когда нагрузка на каждого редактора значительно возросла. В 1943 году в редакции последних известий, например, работало четыре человека, а в редакции пропаганды — два, причем во втором полугодии с этими обязанностями пришлось справляться одному сотруднику.

Сейчас жительнице Уссурийска Зое Алексеевне Леоновой далеко за 70, за ее плечами большой опыт журналистской и просветительской работы, а в 1942 году она только-только окончила школу-десятилетку и раздумывала, чему бы посвятить себя. Именно тогда она и услышала объявление о том, что Уссурийскому областному радио требуются литературные сотрудники в редакцию последних известий. По объему вещания радио в Уссурийске занимало второе место после Владивостока: передачи велись 2,5 часа в день. Несмотря на военное время, помимо редакции общественного вещания и городских известий, там существовали музыкальная и литературная редакции. Все работали напряженно, без выходных. Зоя, самая молодая в коллективе, с самого утра, как ищейка, бегала по городу в поисках новостей, а вечером уже рассказывала в эфире о том, что на каком-то заводе открылся новый цех, на масложиркомбинате выпустили много сверхплановой продукции, а какой-то машинист провел тяжело нагруженный состав.

Готовились на областном радио и аналитические материалы: что означает, допустим, одна минута для сахарного комбината или как добиваются повышения производительности труда в локомотивном депо. Зое Алексеевне до сих пор приятно вспомнить, что многие ее корреспонденции повторялись потом по краевому радио.

— А сколько очерков я написала! — рассказывает она. — О токарях, слесарях, механиках. Я знала весь город, и весь город знал меня.

Важнейшие события военного времени сразу же становились известными всему населению края, а радио в военные годы регулярно слушали все приморцы. Сводки Совинформбюро передавались по несколько раз в день, часто звучали сообщения “В последний час”. В краевых и городских известиях за первый год войны было передано около 10 тысяч информации оперативного характера о важнейших

На снимке: академический хор радиокомитета.

событиях в жизни края, прошло свыше 50 вестудийных передач с промышленных предприятий, колхозов и совхозов.

Сотрудники радиокомитетов — и во Владивостоке, и в Уссурийске — широко и оперативно освещали все политические и хозяйственные мероприятия военного времени: сбор зимней одежды для бойцов действующей армии, сбор металлолома, создание народного фронта обороны, денежно-вещевые лотереи и т. д. Широко обсуждались по радио вопросы, связанные с военным обучением местного населения, противоздушной химической обороной и др. Готовились репортажи о том, как собирали посылки и отправляли подарки на фронт, сколько денег собрали местные жители в пользу фронта, сколько драгоценностей сдали. Ни один такой случай не оставался незамеченным. Выступать по радио считалось большой честью, и люди сами охотно приходили в редакцию.

Для выступлений по радио также широко привлекались фронтовики, оказавшиеся в тылу после ранений, передовики промышленности и сельского хозяйства. Только в первый год войны у микрофона Приморского радио выступило более 700 человек. Однажды З. А. Леоновой поручили встретиться с фронтовиком Драгуновым, вернувшимся в Уссурийск после лечения в госпитале, и пригласить его в радиокомитет, чтобы он выступил у микрофона и рассказал о положении на фронте. У бойца не было ноги, и он ходил на костылях. В назначенный час девушка зашла за ним, чтобы привести на радио. Дело было зимой, автобусы не ходили, а на пути, как на грех, попался овраг с мостиком, с которого жители разобрали все доски на топливо — инвалиду с костылями никак не пройти. Времени до передачи — в обрез, а Зоя с фронтовиком стоят у оврага и не знают, что делать. Хорошо, машина рядом проходила. Девушка бегом к ней, попросила водителя перевезти своего спутника. Выступил он по радио успешно, а водитель догадливым оказался, подождал его и отвез обратно домой.

Единственным мужчиной в коллективе Уссурийского областного радиокомитета в военное время был старенький источник. Когда он умер, женщинам пришлось самим топить печи. Вечером кто-то один оставался на дежурство, протапливал все печи, закрывал трубы и только тогда мог идти домой. Обычно это было уже около 2 часов ночи. Время от времени сотрудницы ездили на шахту за углем: сами грузили топливо, а потом разгружали его во дворе радиокомитета. На трудности никто не жаловался, все работали с энтузиазмом, самозабвенно.

— Только после войны мы узнали, что бывают отпуска и выходные, — вспоминает Зоя Алексеевна Леонова, — а тогда о них даже не думали, работали и работали. Но мы получали паек хороший — по литру "А" — там хлеб был, масло, кусочек сыра, соль, спички. Так что благодаря работе на радио удавалось поддерживать семью. А опыт, полученный за годы войны, очень пригодился в дальнейшей работе.

Рецензия

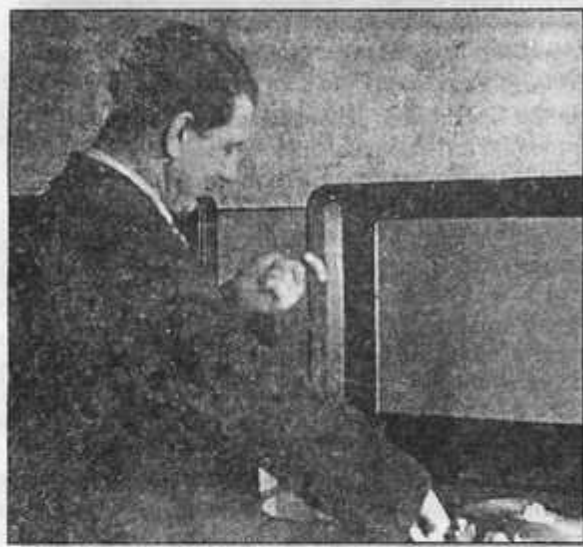
на микрофонные материалы Тавричанской радиоредакции за 1947 г.

Ценным в выпусках районных известий являются передовички, разъясняющие трудящимся района важность той или иной политической кампании. Иногда они давались в виде обзорных статей, отражающих социалистическое соревнование на предприятии. Положительным фактором в работе радиоредакции за февраль были специальные передачи — целеустремленные, направленные. Например, специальная передача "Избирательный закон", созданная в форме вопросов и ответов.

Кисленко.

Георгий Громов

Как набивать матрасы морской водой

В один из жарких июньских дней 1938 года я с товарищем пришел в небольшое двухэтажное здание по ул. Первого Мая, на стене которого значилось: “Радиокомитет”. Вот уже несколько дней по радио звучало объявление о том, что сюда требуются дикторы, и мы решились сходить на испытание, хотя ни он, ни я ничего не знали об этой работе. И вот дрожащей рукой я включаю какой-то рычажок на пульте — мне его показали заранее — и читаю выданную мне статью из газеты. Потом меня пригласили в кабинет председателя комитета Михаила Федоровича Залевского, который объявил:

— Вы нам подходите, будете работать диктором.

Через несколько дней в отделе кадров в новенькой трудовой книжке — первой и последней — записали: “8 июня 1938 г. Принят на работу диктором”. В первые дни

ничего серьезного мне читать не приходилось, доверяли пока только объявления, но и в них я от волнения делал ошибки. Однажды пригласил радиослушателей покупать “поленевые занавески”, а на другой день посоветовал “набивать матрасы морской водой”.

В обязанности диктора входило также вести музыкальные программы — их называли концертами: концерт скрипичной музыки или танцевальной музыки. В студии стоял самодельный столик с адаптером — головкой для проигрывания пластинок. Выпускающая приносила в студию стопку пластинок, и диктор, объявляя название произведения, запускал музыку в эфир. Кроме этого по радио читали обзоры газет, лекции, давали музыкальные композиции, в которых песни чередовались со стихами.

Настоящую революцию в радиовещании произвели первые звукозаписи. Их называли тонблоками. Это была звуковая дорожка, записанная на обычную киноплёнку, но без изображения. Для воспроизводства записи кинопроектор был не нужен, хватало одной звуковой головки. Москва стала присылать концерты, оперные и другие спектакли, комплексы утренней гимнастики.

Вскоре стали предприниматься трансляции из других городов. Первым в эфир вышел г. Артем. “Говорит Артем” — эти слова произвели фурор среди радиослушателей. Неужели это возможно, спрашивали знакомые при встрече, вот так говорить по радио из другого города? Все было новым, необычным, молодым. И комитет тоже был молодым: средний возраст сотрудников не превышал 30 лет, в то время он уже был солидной организацией со своими солистами, хором, филиалами в Уссурийске и Лесозаводске.

“Передаем краевые известия” — эти слова звучали в эфире с 1935 года. Редакцию последних известий возглавлял комсорг радиокомитета Анатолий Вахов, в будущем известный приморский писатель. В редакции также работали энергичные люди, энтузиасты, любящие радио Н. Алеева, Л. Субботенко, Ничипурович, Хальченко, в будущем один из заместителей генерального прокурора СССР. Мне часто

приходилось читать известия, и я хорошо помню их содержание. В информационных выпусках того времени освещалась работа промышленных предприятий Приморья: "Дальзавода", завода "Металлист" во Владивостоке, артемовского "Кунгаса", рыбных промыслов. Особое внимание уделялось ходу социалистического соревнования: шли годы первых пятилеток. К микрофону приглашались первые выступающие — рабочие, учителя, врачи. Собственных записей тогда еще не было: у нас просто не существовало такой аппаратуры, но репортажи мы уже делали, начиная с 1938 года. Первым был Анатолий Вахов, организовавший репортаж с борта подводной лодки, стоявшей у пирса. Вел его я, а обеспечивал прохождение в эфир техник Владимир Феофанович Куделя. Затем последовал репортаж из ближайшей МТС, автором его тоже был Вахов. После этого стали входить в практику радиотрансляции с места проведения митингов, концертов. Запоминающейся была трансляция митинга на Вокзальной площади по поводу прилета на Дальний Восток знаменитого летчика Коккинаки.

В августе 1938 года была сделана первая внестудийная запись помощью на прообразе магнитофона — шоринофона. Только что закончились Хасанские события, и нам надо было воспроизвести на пленки сцену боя — взятие сопки Заозерной. Шоринофон представлял собой довольно громоздкое сооружение. Это была станина размером 1,5 на 0,5 м, на которой крепилось звукозаписывающее устройство. Запись велась на кинопленку путем выдавливая на ней бороздок. Организация внестудийных записей была по тем временам сложным и хлопотным делом. На Хасан, например, шоринофон пришлось доставлять на грузовой машине. Осуществил эту запись тот же техник В. Ф. Куделя, записав голоса красноармейцев и командиров, а также стрельбу холостыми патронами. Запись была отправлена в Москву.

Несмотря на бедность технических средств, сотрудники редакции информации проявляли максимум творческой выдумки, а порой и мужества. Они считались самой боевой редакцией в радиокомитете.

После войны я вновь работал диктором, но уже неудержимо тянуло в редакцию последних известий. Первые попытки написать информацию вроде бы были одобрены. К этому времени на радио появился магнитофон. Был он тяжелым — 70 кг и предназначался для студийных записей. Он был получен из Берлинского дома звукозаписи. Оттуда же пришел и тонфоль — аппарат для записи на пластинки. Звукооператор тонфоля Андрей Бурдин по инициативе начальника музея ТОФ Бориса Александровича Сушкова

Газеты о Приморском радио

Приморское радио начинает новый цикл тематических передач "Батальоны встают на поверку". Они выйдут в октябре — ноябре этого года в преддверии знаменательной даты — 40-летия нашей Победы над фашизмом. Основа передачи — это письма участников войны, их рассказы и воспоминания, а также архивные записи. Первые выпуски передачи "Батальоны встают на поверку" вышли в эфир в 1980 году, сразу вызвав большой поток писем. Сейчас в рукописном архиве "Память" их несколько тысяч. А в звуковом архиве хранятся уникальные магнитофонные записи выступлений как видных военачальников, так и простых солдат и офицеров.

Г. Громов

«Красное знамя».

7 октября 1984 г.

Нет, наверное, среди приморских журналистов человека, которому выпала бы такая популярность, такое доверие, как радиокорреспонденту Георгию Громову. Передача "Батальоны встают на поверку", прожившая на белом свете свыше десяти лет (1980–1990), собрала уникальный исторический материал об участии дальневосточников в Великой Отечественной войне. Ушел Георгий Громов на заслуженный отдых, а передача не заканчивается. До сих пор идут в адрес радиокомитета письма с пометкой "Батальоны".

«Утро России».

9 мая 1992 г.

записал голоса десятков известных в Приморье людей: соратников С. Лазо, ученых, военачальников и др. Вот тогда-то и зазвучали голоса приморцев в выпусках последних известий. В последующем все эти уникальные записи хранились в архиве музея ТОФ.

В 1948 году комитет получил новую технику — магнитофон МАГ-2А. Он состоял из динамика весом 15 кг; звукозаписывающего устройства — 50 кг; выпрямителя 10 кг. Но управление аппаратом было несложным, поэтому я и редактор Георгий Малахов решились поехать на первый репортаж без оператора. Была ранняя весна. О репортаже Г. Малахов договорился с аэродромом метеослужбы, до которого мы добирались на поезде, а потом пешком. Сначала все шло хорошо: бобины крутились, стрелка индикатора записи колебалась. А затем почему-то бобины стали крутиться в другую сторону, сбрасывая

пленку. Мучались мы часа два-три. Наконец, покрутив чего-то внутри аппарата, мы добились, чтобы он заработал, правда, без воспроизведения. Записали репортаж "втемную". Добрались до студии уже ночью, но решили все же проверить, записали ли мы хоть что-нибудь. Включаем — и слышим мужские голоса, выражающие крепкими словами свое отношение к дрянной технике. Записались, к счастью, и голоса летчиков.

По статистике 1949 года перед микрофоном последних известий и других общественно-политических передач выступило около 900 человек: стахановцев, знатных людей края, руководителей предприятий и учреждений, ученых.

К первым прямым репортажам надо отнести и репортаж с высоты 300 метров. Приближался Первомайский праздник 1948 года, и мы раздумывали, что бы такое сделать, чтобы Первомайский репортаж получился необычным и интересным. Идея пришла Константину Селезневу, зам. председателя радиокomiteта. Что если корреспонденту провести репортаж с самолета, рассказав, что он видит с высоты 300 м. Осуществить задуманное взялся редактор последних известий Борис Ничипурович. Разработали схему: вести репортаж через радио на самолете с подачей на аппаратную вещания, а оттуда — в эфир. Самолет нам предоставили У-2. Радиосвязь обеспечивали как наши, так и военные связисты. Репортаж, действительно, получился эффектным. В Первомайское утро точно по графику над городом показался самолет, шел он на высоте 300 м. И вдруг в динамиках на улицах, где шли колонны демонстрантов, зазвучал голос Бориса Ничипуровича:

— Внимание, говорит Владивосток! С борта самолета я вижу, в каком праздничном убранстве находится наш город.

Реакция людей была потрясающей: все махали руками, флагами. Это был настоящий контакт репортера и радиослушателя. Репортаж длится 10 минут. Самолет скрылся за горизонтом, а мы долго еще не могли придти в себя от волнения. С тех пор мы старались в каждый праздничный репортаж включать такие неожиданные моменты.

Следующим видом звукозаписывающей техники был магнитофон "Днепр". Весил он около 25 кг, и его мог перенести один человек, что мы часто и делали, так как в радиокomiteте имелась только одна машина — полторка. Затем мы получили удивительный, маленький, весом не более 5 кг магнитофон "Днепр-2". Аппарат производил запись в течение 5 минут, кассеты вращались пружиной, которую надо было, как у патефона, заводить ручкой. Была в этом аппарате одна каверзная особенность: бывало,

На снимке:
Г. И. Громов
на выездной записи.

пружина лопалась, и тогда аппарат разлетался на куски. Так произошло у Сергея Левина. На глазах у изумленной публики — он вел репортаж с соревнований пожарных — раздался негромкий взрыв, и Сергей остался только с ручкой от аппарата.

Микрофоны тоже были необычными: неуклюжие, в мраморной оболочке, угольные или конденсаторные — эти казались нам шедевром техники. Облегчили работу корреспондента магнитофоны “Репортер-2” и “Репортер-3”. Они позволяли расширить рамки информации, включать в выпуски репортажи, голоса приморцев. В 1948 году редакция стала готовить собственную программу — “Советское Приморье”. Ее первыми редакторами стали мы с Борисом Ивановым. Наряду с “Пионерской Зорькой” наш радиожурнал можно считать самой первой радиопередачей Приморского радио.

Громов Георгий Исаевич. Родился в 1919 г. Трудовую деятельность начал в 1938 г. диктором Приморского радио. В 1939 г. был призван в Советскую армию, окончил летное училище. В 1941 г. был ранен и демобилизован. Награжден орденом Красной Звезды. В 1942 г. возвращается в Приморский радиокomitee, где работает диктором, корреспондентом радио, а затем телевидения, старшим редактором последних известий телевидения, главным редактором редакций информации телевидения и радио. Автор серии телевизионных передач “Экран мужества” (1970 г.) и радиожурнала “Батальоны встают на поверку” (1980–1990 гг.). Г. И. Громов умер 21 мая 1996 г.

Конец 1927 г. —

Владивостокская радиостанция вошла в организованное в Москве общество “Радиопередача”.

17 марта 1928 г. —
принято постановление Владивостокского окружкома ВКП(б) об улучшении качества программ радиовещания в округе. Оно предусматривало введение специальных радиогазет для рабочих, крестьян, детских передач, вовлечение в работу радио самодельных музыкальных и драматических коллективов, организацию радиопередвижек, радиофикации красных уголков, школ, изб-читален.

Сентябрь 1928 г. —
создан Владивостокский радиовещательный центр, в ведение которого перешла как техника, так и радиoproграммы. Начальником радиocentра и ответственным редактором назначен П. К. Волгин.

Николай Глушенко

Перед микрофоном, как на краю пропасти

В июне 1951 года по направлению Приморского крайкома партии я прибыл в Приморский радиокомитет. К этому времени меня уже нельзя было считать новичком в журналистском деле — я был редактором многотиражной газеты "Ворошиловец" на Дальзаводе, собственным корреспондентом "Комсомольской правды" по Приморскому краю, учился на центральных газетных курсах при ЦК ВКП(б), после чего работал в газете "Тихоокеанский комсомолец" — зав. отделом пропаганды и агитации, ответственным секретарем, редактором.

Радиокомитет в то время считался одним из крупнейших в Союзе по объему радиовещания, он был укомплектован сильными журналистами. Председателем тогда был старейший и опытный журналист Семен Владимирович Юрченко. У него было два заместителя — Константин Евгеньевич Селезнев, возглавляющий художественное вещание, и Владимир Яковлевич Абрамов, курирующий общественно-

политическое вещание. Первый — уравновешен и спокоен, интеллигентно сдержан, второй — экспансивен, горяч и дерзок. О каждом из них можно писать книгу. Соответственно замам были и две главные редакции. Литературно-музыкальное вещание возглавляла способная журналистка Нора Романовна Коварская. В ее подчинении были редакция литературных передач (отв. редактор Нина Ивановна Иванова), редакция музыкальных передач (отв. редактор Александр Иванович Шинкаренко, позже — Антонина Ричардовна Шинкаренко), редакция передач для

На снимке: группа работников радиокомитета 50-х годов (Н. И. Глушенко — в первом ряду, А. М. Чернеева, Э. А. Каганская, Белоусова, Н. А. Хрулькова и др.)

детей (отв. редактор Нина Смышникова, позже — Ирина Стрельникова), симфонический оркестр (главный дирижер Борис Викентьевич Вернер) и хор (руководитель Титаренко).

В главную редакцию общественно-политического вещания, которой стал руководить я, входили редакция пропаганды (отв. редактор, старейшая журналистка Этель Аркадьевна Каганская), промышленности (редакторы Борис Александрович Иванов, затем Сергей Петрович Корчагин, Нина Александровна Хрулькова), сельскохозяйственная редакция (отв. редактор Григорий Ильич Левин, позже Аглая Михайловна Чернеева-Суроедина), редакция последних известий (отв. редактор Леонид Маркович Субботенко, позже Вячеслав Михайлович Смирнов, Павел Ильич Шварц), редакция молодежных передач (редакторы Павел Бровкин, Рената Ричардовна Городнева, Лариса Дахалейсер, Зара Уманская, Борис Лившиц). В редакцию последних известий входила редакция радиожурнала "Советское Приморье", вдохновителем и организатором которого был Георгий Исаевич Громов.

Большинство журналистов, работающих на радио, были газетчиками, и поэтому язык радиопередач поначалу казался нам странным. Он требовал не только высокой литературной грамотности, но и хорошего звучания, доходчивости, элементов разговорной речи. Редактируя статьи, очерки, корреспонденции, так

и хотелось поначалу вычеркнуть лишние слова. Но специфика радио — живое звучание голоса. С этой целью мы часто практиковали внестудийные передачи, хотя звукозаписывающая аппаратура состояла из множества громоздких ящиков, которые надо было на грузовой машине доставить на место записи, а затем вернуть в студию. После этого начинался монтаж передачи и прослушивание ее главным редактором. Особо важные передачи прослушивались председателем комитета или его заместителями.

Вспоминается первая моя передача с борта флагмана «Востокрыбхолодфлота» «Пищевая индустрия». Выехали на запись мы вдвоем с Б. А. Ивановым, асом подобных передач, который свободно чувствовал себя в любом месте, владел микрофоном, обладал хорошей дикцией, умело завязывал беседу с выступающими и, наконец, хорошо подбирал подходящие производственные шумы. И вот по ходу передачи он вдруг предлагает мне взять микрофон и прочитать на фоне теплоходных гудков небольшой текст. Казалось бы, что проще? Но со мной произошло что-то непонятное. Держу микрофон и чувствую себя, как на краю пропасти. Горло стянули спазмы, в глазах помутнело, ни одного слова без заикания произнести не могу.

— Стоп мотор! — кричит Борис.

Так я и не смог провести передачу, текст которой фактически сам написал.

Было очень досадно, но вместе с тем появились интерес и желание научиться говорить по радио. Следующую передачу я готовил из Первореченского вагонно-пассажирского депо. На запись вновь едем вдвоем с Борисом Ивановым, но на этот раз я пригласил его только как чтеца, ведущего передачу. Собрались участники передачи, включили мотор, и вдруг Борис Александрович отдает мне микрофон:

— У меня что-то першит в горле, веди передачу сам.

Что делать, беру микрофон и начинаю читать. Борис же стоит в стороне, одобрительно улыбается и показывает большой палец. К моему удивлению, передача получила хорошую оценку. Первый экзамен выдержан!

На другой день в редакцию зашла диктор Евгения Антоновна Лихачева.

— Вам необходимо убрать из речи украинизмы и основательно поработать над произношением.

С помощью ее и других дикторов я начал учиться, и постепенно речь стала грамотной, а сама я преодолел стеснение во время передач.

Готовясь к выборам в Верховный Совет СССР, мы решили рассказывать радиослушателям об изменениях, которые произошли в стране за годы Советской власти. Связались с радиокомитетами союзных республик, попросили присылать материалы оттуда, а сами взялись за создание радиоочерков о жизни Приморья. Они передавались один раз в неделю и пользовались большой популярностью, так как были написаны хорошим литературным языком, музыкально оформлены. Каждый из них занимал полчаса.

Запомнился и цикл радиоочерков «Для демобилизованных воинов советской армии и флота», в которых мы рассказывали о приморских городах и селах с таким расчетом, чтобы воины, служившие на Дальнем Востоке, оставались после службы в нашем крае. Результаты оказались поразительными: многие воины действительно оставались работать в Приморье, а экипаж тогдашнего крейсера «Калинин» полностью изъявил желание работать в шахтах Артема и Партизанска.

Рецензия

на микрофонные материалы Ольгинской радиоредакции за январь 1947 г.

Политическая направленность материалов не идет вразрез задачам, стоящим в данный момент перед страной, но освещение местной жизни носит однобокий и явно недостаточный характер. Редакция в каждой своей передаче хотя и освещает организационно-техническую работу, проводимую перед выборами, но корреспонденции это явно случайные и охватывают не весь Ольгинский район, его населенные пункты, а только за редким исключением поселок Ольгу. Недопустимо мало редакция останавливается на освещении социалистического соревнования в честь выборов. Если соревнование развертывалось в колхозах и на рыбобазе недостаточно, редакция обязана была помочь партийным руководителям мобилизовать трудящихся на борьбу за досрочное выполнение планов.

З. Первушина.

ХРОНИКА

1928 г. —

во Владивостоке проведены первые опыты по использованию для радиовещания проводов городской телефонной станции.

1929 г. —

радиоцентр во Владивостоке отошел в ведение Наркомсвязи, что дало ощутимое финансирование — оно позволило оборудовать радиостудию, создать небольшой штат, включая диктора и художественного руководителя.

Конец 1929 г. —

началось проводное вещание. Работники телефонной станции и радиолaborатории общества "Пролетрадио" построили усилитель, в центре Владивостока были установлены мощные репродукторы.

Декабрь 1931 г. —

создан (в системе связи) Владивостокский комитет по радиовещанию, председателем назначен Василий Макарович Козлов.

Удачно, на мой взгляд, были организованы передачи-переключки соревнующихся городов Владивостока и Уссурийска, Артема и Спасска, Находки и Партизанска. В передачах появился элемент критики, пока, правда, не прямой, чтобы не давать пищу враждебной пропаганде, а осторожной, путем сопоставления: у двух предприятий условия одинаковые, а результаты разные.

Самым популярным жанром на радио был репортаж — оперативный, достоверный. Инициатор бестекстового, неподготовленного заранее репортажа Георгий Громов первым же освоил переносной звукозаписывающий аппарат "Репортер". Вслед за ним потянулись молодые журналисты и проходившие у нас практику студенты — Валентин Ткачев, Борис Савицкий, Борис Лившиц, Борис Костин, Борис Максименко, ставшие затем видными журналистами. "Репортер" произвел настоящую революцию в радиовещании: в эфире с утра до ночи звучали голоса передовиков соревнования, деятелей науки и искусства.

Когда в коллективе возникали неурядицы и творческие споры, шли на суд к "нашему Семену" — так между собой называли мы председателя радиокomiteта Семена Владимировича Юрченко. Там мы находили утешение, получали заряд на следующую передачу. Во время особых политических кампаний, таких, как выборы в Верховный Совет или местные Советы журналисты стали выходить в эфир с избирательных участков. И здесь всегда отличался Г. Громов.

Радиослушателям были хорошо знакомы и голоса наших дикторов: Алексея Задачаина, Владимира Балашова, Лазаря Коробченко, Вячеслава Соболя, Евгении Лихачевой, Веры Демидовой, Натальи Кондратенко, Марины Антипиной и др. Они вели передачи о жизни приморцев, их делах в годы послевоенных пятилеток. Эти передачи были организованы собственными корреспондентами и журналистами из городских радиоредакций: Леонидом Кишиневским, Василием Мажугой, Алексеем Коноплевым, Валентиной Самойловой, Зоей Бойко, Нинель Гулянской, Борисом Слуцким, Владимиром Киселевым, Татьяной Кошелевой. Активное участие в радиопередачах принимали приморские писатели: Василий Кучерявенко, Георгий Халилецкий, Михаил Самунин, Олег Щербановский, Константин Майбогов, Ефим Терещенко и многие другие.

Большинство радиопередач были музыкально оформлены, вели их лучшие артисты краевого драматического театра имени Горького и театра Ленинского комсомола. Координировал их действия заслуженный деятель искусств РСФСР мастер художественного слова режиссер радиокomiteта Василий Иванович Ромашов.

С грустью расставался я с замечательным коллективом Приморского радиокomiteта, уходя на работу в Дальневосточное отделение ТАСС. Здесь, находясь на большой журналистской работе, я почувствовал, какую школу прошел на радио: приобрел закалку, мастерство, оперативность. Я убежден в том, что стать настоящим журналистом можно, только пройдя через радиокomiteт, большую школу жизни.

Мой второй дом — радио

В январе 1926 года должен был состояться первый пробный концерт Владивостокского радио. Я еще ученица второго курса музыкальной школы и вдруг получаю приглашение выступить в этом концерте. Это было тем более неожиданно, что я не имела представления, что такое радио.

На Эгершельде в крошечной комнате меня поставили перед микрофоном — маленькой коробочкой на высоком шесте. Указали на нее и добавили, чтобы я не вертелась и стояла спокойно. Я запела. Удивительно:

нет зрителя, никто не реагирует на мое пение, и я решила, что пела плохо. Но мне улыбались, а потом, выключив микрофон, поблагодарили. Изредка потом меня приглашали на радио, и я была по-детски рада. И первый руководитель радио П. К. Волгин, и его помощник инженер Д. Пиляй были замечательные люди. Их отличали внимание и деликатность, благородство по отношению к нам, молодым, еще не профессионалам, делавшим только первые шаги в искусстве. И мы это очень ценили.

Работа на радио развертывалась стремительно. Расширялся и штат музыкальных работников. Вначале у нас был маленький, вроде салонного, оркестр, который вырос в большой симфонический. Приглашались певцы-профессионалы. Один раз в месяц мы ставили полностью оперы. Работать стало очень интересно, хотя и трудно. Я хорошо понимаю теперь, какую большую задачу выполняло Владивостокское радио. Оперного театра у нас в городе не было, и только радио несло людям музыкальную культуру. Владивостокцы полюбили наши оперные постановки, а мы старались полнее раскрывать им прелесть музыкальных произведений. Мы давали и много открытых шефских концертов. Хорошо помню один — 6 октября 1941 года в театре имени Горького силами артистов радио в фонд обороны страны был дан большой симфонический концерт.

У меня в жизни было как бы два дома. Свой семейный, и второй — радио. Вся моя жизнь связана с ним. Я так любила свою работу. Она давно перестала быть работой, мое большое любимое искусство, неразрывная часть моя — радио!

На снимке: солистки Приморского радио
(Т. Иванова, З. Каширская, Э. Арефина,
О. Доброхотова, О. Беляева).

Рецензия

на микрофонные материалы Хорольской радиоредакции за январь 1947 г.

В отличие от микрофонных материалов многих других редакций материалы Хорольской радиоредакции (за немногим исключением) составлены грамотно, хорошим культурным языком. Редакция старается разнообразить помещаемый ею в одном выпуске материал на одну и ту же тему (например, встречи избирателей со своим кандидатом). Если об одной встрече дается развернутая информация, то о другой — в виде зарисовки.

В выпусках почти нет корявых мест. Они составлены живо, легко слушаются. Предложения строятся стилистически верно. Но, к сожалению этого нельзя сказать про тексты выступающих у микрофона. Здесь наиболее слабое место в работе радиоредакции. Несмотря на то, что к микрофону приглашаются, казалось бы, квалифицированные люди, их выступления отличаются большой небрежностью в стиле и в языке, не говоря уж о неграмотном написании простых слов.

Шануро.

Переплелись передачи, люди, жизнь

В общей сложности я проработала на радио тридцать лет — с 1935 по 1965 год. Тридцать лет! Целая жизнь! Она не была легкой. Годы развития и расцвета нашего края, годы становления радио, а затем и телевидения. Трудные годы исканий новых форм вещания, работы с людьми, постоянного изучения темы. Это приходит не сразу и не ко всем. Многие не выдерживают требований, которые предъявляет журналисту жизнь, и уходят. Но те, кто остается, — остается навсегда.

1935 год. Приморский краевой комитет радиовещания только-только начал обретать силу. Старый дом на улице Первого Мая приспособили для радиовещания. В нем размещались все редакции, отдел кадров, бухгалтерия, стенографистки, машинное бюро. В самой большой комнате оборудовали вещательную студию. Теснота страшная. В одной комнате размещалось по несколько редакций — столов, поставленных впритык друг к другу. Так, общую комнату занимали краевые известия, городские известия

(они были самостоятельной редакцией), музыкальная и военная редакции. В тесноте, но не в обиде жили сельскохозяйственная и промышленная редакции. Ко всем журналистам приходили люди: разговаривали, обсуждали материалы, звонили по телефону. В такой обстановке и работали. Очень трудно было с командировками. Своих машин у радиокomiteта не было (да и вообще в крае их было мало), а добираться бывало нужно в самые отдаленные районы. Приходилось использовать любую оказию — порой верхом на лошади, порой пешком.

Писать для двух редакций — сельскохозяйственной и краевых известий, работая внештатно, я начала, еще живя в Находке и будучи корреспондентом “Красного знамени” по Партизанскому и Шкотовскому районам. Радио в то время испытывало огромную нужду в журналистах, мои материалы шли без задержки, и эта оперативность меня покоряла. Когда же однажды я приехала в село Казанку, удаленную от районного центра, и услышала слова благодарности за материал, переданный по радио, то и вовсе почувствовала огромные возможности, которыми располагает радио, входя в каждый дом, каждую семью. Однако окончательно я перешла на радио спустя несколько лет, в 1943 году. Там еще больше ощущали потребность в сотрудниках после того, как не вернулись с фронта замечательные люди — поэты Вячеслав Афанасьев, Георгий Корешов, Александр Никулин. Живые должны были встать на место павших.

Продолжалась война. Журналисты, как и все приморцы, работали, не считаясь со временем, преодолевая усталость и недоедание. Шли в заводские цеха, на суда морского пароходства, к рыбакам, на колхозные поля и фермы. Наши санитарные дружины — ими в ту пору руководила Антонина Ричардовна Шинкаренко — несли круглосуточные дежурства, как на любом предприятии. Мы искали новые формы подачи материала, старались сделать его свежим, доходчивым, привлекать к микрофону людей, своими руками создающих материальные ценности, тех, кто жил и работал по главному принципу того времени — “Все для фронта, все для победы”.

Удавалось далеко не все, проскальзывали серые страницы, ненужное обилие цифр. Летучки наши проходили бурно, до истины доходили в спорах. Трудности заключались еще и в том, что председатель комитета Михаил Федорович Залевский, мягкий, душевный человек, непонятно почему порой очень туго принимал новое. Нагрузка была огромной. Мы выпускали четыре — пять местных передач в неделю от 10 до 20 минут каждая и материалы Всесоюзного радио.

С первых же дней работы на радио я столкнулась с недопустимым промахом: в редакции совершенно

не было "загона" — нужных, солидных, уже готовых материалов, которые могли бы ждать своей поры, давая возможность журналистам готовить оперативные материалы. Не было и авторского актива. С этого я и начала. Бывая в районах, я искала в крупных хозяйствах серьезных и авторитетных людей, которые могли бы стать представителями редакции. Ездил я очень много, имела тесные контакты с секретарями райкомов партии, руководителями колхозов и совхозов, была знакома с семьями селян, тщательно изучала сельскохозяйственное производство.

Работала я с увлечением, но неудачи все же случались. Бывает, вкладываешь в передачу много сил и дум, а она получается серой, скучной. То выступающий говорит плохо, не умея передать главного, то дикторский текст идет вразнобой с живыми голосами, то материал подается поверхностно. Меня мучили раздумья: почему так произошло. То ли автор готовил передачу наспех, то ли я плохо объяснила ему задание. Так все и переплеталось: передачи, люди, твоя жизнь. Мало-помалу сколачивался авторский коллектив. С приходом к руководству радиокомитета С. В. Юрченко этой работе во всех редакциях было придано важнейшее значение. Комитет получил новую технику — специальную машину со звукозаписывающей аппаратурой. Большим стимулом было и то, что мы чувствовали сопричастность нового председателя к нашим творческим делам. Если возникали трудности, скажем, в выработке плана освещения хода уборочных работ, я шла к Юрченко:

— Мне нужна ваша мысль.

И начиналось всестороннее обсуждение, в результате которого мы из нескольких вариантов выбирали лучший. Это было настоящее творческое содружество.

В горячие дни весенней или уборочной страды, когда город приходил на помощь селу, редакции — сельскохозяйственная (в 50-60-е годы в редакции работало двое — я как старший редактор и Петр Матвеевич Герцев), пропаганды, литературная, музыкальная — создавали бригады и, выезжая в районы, готовили большие интересные передачи. Такие же бригады направлялись в города и села в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР. Эти передачи пользовались большой популярностью.

Была и другая интересная форма работы: выездные редакции с привлечением коллег из других редакций. Работая над передачами для краевого радио, мы заодно выпускали радиогазету по району, в котором находились. Ее передавали рано утром, и жители района получали самую точную, самую свежую информацию, узнавали итоги соревнования за минувший день, кто впереди, а кто отстает и почему. Включали мы в эту радиогазету и небольшие очерки. Дело было новым и интересным. Зачастую приходилось встречать ночь на току, где собиралось много народа. Тогда я организовывала политинформацию или читку новостей из газет, а потом мы давали один из концертов, которыми нас щедро обеспечивала музыкальная редакция. Надо было видеть, как радовались люди. Они благодарили нас за большую и важную работу, говорили, что им очень помогает такое внимание.

Эти встречи запомнились навсегда. Возникали новые знакомства, откровенные разговоры о работе, семьях, книгах, о том, что волнует и радует селян, и о том, что они принять не могут. Возникла та близость, которая обогащает и журналистов, и тех, о ком они пишут.

Особое место в нашей работе занимала пропаганда передового опыта, но с годами становилось ясно, что эти передачи однообразны и похожи одна на другую. Как-то Семен Владимирович Юрченко предложил:

— А что если попробовать организовать школу передового опыта через радио-семинар? Сегодня, скажем, даем лекцию специалисту, а на следующем занятии проводим ее обсуждение.

Это предложение нам понравилось, и мы решили сразу же поставить его на солидную основу. Вместе с красивым управлением сельского хозяйства мы наметили главные темы для обсуждения, составили план, выбрали специалистов. В крайком партии нас поддержали и обещали помочь в выпуске афиш с перечнем тем занятий и временем передач. Эти афиши рассылали во все районы края. Лекции записывались на пленку. Затем мы взяли запись в село и,

На снимке:
первый легковой
автомобиль
радиокомитета.
«Победа» для
председателя.
Ноябрь 1955 г.

повторив лекцию, начинали обсуждение. Порой мнения расходились, возникали споры. В редакцию мы возвращались с богатым материалом, предоставляя специалисту делать обобщения. Так рождались подлинно массовые семинары школы передового опыта.

Этими передачами заинтересовался Всесоюзный радиокомитет, и на очередном ежегодном семинаре редакторов мне пришлось выступить с подробным рассказом о нашей работе. Тогда радиосеминар по пропаганде передового опыта был рекомендован всем комитетам Союза. Благодаря этим семинарам в авторский коллектив влились и оставались в нем долгие годы такие известные люди, как комбайнер Герой Социалистического труда Чибиряк, агроном-ученый А. Г. Волошенин, бригадир В. Хаблак, председатели колхозов Е. В. Ильина, И. Я. Поздняк, садовод-мичуринец С. Т. Белан и многие другие. В 60-е годы, когда сетка радиопередач — и наших, и московских — претерпела значительные изменения и требования к качеству возросли во много раз, именно они составили основу общественной редакции. В нее входило 15–17 человек. Общественная редакция составляла перспективные планы, определяла состав специалистов для ведения семинаров и для обсуждения темы. Теперь мы были уверены, что второстепенные темы в эфир просто не пройдут.

Анализируя тридцатилетний опыт работы на радио, прихожу еще к одному неожиданному выводу: огромную помощь нам, радиожурналистам-аграрникам, оказывал учет. У нас был заведен журнал учета передач, куда мы записывали тему, фамилии выступающих, их адреса. Готова до двадцати передач в месяц, невозможно запомнить, кто выступал у микрофона и о чем говорил. Журнал же нам помогал проследить за всем, что выходило в эфир. Мы имели возможность проследить и за развитием темы, и за интересами наших сельских авторов.

В 50-е — 60-е годы Всесоюзный радиокомитет допекал нас требованиями всевозможных отчетов и справок. Редакторам приходилось листать передачи, выбирать нужные сведения и тратить много времени. У нас же уходило на это минут 15 — достаточно было перелистать книгу учета.

Работа сельскохозяйственной редакции становилась на твердую основу, и это благоприятно сказывалось на качестве передач. Меньше случалось досадных промахов и ошибок. Надо сказать, что работу Петра Матвеевича Герцева и мою оценивали по справедливости: мы нередко получали почетные грамоты, благодарности, поощрения. В 1954 году мне посчастливилось работать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. В ту пору шло активное освоение края, и требовалось увилить поток переселенцев. Вместе с председателем колхоза имени Ленина И. И. Даниленко мы организовывали на выставке встречу с теми, кто хотел бы жить и работать в Приморье. Встреча удалась, передача о ней получила всесоюзное звучание, а в блокноте председателя колхоза появилось много адресов тех, кто изъявил желание поехать в наш край.

Справка

О пропаганде по радио передового опыта в сельском хозяйстве Приморья.

В 1954 г. редакцией сельскохозяйственных передач Краевого отдела радиоинформации было организовано и передано около 300 радиопередач по пропаганде передового опыта в сельском хозяйстве. Из них в области полеводства организовано 120 радиопередач, в области животноводства — 66, по вопросам механизации — 74, по вопросам организации труда в колхозах — 28. С рассказами о передовом опыте у микрофона выступили свыше 150 человек: бригадиры, председатели колхозов, звеньевые, директора МТС, механизаторы, агрономы. Кроме этих материалов значительное количество информации по вопросам передового опыта передавала редакция Краевых известий.

Из наиболее значительных радиопередач, организованных редакцией сельскохозяйственных передач, можно отметить следующие: “Что дает квадратный и квадратно-гнездовой способ посадки овощей и картофеля” — выступление агронома Муруго, “Опыт получения высокого урожая сахарной свеклы” — выступление свекловодов из колхозов Спасской МТС, “Наш план получения высоких урожаев в 1954 г.” — статья председателя колхоза им. Молотова Михайловского района.

Начальник Краевого отдела радиоинформации С. Юрченко.

Лев Ткачев

После общения с ним хотелось жить и работать

Непременным участником всех творческих летучек радиийщиков, которые проводятся каждую неделю в Малой студии Дома радио, является режиссер Василий Иванович Ромашов. Здесь установлен его бронзовый бюст, и студия носит его имя. Памятник выполнен настолько мастерски, что порой кажется, вот-вот вспыхнут вдохновением глаза артиста и вновь зазвучат в студии строки "Мцыри", "Медного всадника" или поэтической композиции, составленной самим Василием Ромашовым. Его голос звучал по Приморскому радио почти три десятилетия, начиная с 1939 года.

Радио я люблю с детства, потому что благодаря этому чуду я влюбился в русское слово. Одним из проводников этого слова и был Василий Иванович Ромашов. Впервые я услышал его в эфире. Мне нравился его голос, его манера читать, он завораживал. Я, мальчишка 6-8 лет, слушая литературные передачи в исполнении Василия Ромашова, испытывал желание быть таким же, как он, так же читать рассказы и стихи. Возможно, я даже чувствовал предназначение повторить его творческий путь, потому что, когда среди школьников города был объявлен конкурс для поступления в детский радиотеатр, где Василий Иванович Ромашов был организатором и режиссером, я решил пойти попробовать себя.

Я в детстве заикался, но это меня не остановило. Из многих школьников, которых прослушал Василий Иванович, он отобрал человек пятнадцать, и среди них оказался я, хотя во время испытания несколько раз заикнулся.

Первой работой детского радиотеатра была сказка А. Пушкина "О мертвой царевне и семи богатырях". Василий Иванович дал мне образ Ветра. Я выучил текст, но читать его не запинаясь не мог. Как только оказывался у микрофона, начинал от страха заикаться сильнее, чем обычно. Василий Иванович записывал сказку сразу на музыку, при этом ни заикания, ни ошибки, конечно же, не допускались. Вновь и вновь мы начинали запись сцены с участием Ветра, но у меня ничего не получалось. Ромашов долго мучился со мной, но потом оставил в покое и перешел к записи других сцен. Меня же он потом записал без музыкального сопровождения и успокоил:

— Не волнуйся, Левушка, все у тебя получится. А пока слушай нашу сказку в воскресенье.

Ни жив ни мертв сел я к репродуктору, никому дома не сказав о нашем выступлении, не похвастав, как обычно. И вот начинается радиоспектакль, и, к своему удивлению, я слышу среди других юных артистов свой голос — без всяких заиканий и запинок. Потом мы с Василием Ивановичем Ромашовым подружились и сделали вместе много работ. Он был моим наставником, первым творческим другом.

Это был необычный человек во всех отношениях. Секрет его обаяния таился в воспитании, характере, интеллектуальном богатстве, взглядах на жизнь, быт. Он много знал, мог интересно анализировать события. Мягкий, добрый, чуткий, он был еще и прекрасным психологом. Он мог раскрыть в человеке такие творческие качества, о которых тот даже не предполагал. Василий Иванович был академиком нашего искусства и как никогда востребован в то время, когда художественное слово, звучащая литература были нужны людям.

Он обладал не только необычным голосом, но и оригинальной внешностью. Среднего роста, довольно

На снимке: здание радиокомитета на ул. Переего Мая.

ХРОНИКА

5 января 1934 г. —

Президиум
Приморского
облисполкома принял
постановление об
организации комитета
по радиофикации и
радиовеяанию.
Председатель —
Н. Вижайкин.

Радиокомитет переехал
в двухэтажное здание
на улице 1 Мая —
бывший дом

В. А. Панова, редактора
газеты "Дальний
Восток"

(примерно в том месте,
где сейчас здание
академического театра
имени Горького).

В нем были
оборудованы три
вещательные студии.

29 января 1934 г. —

Владивостокский
трансляционный
радиоузел начал
регулярно
транслировать
передачи из Москвы и
других городов
СССР.

27 января 1935 г. — На
мысе Чуркина во
Владивостоке сдан в
эксплуатацию
трансляционный
радиоузел.

широкий в кости, он не сразу бросался в глаза, но стоило поговорить с ним, как ты понимал, что перед тобой человек искусства. Он не рисовался, не бравировал своим голосом — очень музыкальным и пластичным. Он мог с помощью голоса выражать настроение и состояние героя, о котором рассказывал. Услышав его голос по радио, многие сразу же узнавали: читает Ромашов.

Радио — большая школа для всякого артиста. Микрофон улавливает всякую фальшь, как и камера. Василий Иванович был настоящим мастером. Он не терпел фальши, и нас учил этому: говорите образно, но просто. Он обладал добрым юмором и оптимизмом. Вокруг него всегда собиралось много творческих людей, потому что с ним было интересно. Он давал так много окружающим, что после общения с ним хотелось жить и работать, веря только в хорошее.

Ромашов Василий Иванович. Родился в 1900 г. в с. Черкасское Вольского района. Окончил 1-ю высшую театральную школу. На Приморском радио с августа 1939 г.: артист, режиссер, главный режиссер. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Умер во Владивостоке в начале 70-х годов.

Протокол

редакторского совещания Приморского краевого
радиокомитета от 24 февраля 1948 г.

Слушали:

информацию ответственного дежурного за 20, 21, 22 и 23
февраля Сусоева.

Постановили:

за 20 февраля

— отметить хорошую внестудийную передачу с военного
корабля;

— отметить хорошую "Пионерскую Зорьку" —
трансляция из г. Сучана;

за 22 февраля

— отметить хорошую радиокomпозицию "Россия" в
исполнении артиста радиокомитета Ромашова [...]

Председатель Приморского
краевого радиокомитета Залевский.

Нина Хрулькова

Мне повезло на учителей

Оказывается, писать воспоминания трудно. Двадцать пять лет, пройденные день за днем, год за годом, и каждый наполнен радостью и болью, успехом и неудачей. Что здесь главное, проверенное временем и моей журналистской судьбой? Мне повезло на учителей. Десятки раз я слышала эту фразу от своих героев. От частого употребления она казалась мне слишком банальной и необидительной. Но вот настал час, и я тоже повторяю: мне повезло на учителей, и более точного выражения не нахожу.

Я люблю утро. Время, когда мы еще не включились в редакционный ритм, не разбежались по объектам, не сели на телефон. Утро всегда сулит радость. В то памятное утро кто-то принес весть:

— Аглая из командировки вернулась.

Аглая Михайловна Чернеева, старший редактор сельскохозяйственной редакции, дважды в месяц уезжает и приезжает, так что это не сенсация. Но мы с Ренатой

и председатели колхозов в самых отдаленных таежных деревнях Приморского края. Городниевой, представители молодого поколения в нашем кабинете, искренне обрадовались. С Аглаей в командировках непременно что-то случается. Но если у большинства случаются неприятности, то у нее — только приятное, совершенно неожиданное и романтическое.

Она входит в редакцию статная, величавая, с горделиво посаженной головой, с тяжелой роскошной косой на затылке. Царица Савская — так мысленно зову ее я. "Царица" же в эту осеннюю стужу и хлябь прошагала многие версты по сельскому бездорожью. Ее знают по имени-отчеству доярки и председатели колхозов в самых отдаленных таежных деревнях Приморского края.

— Как командировка? — интересуемся мы.

— Великолепно. — Аглая любит превосходную степень. — Как изменились, как выросли крестьяне!

Представляете, спрашиваю, что они хотят послушать в концерте, а они называют Бетховена, Лунную сонату.

— Так уж и Бетховена? — бестактно сомневаемся мы с Ренатой.

— Да, Бетховена, и это прекрасно.

И это, действительно, прекрасно — так любить своих героев, так верить в их духовные возможности. Только так и стоит работать в журналистике, где нет места холодному сердцу и бескрылому воображению. Мне казалось, время никогда не коснется этой горделивой стати. Через много лет сердце больно сжалось, когда я увидела ее косу густо посеребренной. Ей уже было за 70. Вышли в свет ее очерки, повесть "Когда пламенеют листья". Аглая Чернеева работала над новой книгой. Мне трудно было представить ее за письменным столом, без сельских дорог, с которыми она была неразлучна долгие годы, хотя и понимала, что 70 лет — солидный возраст. Однако когда наша, уже литературная редакция пригласила ее принять участие в поездке творческой группы в совхоз "Авангард", она неожиданно легко сбросила с плеч тяжесть лет и снова зашагала по полям так, что молодые редакторы едва поспевали за ней. И снова распахивались ей навстречу сердца любимых ею сельских тружеников. Она одержала еще одну победу — над временем.

Один год я работала в сельской редакции под руководством Григория Ильича Левина, хорошего газетчика, волею обстоятельств оказавшегося на радио. Человек аккуратный, пунктуальный, крайне

— Стройка новая, — решила Тамара Захаровна, — и мы тоже будем работать по-новому. Переходим к бестекстовым беседам.

Я тогда не обладала ни смелостью, ни уверенностью в себе, ни опытом асов журналистики. Увидев мое испуганное лицо, Тамара Захаровна сказала твердо:

— В журналистике часто приходится брать высоты с боя. Если этому не научиться, журналиста не выведет.

Я училась... Ровно в 12 часов, когда на стройке начался обеденный перерыв, диктор Вера Демидова объявила: "В эфире радиогазета "На стройке Владивостока".

— Добрый день, дорогие товарищи, — вступаю я и напряженным голосом спрашиваю строителей о новых методах кладки кирпича, о неурядицах на стройке. Передовой бригадир, привыкший выступать по тексту, отвечает мне натянуто и скупно. Это был, конечно, не лучший образец бестекстовой беседы. Но на другой день я чувствовала себя у микрофона гораздо свободнее, и строители заговорили спокойнее — ведь настроение журналиста передается собеседнику.

Должно быть, Герасимова не всегда была уверена, что я, начинающая журналистка, "возьму высоты с боя". Но ни разу она не выдала своих колебаний. Она так уверенно посылала меня на задание, что и у меня не появлялось сомнения в своих силах. Ее девиз "Сделать все возможное и чуть-чуть больше" стал и моим девизом.

Помню, горнообогатительный комбинат имени Ленина вышел победителем в социалистическом соревновании. Меня отправили в Дальнегорск (в то время Тетюхе) с заданием организовать соревнование двух лучших бригад комбинатов имени Ленина и Кавалеровского. В пятницу запись пойдет в эфир, значит, в среду она должна быть в редакции. Я записала обоих бригадиров, но на комбинатах оказалось так много интересного, что уехать без новых записей я просто не могла. Пошла искать, не едет ли кто в командировку во Владивосток, чтобы передать с ним пленку. Увы, никто не собирается. Узнав о моих проблемах, директор комбината предложил: оставайтесь, сколько нужно, а пленку мы пошлем самолетом с курьером.

— Специально? — ахнула я.

— Конечно. Это ведь для дела нужно.

Вспомнила ночной колхоз, электрика, которого умоляла запустить движок, и еще раз убедилась: если один человек горит своим делом, то другой непременно поймет его и поддержит.

Вернувшись в редакцию, первым делом увидела стенгазету. На белом ватмане голубой самолет с веселой рожицей и стихи, из которых явствовало, что благодарные дальнегорцы дали Хрульковой специальный самолет. Некоторое журналистское преувеличение, но смысл верный. Тамара Захаровна умела замечать хорошую работу. Она подарила мне день радости для будущих трудных будней.

Тогда не было еще великолепного радиодома с его студиями и многочисленными аппаратными. Редакции и студии находились в разных зданиях, и мы бегали из одного в другое по несколько раз на день. Жили тесно. Нас в комнате находилось семеро: редакции сельская, промышленная и пропаганды. Никто не утруждал себя говорить шепотом, каждый самовыражался в соответствии со своим характером, но не помню, чтобы теснота вызывала раздражение. Осталось не ощущение трудности бытия, а радости от работы. Именно радость лежала в основе жизни всего большого коллектива радио. Ее лучи тянулись из кабинета председателя Семена Владимировича Юрченко во все редакционные комнаты, и каждый высекал свою искру для общего костра.

Юрченко любил просто так, без дела зайти в редакцию (по делу приглашали к нему в кабинет), сесть за свободный стол и поговорить о том, о сем. С блистательным остроумием он рассказывал любопытные истории из жизни бывалых журналистов, в которых при всем их многообразии всегда

Газеты о Приморском радио

Огромную роль сыграли рабкоры Приморского радио в ходе зимнего судоремонта. Они создали на заводах радиопосты и систематически держали под общественным контролем выполнение обязательств судоремонтниками. Это помогло своевременно исправлять отклонения, упущения.

(Передовая статья).

«Красное знамя».

2 июля 1968 г.

ХРОНИКА

29 января 1935 г. — под Владивостоком закончено строительство широкоэвещательной радиостанции РВ-32 мощностью 20 квт.

5 апреля 1936 г. — при областном радиокомитете создан симфонический оркестр.

2 октября 1938 г. — пущены новый радиодом (по ул. Суйфунской, ныне Уборевича) и новая радиостанция РВ-162 мощностью 150 квт.

16 апреля 1939 г. — организован Приморский краевой радиокомитет (в связи с разделением Дальневосточного края на Хабаровский и Приморский). Председателем назначается Михаил Федорович Залевский.

Апрель 1940 г. — созданы симфонический оркестр и хор Приморского радио.

Октябрь 1943 г. — в радиокомитете создана военная редакция.

было что-то возвышающее эту профессию. Теперь-то я понимаю, что это тоже было его, руководителя, дело — чутко следить за настроением коллектива и направлять его в нужное русло.

Юрченко умел находить формы работы, сплачивающие коллектив, умел зажечь на своей идее и повести за собой. Одной из таких форм работы, всеми любимой, была творческая бригада. Она создавалась из журналистов разных редакций во главе с главным редактором и направлялась в город или село для освещения какого-нибудь важного события, например, ежегодной сельскохозяйственной выставки в Уссурийске. Готовила творческая бригада и социально-экономический портрет городов Приморья. Работали над такими заданиями обычно напряженно, уставали, но каждый знал: как бы поздно он ни пришел, товарищи его ждут.

Каждый из моих старших товарищей был прежде всего яркой, интересной личностью. Они могли бы так же с полной отдачей, активно и страстно проявить себя в другой области, но они стали журналистами, и я не могу их представить ни на каком другом поприще.

Хрулькова Нина Александровна. В 1950 г. закончила Дальневосточный государственный педагогический институт во Владивостоке (факультет русского языка и литературы). В 1954 г. принята на работу в Приморский краевой радиокомитет. Работала редактором сельскохозяйственной редакции, редактором и старшим редактором в промышленной редакции. В 1963 г. была назначена первым старшим редактором радиостанции "Тихий океан", в 1969 г. — зав. отделом внешнеполитической пропаганды. Была старшим редактором экономических программ, главным редактором общественно-политической редакции и главным редактором художественного вещания. Дважды избиралась депутатом Владивостокского городского Совета народных депутатов, награждена орденом "Знак почета". Ветеран труда. С 1985 г. — на заслуженном отдыхе.

Павел Марченко

Одиннадцать лет среди друзей и товарищей

Прошло почти сорок лет с тех пор, как я после непродолжительной работы главным редактором студии телевидения переступил порог старого Дома радио, который находился напротив нынешнего института искусств, теперь уже в должности заместителя председателя комитета по радиовещанию и телевидению. Тогда комитет назывался так. Поскольку на меня возлагалось руководство радиовещанием, то неофициально я становился первым заместителем председателя. Об этом не стоило бы упоминать, если бы не один звонок из Москвы. Начальник технического управления Госкомитета после расспросов о том, как идут дела со строительством нового Дома радио, коротко и категорично сказал:

— Если в первом квартале не освоите 250 тысяч рублей, то строительство Дома радио будет снято. Безвозвратно.

Была уже середина первого квартала, и это заявление для меня, начинающего заместителя длительно болевшего тогда председателя прозвучало, как гром среди ясного неба. Пригласил автора проекта Валерия Колмакова, инженера по технадзору, строителей. Чистая строительная площадка, занесенная снегом, без какого-либо намека на то, что здесь что-то строят. Стоим, мерзнем, гадаем. И не видим выхода. Рыть котлован под фундамент — нереально. Кто-то из нас совершенно неожиданно обратил внимание на перепад уровней между строительной площадкой и зданием студии телевидения. Здесь обязательно нужна будет подпорная стенка. Физических затрат немного, а стоит дорого. Так был заложен первый железобетонный блок в будущий Дом радио, а для меня начались годы как минимум 12-часового рабочего дня, приобретения настоящих товарищей и друзей, людей творческих, ищущих.

Старые работники хорошо помнят, в каких трудных условиях приходилось работать, записывая выступающих, монтируя пленку. А жизнь предъявляла к работникам радио, как и других средств массовой информации, все больше требований. Со всей остротой встал вопрос о строительстве Дома радио, с чем мне и пришлось столкнуться практически на второй месяц после вступления в должность. Надо отдать должное строителям: работали они хорошо. А мы, заказчики, не давали повода для простоев: рабочие чертежи сдавались вовремя, переделок по нашей вине не было, монтажное оборудование, которого было немало, поставлялось своевременно.

Справедливости ради надо сказать, что немалую роль играло постоянное участие в производственных планерках председателя Владивостокского горисполкома Ведева. В итоге Дом радио был построен в очень короткие сроки — менее, чем за четыре года. Несколько больший по площади Дом радио в Хабаровске строился более двадцати лет.

По конструкции Дом радио — довольно сложное сооружение, отвечающее всем требованиям, которые предъявлялись к таким зданиям. Они диктовались не только его назначением. Дом радио стоит на огромной каменной плите, простирающейся до здания ДВГУ. Это потребовало дополнительных мер по звукоизоляции. Так появились двойные, неосприкасающиеся стены и тройные стекла между дикторскими студиями и аппаратными. Особенно сложны по конструкции большая и малая концертные студии. Если говорить упрощенно, это коробка меньшего размера внутри другой коробки, побольше, хорошо изолированные друг от друга. Пол — на специальных пружинах, на них же стоят внутренние стены малой студии. На пружинах другой конструкции укреплены подвесные потолки.

Немало забот доставил инженерно-техническим работникам монтаж своими силами иностранной техники, которая в то время применялась в нашей стране. Он велся почти одновременно с отделочными работами. По нашей просьбе строители раньше других подготовили те помещения, которые были нам нужны для установки техники. В Доме радио еще продолжались штукатурка, побелка, покраска, а в центральной аппаратной уже полным ходом шел монтаж, прокладывались провода и кабели. Чтобы аппаратура не пылилась, ее закрыли целлофановой пленкой, оставив открытыми только те части, где непосредственно шли монтаж или настройка. Проблем было предостаточно, иногда совершенно

На снимке: С. В. Юрченко и П. Ф. Марченко на теплоходе «Владивосток» во время прогулки по Москва-реке.

неожиданных, таких, как противный щелчок при включении микрофона в дикторской, но все они требовали доработки в монтаже.

Скромным по нынешним временам банкетом в конце 1965 года закончилась строительная эпопея. Началась работа в новых условиях. У администрации, журналистов, инженерно-технических работников появились новые заботы: как лучше использовать возросшие возможности подготовки передач. Эти заботы совпали по времени с необходимостью повысить роль радио в жизни края, искать свою аудиторию, конкретных слушателей для каждой передачи. Это особенно хорошо было заметно на передачах «Тихого океана», который стал ежедневным и начал шире освещать жизнь рыбаков.

На радио появились новые передачи, пользовавшиеся уважением: «Сельские огни», «Молодые романтики Приморья», «В час обеденного перерыва», «Старшеклассник» и др. Каждая из них имела конкретные дни и часы выхода в эфир, причем в удобное для каждого адресата время. Особой привилегией пользовались детские и юношеские передачи. Нарушить сетку вещания могло только особое обстоятельство, не зависящее от редакции, но отмена передачи

ни у кого не вызвала положительных эмоций. Все работали с подъемом, энтузиазмом, коллектив сформировался творческий, и я сознательно не называю конкретных имен, чтобы никого не пропустить необоснованно.

Большинство сотрудников были бывшими газетчиками или не имели журналистского образования. Только в конце 60-х — начале 70-х годов на радио появились первые выпускники факультета журналистики ДВГУ. Первым был Олег Паденко. В это время многие учились заочно. Требования предъявлялись высокие, поэтому учились на ходу, быстро перестраивались под новые, радиyjne, жанры.

Трудно было? Да. Но сама обстановка помогала. Доверие, дружба, уважительность были характерны для коллектива радиийщиков. Они проявлялись не только при коллективных выездах на природу, но и на еженедельных планерках. На них подводились итоги за неделю, анализировались прошедшие передачи. Оценки не всегда были лицеприятными, не все соглашались с замечаниями, высказанными критиком, спорили, доказывали точку зрения свою или авторов, которых было много.

По существовавшим тогда правилам работники комитета могли получить только 40 процентов от суммы гонорара, отпущенного на вещание. Остальное — для внештатных авторов. Трудно сказать, плохо это или хорошо, но большое число авторов — разных и интересных — не могло не сказаться на качестве передач, разнообразии подходов, оценок, интонаций, построении выступлений, образности речи. Ведь даже самый одаренный журналист не может заменить в этом плане десяток посторонних выступающих. Замечу, что контроль за языком, ударениями был самым жестким. Ведь слово, сказанное по радио, должно быть эталоном произношения. Мы не стеснялись остановить при записи на пленку самых высоких начальников, если они допускали нарушение норм языка.

Благожелательная обстановка в коллективе появилась и утвердилась не сама собой. Ее создавали все: и рядовые работники, и руководители, и общественные организации. Но играл первую скрипку, был организатором и вдохновителем всех дел председатель комитета Семен Владимирович Юрченко. Бывший газетчик, он быстро освоился с новым для себя делом, стал добрым советчиком и отличным организатором. Мне, проработавшему с ним более одиннадцати лет, нелегко коротко выделить главное в нем. Наверное, ко всему уже сказанному надо добавить доброту и порядочность. Он не был добреньким, но был уважительным, не наступающим на человеческое достоинство. На него нельзя было долго обижаться, таить зло. К нему шли за советом и помощью, в которых он никогда не отказывал. И еще это

4

был творческий, одаренный человек. Хорошо знаю, что у него было много друзей и добрых знакомых в Госкомитете по радиовещанию и телевидению. Он всегда привозил из поездок в Москву, да и не только оттуда, массу новых задумок. Многие с некоторой тревогой ждали его возвращения, ибо, как правило, предстояло что-то менять, дополнять.

Работать с Юрченко было и трудно, и легко. В мои дела он вмешивался не часто, только после того, как у него созрели какие-то новые планы, появились новые мысли. Авторитет председателя был непререкаемым. И все-таки однажды с ним пришлось не согласиться. Случайно узнаю, что уже готовы к отправке на Всесоюзный конкурс приморские газеты (С. Юрченко был тогда председателем Союза журналистов). Спрашиваю у секретаря Союза:

— А почему на радио о конкурсе ничего не знают?

— Семен сказал, что вам нечего посылать.

Быстро позвонил В. Ткачеву, объяснил ситуацию. В считанные дни собрали нужные материалы, попросили авиаторов доставить их в Москву. В итоге — первое место и первая премия Всесоюзного конкурса. До сих пор не могу понять, почему председатель решил, что у нас нет достойных материалов на эту тему. После выхода Семена Владимировича на работу спрашивать об этом уже не было смысла.

Закончилась моя работа в комитете так же неожиданно, как и началась. Летом 1972 года вызвали в крайком партии и настойчиво предложили пойти на повышение. Возражения не были приняты.

Газеты о Приморском радио

Предсъездовские программы радио преследовали цель всесторонне показать практическое претворение в жизнь решений 23-го съезда партии, Июльского и Декабрьского пленумов ЦК КПСС. Наиболее обстоятельно эта задача решалась в цикловых часовых программах "От съезда к съезду". Прошли передачи "Артем", "Восьмая пятилетка", "Владивосток орденоносный", "Дальневосточное пароходство" и др. В конкурсе "Новаторы Приморья — 24-му съезду партии" приняли участие около двух тысяч человек, а экономический эффект от внедрения их предложений составил 1100 тысяч рублей.

С. Юрченко.

«Красное знамя».

7 мая 1971 г.

ХРОНИКА

7 мая 1945 г. —
первое торжественное заседание, посвященное Дню радио. Открытие краевой радиовыставки.

9 мая 1945 г. —
трансляция митинга, посвященного Победе над фашистской Германией.

Февраль 1948 г. —
получены первые два репортерских магнитофона "Днепр".

На 1 января 1949 г.
в крае работало 103 радиоузла, 70 тысяч радиоточек, 1827 км. радиолиний.

Январь 1950 г. —
в крае насчитывается более 200 радиоузлов. Среднесуточный объем вещания — 15–16 часов.

Март 1950 г. —
в распоряжение радиожурналистов поступили два магнитофона "Днепр" выпуска 1950 года.

Май 1950 г. —
в радиокомитет поступили магнитофоны МЭЗ-1 1950 года выпуска.

Июль 1956 г. — *введена вторая программа Приморского радио.*

Зачет по акустике

60-е годы были периодом строительства Большого Владивостока. Не удивительно, что при таком большом объеме работы ряд серьезных проектов поручался начинающим специалистам. Дом радио стал первым самостоятельным проектом для меня, недавнего выпускника Московского архитектурного института. Так уж совпало, что и прорабом на этой стройке был молодой человек — выпускник ДВПИ Семен Кривоногов, для которого Дом радио также стал первой стройкой.

Получив задание, я мало понимал, что такое радиовещание. Кроме зачета по акустике у меня за душой не было никаких специальных знаний в этой области, а проектирование радиодома предполагало много специфики, особенно в вопросах акустики. В Москве был такой институт — “Гипрокинополиграф”, там собрались специалисты по возведению Домов радио, телецентров, и я часто с ними советовался, но по ходу строительства нам встретилось столько осложнений, что в итоге пришлось всю акустику делать самостоятельно.

По технологии и концертные студии, и речевые кабины, и аппаратные, и комната “Эхо” требовали определенных параметров даже в воздухообмене, вентиляции. Для этого потребовалось делать камеру кондиционирования, о котором тогда еще мало кто слышал. Чтобы изолировать от внешних шумов речевые студии, их надежно защитили от дверей до окон. Надо было также предусмотреть возможное влияние подземных толчков, уличного автомобильного движения. Перед нами встал и такой вопрос, как на ограниченной площади Дома радио совместить столь шумные помещения, как столовая, концертный зал, камера для кондиционирования воздуха, с речевыми студиями, в которые не должны проникать никакие звуки. Специальных отделочных материалов у нас поначалу не было, но помогли местные власти: для Дома радио из Германии пришли матрасы из стекловолокна — для заполнения стен в целях звукоизоляции. В качестве облицовочного материала для студий мы использовали дальневосточную березовую фанеру. Ее перфорировали на специальных станках, чтобы звук не отражался на микрофон от гладкой поверхности, а глушился наполнителем, размещенным внутри двойных стен.

Мы приступили к строительству Дома радио, не имея еще готового проекта. Он дорабатывался уже на участке, и многие вопросы решались на ходу. Это приводило порой к досадным казусам. Вышло, например, так, что по планировке внутри было две параллельные несущие стены: коридор отделялся от рабочих помещений. И вот крановщик, который подавал наверх, на второй этаж, панели перекрытий, обнаружил, что панели не опираются на стены, т. е. коридор был сделан шире. Пришлось разобрать стену второго этажа, чтобы исправить ошибку.

В Доме радио предусматривались помещения для самых разных нужд: даже комната “Эхо” — абсолютно изолированное помещение для особых записей. В этой комнате звук на микрофон доходит одинаково из любого места благодаря особому устройству, в том числе железнению стен и отсутствию прямых углов. Правда, в дальнейшем эта комната так и не нашла применения, и в ней устроили кладовку.

Протокол акустических измерений, произведенных в новом Доме радио, пошел в Москву с оценкой “удовлетворительно”. Потом меня попросили исправить акустику для Домов радио в Воронеже и Риге. После строительства Дома радио во Владивостоке я многое понял из того, как на месте можно решать самые сложные вопросы, если люди заражены единой целью. С. В. Юрченко, В. С. Безручко, П. Ф. Марченко, В. А. Евтушевский, А. С. Квач и многие другие, включая дикторов и сотрудников радио, — все мы были единомышленниками и помогали друг другу.

Институт “Приморгражданпроект” был награжден за Дом радио Дипломом 1 степени. Мне в 1965 г. было присвоено звание Почетный работник министерства связи.

Вадим Тураев

Достоинством «Тихого океана» была компетентность

— Товарища Тураева мы приглашали для работы собкором, но сначала надо бы с комитетом познакомиться, так что пусть пару недель поработает в «Тихом океане».

Понуро бреду за Шварцем в «Тихий океан». «Океан» действительно тихий. В пустой комнате Нина Хрулькова с удовольствием рассматривает себя в зеркале. Знакомимся. Нина подсовывает мне пачку тощих программ:

— Составьте представление, чем занимается редакция.

Листаю папки и получаю полное представление о характере моих обязанностей. Вспоминаю, что в скверике ждет жена, спускаюсь вниз и отпускаю ее на все четыре стороны.

Мое двухнедельное плавание по волнам «Тихого океана» продолжается и поныне. До сих пор не могу понять, как же случилось, что вместо обещанного Дальнегорска, в который я так стремился, журналистской судьбе было угодно бросить меня в воды «Тихого океана».

Я пришел в редакцию в примечательное для радиостанции время. «Тихий океан» только-только получил полные права гражданства в дальневосточном эфире, стремительно росла его популярность, рыбаки, быстро и охотно признав его своим, охотно и щедро помогали редакции советами, авторитетом и даже штатами. В отдельные годы на ставках «Дальрыбы» и ее подразделений в море находилось по пять-шесть журналистов. Выступать у микрофона «Тихого океана» считалось большой честью, а слушать его было модным и обязательным.

Вспоминается случай, который может показаться невероятным, но в нем нет ни капли вымысла. На транспортном холодильнике «Дмитрий Часовитин» вышла из строя антенна, и судно не могло принимать радиопередачи. Именно в это время один из моряков получил сообщение о том, что в программе «Тихий океан» с ним будет говорить жена. Рейсы у моряков были длительные, суда уходили в море на девять — десять месяцев, поэтому можно понять состояние моряка, когда он узнал, что не услышит говорящего письма. И тогда капитан принял удивительное решение: судно изменило курс, сделало крюк и в Беринговом море пришвартовалось к одному из БМРТ. Программу «Тихий океан» с голосом жены моряк все же услышал. Так что жаловаться на отсутствие внимания к своей работе сотрудникам радиостанции не приходилось.

Корреспондентов «Тихого» безропотно пересаживали с одного судна на другое, подбрасывали за 200–300 миль в нужную им точку, на них не распространялись строгие

правила судового распорядка. Что греха таить, кое-кто из моих коллег злоупотреблял этим гостеприимством, но даже в этих случаях рыбаки не высказывали своего недовольства. Просматривая микрофонные папки тех лет, нельзя не заметить, что передачи были далеки от совершенства, много в них было сырого, неинтересного, того, что, казалось бы, никак не могло привлечь слушателя. И тем не менее их слушали — каждый выпуск, от начала до конца. Объяснить причины такой популярности нетрудно: “Тихий океан” был новой, необычной формой радиовещания, вызывал интерес уже самим фактом своего существования. Правда, зональные передачи существовали на Дальнем Востоке и раньше. В начале 60-х в Хабаровске выходил радиожурнал “Дальний Восток”, однако популярности у дальневосточников он не завоевал и вскоре прекратил свое существование. Если “Тихий океан” не постигла аналогичная судьба, то благодаря тому, что у него оказался очень заинтересованный слушатель.

К началу 60-х годов в дальневосточной рыбной промышленности намечался новый качественный этап — океанский промысел. К тому времени, когда в эфир впервые прозвучали позывные “Тихого океана”, рыбаки и их семьи уже хорошо знали, что такое долгая разлука. Поэтому передачи сразу же стали тем звеном, которое соединило, пусть чисто символически, море и берег.

Главными заинтересованными сторонами при создании “Тихого океана” были рыбаки Приморья, Сахалина и Камчатки, они первыми столкнулись с проблемами долгой разлуки с родной землей. Отдельные области решить эти проблемы своими силами не могли — не хватало передатчиков, да и те, что имелись, не могли обеспечить нормальную слышимость в отдельных районах. Требовалось объединение усилий, и оно было достигнуто. Вначале предполагалось, что каждая заинтересованная область будет готовить один раз в неделю свою программу и под общими позывными “Тихого океана” давать ее в эфир по всем дальневосточным станциям, однако технически это осуществить не удалось: передатчики на Сахалине и Камчатке оказались настолько маломощными, что даже Хабаровск и Магадан не могли качественно принимать их передачи. Потому и решили готовить передачу во Владивостоке. Кроме того, во Владивостоке размещался рыбацкий штаб — Главное управление рыбной промышленности Дальнего Востока. Немаловажную роль играло и географическое положение Приморья — с его крупнейшими на Дальнем Востоке портами, судоремзаводами и другими предприятиями рыбацкой индустрии.

Нельзя не сказать и о чисто человеческом факторе. Новое дело, как известно, всегда связано с хлопотами, требует настойчивости и упорства. Именно этими качествами в полной мере обладал председатель Приморского комитета С. В. Юрченко, который приложил очень много усилий для организации зонального вещания. Так и появилась во Владивостоке в составе главной редакции экономических передач Приморского телерадиокомитета редакция “Тихого океана”. Первым ее главным редактором стал Павел Ильич Шварц, старшим редактором — Нина Александровна Хрулькова. В числе первых сотрудников были Валентина Плавская, Олег Паденко, Е. Арбузова (Хозеева), В. Пушкин, первые корреспонденты в море — В. Пономарев, Ю. Полещук, А. Степанов.

Первая программа вышла в эфир 17 апреля 1963 года. Первоначально выпуски “Тихого океана” были тридцатиминутными, выходили в эфир по средам и пятницам, затем к ним добавились и воскресные выпуски.

Руководящим органом считался Зональный совет, в состав которого вошли председатели дальневосточных комитетов. Руководил им С. В. Юрченко. Периодически Совет собирался на заседания, чтобы выслушать и обсудить отчет радиостанции, высказать рекомендации по улучшению вещания для рыбаков Дальнего Востока. В период между заседаниями работой редакции руководил С. В. Юрченко. Он тщательно следил за тем, чтобы “Тихий океан” был действительно зональной, дальневосточной радиостанцией не только по названию.

В первые годы работы “Тихого океана” это было очень важно. Кое-где появление “Тихого океана” было воспринято как стремление приморцев захватить дальневосточный эфир, утвердить свой приоритет. Вскоре встал вопрос о сети корреспондентов редакции в краях и областях Дальнего Востока. В 1964 году был открыт корпункт на Камчатке, работать туда уехал К. П. Харьбин. В 1967 году появился корпункт на Сахалине, там собкором была назначена

Е. П. Арбузова. В 1972 году приступил к работе в Хабаровске Ф. А. Куперман, в 1977 году — А. И. Черединченко в Магадане, в 1979 году — М. Б. Вознесенский в Находке.

Период становления, организационного оформления занял пять лет. За это время "Тихий океан" прочно занял свое место в эфире, окреп организационно, увеличилось время звучания передач — они стали часовыми. Именно в эти годы родились многие популярные рубрики. Одна из них — "Твой дом, твоя семья, рыбаки" — была самой любимой слушателями. Именно ей редакция обязана стабильным интересом, который проявляют дальневосточники к нашим программам. Вместе с тем, не было в истории "Тихого океана" и более горемычных передач, чем эти. Редкая летучка обходилась без того, чтобы на них не вылились ушат критики: и музыка, мол, там пошлая, и песни — сплошные шлягеры, и письма примитивные, и жены картавые, и вообще надо прекращать эти "Здравствуй, Вася!"

Но мы, учитывая рациональное зерно критики, не торопились отказываться от привычных методов. Письма, поздравления, музыкальные приветы родных и друзей по-прежнему были стержнем наших программ. Нередко в редакцию обращались и те, кто нас критиковал, чтобы передать привет своим родным в море, и когда мы, забыв об обидах, выполняли просьбу, они были счастливы.

Мы получали множество писем. К нам обращались с радостью и горем, в минуты гнева и разочарования, в состоянии сильного душевного волнения и полной опустошенности. Нам благодарили за то, что мы сблизим моряков и рыбаков с их женами и любимыми, согреваем их сердца. Сколько семейных трагедий предотвратил "Тихий океан"! Сколько счастливых семей было создано с его помощью! Скольким людям нехитрые строчки приветов и поздравлений вернули душевное равновесие. Иногда я жалею, что не собирал эти удивительные человеческие документы: они могли бы составить потрясающую книгу добра и доверия, которым "Тихий океан" вполне может гордиться.

Второй этап "Тихого океана" связан с кадровыми перестановками. Взамен ушедших в другие редакции и на другую работу пришли новые люди. Об авторитете редакции заботиться было не нужно, он уже имелся, но следовало его укрепить, что было непросто. К этому времени уже перестал работать элемент новизны, к нам стали относиться более требовательно.

В те годы на Приморском радио существовала и аналогичная передача — для моряков. Ее передачи выходили в эфир по субботам тоже под названием "Тихий океан". Несмотря на общую с нами оболочку, это была совершенно самостоятельная редакция, которая к зональному вещанию никакого отношения не имела, так как ее передачи звучали только по местным передатчикам с ограниченной слышимостью. Мы решили объединить моряцкую и рыбацкую передачи — и те, и другие подолгу находятся в море, одинаково оторваны от источников информации, одинаково тоскуют по родным и близким. Много общего у них и в сфере производства, да и работают они в одних и тех же районах, бок о бок.

Зональный Совет одобрил наши предложения, и после соответствующего решения Гостелерадио зональное вещание выросло на один час. От объединения выиграли и моряки, и рыбаки. Первые получили вместо одной программы в неделю четыре, у вторых появилась дополнительная возможность встречаться с родной землей на радиоволне.

В начале 70-х годов в стране

На снимке: за пультом режиссер Р. А. Николлова.

стал проследиваться курс на интенсивные методы развития экономики. Эти вопросы стали определяющими и в работе "Тихого океана", причем поворот к теме экономики произошел в редакции быстро и безболезненно. К тому времени в редакции собрались сторонники аналитической журналистики, для которых экономика не была скучной материей. В программах регулярно звучали комментарии специалистов, экономические обзоры работы судов в экспедициях, абстрактные ранее термины "фондоотдача", "себестоимость" и другие приобрели

На снимке: редакция «Тихого океана» за работой. За столом редакторы Н. Гилистнива и Н. Просветов, у МЭЗа гл. редактор А. Копейка, в центре — Е. Давид-Хан беседует с выступающим.

конкретное, вполне зримое звучание. Недавние герои наших передач, проселенные морские волки, романтики и море-проходцы уступили место рачительным хозяйственникам и экономистам.

Поначалу мы опасались, не отпугнем ли мы тем самым наших слушателей. Оказалось, что, напротив, интерес к передачам вырос. Главным достоинством "Тихого океана" тех лет была компетентность. К микрофону пришли журналисты, знающие проблемы промысла не понаслышке —

одни сами работали на судах рыбной промышленности, другие провели в морских командировках долгие месяцы. Это заметили и оценили наши слушатели. Вспоминается примечательный случай. Заболел начальник "Дальрыбы". Около двух месяцев он провел в больнице, ни одна деловая бумага к нему не попадала, но каждый раз, когда его навещали помощники, он проявлял, к их удивлению, большую осведомленность о положении дел на промысле. Секрет оказался прост: он регулярно слушал "Тихий океан".

Правда, вскоре "Дальрыба" ограничила журналистам доступ к информации: менялись международная обстановка и правовое положение Мирового океана, заговорили об экономических зонах. В этих условиях дотошный анализ работы советских рыбаков, распространяемый в эфире, мог оказаться на руку нашим недругам.

Редакция вела и большую организаторскую работу. В 1972 году по инициативе радиостанции развернулось социалистическое соревнование судов, ведущих промысел скумбрии: по тем временам это был новый промысел, и у моряков не все ладилось. Был учрежден памятный выпел радиостанции "Тихий океан", выделены крупные премии для поощрения победителей. Соревнование продолжалось почти семь месяцев и широко освещалось в наших программах. "Дальрыба" тогда дала высокую оценку работе редакции.

Особенно интересные формы организаторской работы применялись в период массовых летних путин. Был заведен такой порядок: утром, в день выхода программы в эфир, на рабочих столах ведущих специалистов и руководителей "Дальрыбы" появлялась ее краткая аннотация. В ней подчеркивались критические и проблемные вопросы, излагались претензии и предложения рыбаков. Это давало "Дальрыбе" дополнительную информацию и требовало конкретных и оперативных мер по устранению недостатков.

Активной работе редакции, действенности и высокому авторитету ее передач в те годы способствовали несколько объективных факторов: ежемесячно на ставках рыбацких организаций в основных районах промысла находилось по пять — шесть наших корреспондентов. Ежедневная радиотелефонная связь с ними позволяла быть в курсе самых последних новостей. Иногда мы узнавали о ситуации на промысле раньше и полнее руководителей главка. Не менее важно и то, что в редакции работал дружный и квалифицированный коллектив, помимо компетентности, профессионального мастерства журналистов отличала преданность нашему делу. Все мы были

патриотами "Тихого океана", гордились тем, что работаем в нем, и тем даже, что нам приходилось трудиться гораздо интенсивнее, чем любой другой редакцией комитета. С большой теплотой и признательностью я вспоминаю своих коллег и помощников тех замечательных лет: В. Солдатова, В. Феоктистова, А. Воробьева, А. Лебедева, В. Кондрашина, Б. Метелева и многих других.

В апреле 1973 года, отмечая десятилетие работы "Тихого океана", мы получили сотни поздравлений и приветствий со всех уголков Дальнего Востока и вступали во второе десятилетие с большими планами и хорошим настроением. Однако середина 70-х годов оказалась для нас трудным временем. Информационные ограничения с каждым годом становились все строже: к 1974 году говорить о промысле рыбы стало практически невозможно. Потом были ликвидированы ставки наших корреспондентов на промысле, запрещены радиотелефонные переговоры. Нас наглухо отрезали от моря. Оставшиеся не у дел люди разъехались, и мы лишились надежных профессионалов. С того времени перед редакцией маячил призрак кадрового голода, который спустя несколько лет стал реальностью. Все это, естественно, не могло не отразиться на характере наших передач. С середины 70-х годов в них более отчетливо зазвучала тема морского транспорта: оказавшись в изоляции от проблем рыбной промышленности, мы повернулись к дальневосточным пароходствам. Это повлекло за собой и изменения в расписании "Тихого океана". Морской флот Дальнего Востока работал и в тех районах, куда наши передачи не доходили. После обсуждения на Зональном совете решено было к двум выходам в эфир — утреннему и вечернему — добавить еще и ночной, специально предназначенный для районов Индийского океана. Кроме того, в два раза увеличилось число передатчиков, транслирующих "Тихий океан", повысилась их мощность. Именно тогда в программах появилась такая адресная ремарка: "Мы ведем свои передачи на Тихий и Индийский океаны и Восточную Арктику". С октября 1976 года в эфир стала выходить еще одна, пятая программа "Тихого океана" — по вторникам.

Это было временем специализации программ. В 1974 году в эфир вышел первый "Капитанский час" — программа для дальневосточных капитанов. Тогда же появилась программа для молодых моряков и рыбаков Дальнего Востока. В 1975 году прозвучали позывные необычной программы — "Урок английского языка". 30-минутный урок, подготовленный благодаря разработкам специалистов с кафедры иностранных языков Дальневосточного научного центра Академии наук СССР, звучал один раз в неделю. Весь цикл состоял из 35 уроков и ставил задачей помочь рыбакам и морякам овладеть навыками английской разговорной речи. Этими передачами заинтересовались в пароходствах и рыбохозяйственных организациях, мы получили немало заявок от желающих приобрести уроки для повседневного использования.

Летом 1976 года "Тихий океан" начал осваивать новое направление работы: кроме традиционных

Рецензия

*на передачи для моряков Приморского краевого комитета
по радиовещанию и телевидению. 28 октября 1962 г.*

Однако, есть в работе редакции очень существенный пробел, и об этом хотелось бы поговорить несколько подробнее. Не секрет, что моряки, находящиеся в дальних плаваниях, подвергаются определенному воздействию чуждой им пропаганды. На такую пропаганду капиталисты средств не жалеют, лишь бы хоть как-то приукрасить неприглядное лицо "свободного мира". Радиожурналисты, готовящие передачи для моряков дальнего плавания, должны без остатка смывать всяческие белила и румяна с этого самого лица. Возможности для разоблачения сущности капиталистического мира у редакции поистине безграничны, и очень жаль, что они почти не используются...

Можно порекомендовать редакциям ввести рубрику "Капитализм — глазами очевидцев" и передавать рассказы людей, побывавших в портах разных стран. Много правдивого могли бы поведать морякам о хваленной буржуазной демократии и репатриированные советские граждане.

радиопрограмм мы стали готовить телевизионную передачу "Меридианы Тихого". Она выходила два раза в месяц продолжительностью 35–40 минут. Позднее к ней добавилась еще одна телепередача — "Четвертая проблема". Около двух лет мы совмещали радио- и тележурналистику, и это был полезный опыт.

Как и раньше, мы задумывались о повышении действенности наших передач, "Тихий океан" был арбитром социалистического соревнования Владивостокского и Петропавловского морских

торговых портов. По инициативе редакции началось соцсоревнование между управлением тралового флота "Приморрыбпрома" и управлением "Мурмансельдь" Северного бассейна. Редакция брала под свой контроль перевозки пакетированного цемента со Спасского цементного завода на Камчатку, перевозки леса в пакетах в японские порты. Большой резонанс получила серия передач по проблемам выпуска пищевой продукции из минтая на судах "Приморрыбпрома" в 1978–79 годах. По те-

Газеты о Приморском радио

Основанный когда-то одним из лучших журналистов Дальнего Востока С. В. Юрченко, «Тихий океан» стал прекрасной профессиональной школой для многих журналистов, оставивших среди своих коллег заметный след... Из «Тихого океана» вышли Михаил Вознесенский, Олег Паденко, Александр Копейка, Евгений Давид-Хай, Дмитрий Брюзгин, Александр Колесов. Они — моя молодость, мои самые счастливые творческие годы. Сегодня эти журналисты известны не только на Дальнем Востоке.

*Н. Василевская.
«Рыбак Приморья».
19 января 1996 г.*

мам, которые поднимались в наших передачах, принимались решения, они были предметом обсуждения в краевом комитете партии.

К этому времени стало складываться новое лицо "Тихого океана". До середины 70-х годов его передачи были узконаправленными — для рыбаков и моряков. Интересы других слушателей просто игнорировались, на все темы, выходящие за пределы работы рыбной промышленности и морского флота, существовало строгое табу. Наше стремление расширить тематику передач, раздвинуть рамки профессиональной принадлежности неизменно встречали сопротивление членов Зонального совета. Особенно упорствовали хабаровчане, несмотря на то, что с появлением в 1972 году хабаровского собкора количество материалов из Хабаровска заметно возросло. Но там "Тихий океан" транслировался по второй программе как не представляющий интереса для широкой аудитории, и менять положение дел никто не собирался.

И все же в середине 70-х годов поворот к общественно-политической тематике наметился. Этому способствовали перемены в международном положении. В разгаре было время разрядки, росли контакты советских ученых, рыбаков, моряков с зарубежными коллегами. Дальневосточники заново открывали Америку, Австралию, Японию и другие капиталистические страны. Но идеологическая борьба продолжалась, и мы обязаны были это учитывать, тем более, что наши слушатели — моряки и рыбаки — в силу специфики своей работы оказались на переднем крае идеологической борьбы. Тема контрпропаганды стала одним из ведущих направлений вещания для моряков и рыбаков. Лицо вещания определяли рубрики: "Мир глазами советского моряка", "Под флагом страны Советов", "Мы — интернационалисты", "Из дальних странствий воротятся" и другие.

В апреле 1976 года очередное заседание Зонального совета в Москве — оно было последним, на котором в качестве председателя присутствовал С. В. Юрченко, — определило дальнейшую судьбу зонального вещания на Дальнем Востоке. Совет высказался за увеличение вещания "Тихого океана", редакции выделялись дополнительные штатные единицы, добавлялись средства на командировочные расходы, было принято решение об открытии корреспондентских пунктов в Магадане и Находке. Было признано целесообразным придать "Тихому океану" характер дальневосточной общественно-политической программы. Изменение характера вещания ни в коей мере не ущемило интересов нашей основной аудитории. Моряки и рыбаки по-прежнему оставались главными героями передач, но диапазон тем стал шире и разнообразнее. Зональный

совет, собравшийся в сентябре 1977 года в Благовещенске — в качестве председателя на нем участвовал В. А. Ткачев, — одобрил работу редакции по перестройке вещания и отметил возросший уровень передач.

В октябре 1978 года «Тихий океан» стал выходить в эфир ежедневно. По понедельникам звучали тематические передачи, такие, как «Дым отечества», «Час интересного письма», «Эхо месяца». Четверг был днем направленных передач для определенной категории слушателей: для капитанов, для экипажей научно-исследовательского флота и ученых, для молодежи и т. д. В субботу на волнах «Тихого океана» звучала информационная программа «Панорама дальневосточной недели», воскресные передачи были посвящены культурной жизни Дальнего Востока. В итоге повысился интерес слушателей к «Тихому океану», вырос приток писем. В 1980 году редакция получила их более 11 тысяч — рекорд за всю историю существования зонального вещания.

Вадим Анатольевич Тураев. Родился в 1938 г. в Смоленской области. Окончил (заочно) Томский государственный университет (историко-филологический факультет) в 1967 г. В журналистике начал работать с 1961 г. — газета «Заветы Ильича», Первомайский район Томской области. В 1961–64 гг. был на комсомольской работе. С 1964 по 1966 гг. работал в Томском комитете по телевидению и радиовещанию. В 1966 г. — сотрудник Таймырской окружной радиоредакции. В 1967 г. после защиты диплома приехал во Владивосток. В 1967–81 гг. — корреспондент, редактор, главный редактор радиостанции «Тихий океан». С 1981 г. — в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Заместитель директора института. Награжден «Орденом дружбы».

ХРОНИКА

Март 1958 г. —
введена 3-я
программа
Приморского радио.

Январь 1959 г. —
в крае насчитывается
более 200 тысяч
радиоточек
и около 100 тысяч
радиоприемников.
Радиофицированы
практически все районы
Приморья.

В начале 60-х годов
среднесуточный объем
вещания достиг 31
часа: собственных
передач — 17 часов,
трансляции из
Москвы — 14 часов...

15 апреля 1962 г. —
первый День
радиослушателя на
Приморском радио. В
составлении программы
радиопередач на этот
день участвовали свыше
2000 человек.

17 апреля 1963 г. —
в эфир впервые вышла
зональная
дальневосточная
радиостанция
«Тихий океан».

1964 г. —
впервые в эфир вышла
программа
«В час обеденного
перерыва».

Наталья Соловьева

Голоса Приморского радио

Звучащее слово — это не кружево,
Не перлы, где переливы льются,
Звучащее слово — это оружие
На карауле у революции.

Илья Сельвинский.

Раннее утро. Вы собираетесь на работу. Закройте ненадолго глаза и прислушайтесь: какие звуки вас окружают? Сквозь шум закипающего чайника и гул машин за окном слышна утренняя передача, идущая по радио. Вот диктор прочитал сообщение о погоде, вот зазвучали позывные постоянной рубрики, и ставший уже знакомым голос говорит о ситуации на дорогах, вот объявили о репортаже из села, и на вашу кухню врываются новые голоса, перекрываемые шумом техники. Мы не видим ни этих людей, ни того, что их окружает, но звуки радио позволяют нам мысленно нарисовать картину происходящего. Какой звонкий голосок у корреспондента — видно, совсем еще молоденькая девушка, может, даже студентка. Но ведь не робеет перед селянами, задает дельные вопросы, должно быть, знает сельскую жизнь. А комбайнер, хотя и чувствуется по голосу, что не мальчишка, заметно волнуется. Скорее всего, в диковинку ему по радио выступать, куда привычнее своим делом заниматься.

Директор совхоза — тот, напротив, собаку съел на выступлениях, как по писаному рассказывает о текущих проблемах. Но вот заканчивается репортаж, и пропадает ощущение сельского простора и жаркого летнего дня. Голос диктора вновь переносит нас в замкнутую обстановку студии.

Радио — это прежде всего голоса. Важны, конечно, и шумы, но лишь как документальное свидетельство сиюминутности, как фон к голосам людей: ведущего передачи и дикторов, репортеров и комментаторов, гостей студии и интервьюируемых. Только от них зависит, заинтересует ли нас то, о чем они говорят, сможем ли уловить на слух суть сообщения, выделить главное, обратить внимание на детали. Если начиналось Приморское радио с голосов радиотехников-энтузиастов, которым приходилось все делать самим: и настраивать радиоаппаратуру, и готовить текст передачи, и читать его у микрофона, то вскоре на радио появились специальные сотрудники — с хорошей дикцией, с умением грамотно говорить и верно передавать смысл сообщений.

— Дикторы 30-х годов были больше похожи на любителей, чем на профессионалов, — вспоминала Евгения Антоновна Лихачева, проработавшая диктором Приморского радио 36 лет. — Мы совершенно не были знакомы со спецификой дикторской работы. Если сейчас от диктора ждут мастерства актера-чтеца, то в те годы эти понятия были несовместимы, от диктора требовалось только сухое, безотносительное чтение. Пособий и книг у нас не было, и мы старались подражать московским дикторам. Редакторы по этому поводу острили: "Что вы все читаете то под Левитана, то под Высоцкую, когда будете под себя?" В марте 1940 года меня послали в Москву на учебу. Техникой речи с нами занимались артистка Камерного театра Зоя Николаевна Корнилова и постановщик голоса в Большом театре Елизавета Александровна Юзвickaя, преподавал профессор Былинский, автор дикторского словаря, практические занятия вели дикторы Всесоюзного радио. Моим руководителем была Евгения Исааковна Гольдина, от которой не ускользнуло, что мой голос при чтении меняется, делается выше. До этого я даже не догадывалась, что читала не своим голосом.

— Я хорошо помню военные годы, когда служил на корабле Тихоокеанского флота радистом, — рассказывает Сергей Петрович Муромцев. — Где бы ни были мы на просторах Тихого океана, мы всегда ловили радио Владивостока, и так приятно было услышать родной русский язык. Личный состав корабля всегда просил: давай Владивосток! Мы узнавали голоса наших дикторов и артистов, которые часто выступали по радио, — Евгению Лихачеву, Наталью Кондрагенко, Веру Демидову, Василия Ивановича Ромашова, Григория Петренко, Вадима Мялка, Георгия Попова.

Работал несколько лет на Приморском радио и Алексей Задачни, ставший позднее одним из ведущих

дикторов Всесоюзного радио. О начале его дикторской карьеры вспоминает Е. Лихачева: “Задачин, молодой артист театра им. Горького, пришел утром в радиостудию читать детскую передачу. У меня как раз было утреннее дежурство. Я усадила его к микрофону. Обычно, чтобы не смущать исполнителя, дикторы старались не смотреть на него, но слушали всегда очень внимательно. Как только Алексей прочитал первую фразу, я невольно встрепенулась и подняла голову. Меня поразил его чудесный голос, мягкий, бархатный баритон. Такие голоса очень радиофоничны. Во мне заговорил профессиональный интерес. После записи детской передачи стала уговаривать Задачина попробовать себя в дикторском деле. Он согласился и проработал у нас в качестве диктора-актера несколько лет, а затем продолжил дикторскую деятельность в Москве. Через некоторое время он приезжал к нам уже как методист. На Приморском радио как раз появилось много молодежи, которую надо было учить дикторскому мастерству: Виктор Бойко, Дмитрий Гончар, Алексей Хортов, Алевтина Василевская, да и дикторы постарше, имевшие уже первую и даже высшую категорию, тоже стремились повысить свою квалификацию”.

Дикторы Приморского радио работали не только у микрофона. Главный редактор музыкального вещания Антонина Ричардовна Шинкаренко вместе с главным режиссером Василием Ивановичем Ромашовым создавали концертные бригады, в которые включались певцы, чтецы, музыканты. Дикторы выступали в роли ведущих этих концертов. “Помню свою концертную бригаду: певцы Ольга Беляева, Надежда Санцевич, Мария Волошинова, чтец Василий Иванович Ромашов, баянист Василий Кабанов, концертмейстер Леонид Заславский, — вспоминала Евгения Лихачева. — Сколько шефских концертов мы провели на кораблях, в воинских частях, больницах, избирательных участках! Везде нас хорошо принимали. Однажды, когда я вышла объявить о начале концерта, в зале раздался шепот: “Кто это?” Сидевшая там Нина Ивановна Иванова, редактор литературного вещания, назвала мою фамилию. В ответ с каким-то уважительным любопытством последовало: “Да ну? Сама Лихачева?” Для меня это было признаком того, что нас слушают, знают, уважают, что мы популярны. Появилась гордость за дикторский коллектив и глубокое удовлетворение своей работой”.

На снимке: дикторы В. Муравьев и Н. Мирончик в студии вместе с режиссером Я. Николаевой.

После введения второй и третьей программ Приморского радио состав дикторской группы увеличили до 12 человек, тогда-то и понадобились новые силы. Приморское радио объявило конкурс, на который пришло 250 человек. Среди шести человек, оставленных для трехмесячной учебы, был Алексей Алексеевич Хортов. К этому времени он уже владел несколькими специальностями и имел за плечами опыт работы в самых разных областях, в том числе на стройке и в море, но что-то до конца неосознанное не позволяло ему остановиться на

какой-то одной профессии и посвятить ей жизнь. Победа в конкурсе стала поворотным моментом в его судьбе, и вот итог: у Алексея Алексеевича Хортова с 75-летием Приморского радио совпадает свой юбилей: 40 лет его работы у микрофона. Кстати, из тех шести, отобранных первоначально, работать на радио взяли только двух — Алексея Хортова и Алевтину Василевскую.

Хортова часто называют прирожденным диктором — за четкую, грамотную и красивую речь, приятный тембр голоса, богатство интонаций. Действительно, многие качества, необходимые диктору, достались ему от рождения, но те, кто работал рядом, помнят, как дотошно готовился Алексей Алексеевич к чтению материала: расставлял интонационные ударения, заменял отдельные слова и обороты на более простые и доступные восприятию на слух.

— Будучи заместителем председателя комитета по радио, я любил наблюдать, как работает диктор Алексей

Хортов. Садясь к микрофону, он преображался. Лицо становилось вдохновенным, глаза светились по-особому. Он произносил вроде бы простые слова, но в его речи они приобретали вес. Он читал всегда неторопливо, что позволяло радиослушателям запоминать смысл сказанного, — рассказывает С. П. Муромцев.

В течение более трех десятилетий в паре с Алексеем Алексеевичем Хортовым чаще всего работала другая замечательная диктор Нина Георгиевна Мирончик. В отличие от напарника, она пришла на Приморское радио, уже имея небольшой опыт работы у микрофона. Ее, вчерашнюю выпускницу педагогического института, работавшую в одном из сел Амурской области, заметили руководители местного телевидения. В те годы оно только-только зарождалось, и там искали подходящих для работы в кадре людей. Нина подошла как нельзя лучше: красивая девушка с глубоким бархатным голосом, филолог по образованию, к тому же легкая на подъем и увлеченная журналистикой.

В Амурском областном комитете по телевидению и радиовещанию очень горевали, когда Нина вышла замуж за моряка и уехала к нему во Владивосток, зато Приморское радио благодаря этому приобрело прекрасный голос, который украшал немало передач Приморского радио, а некоторые и вовсе спасал. Даже невзрачный и банальный текст в исполнении Нины Георгиевны Мирончик обретал особый смысл — настолько лирично и проникновенно звучал ее голос. Он в полном смысле слова входил в душу радиослушателей, не зря в 70 — 80-е годы именно в адрес Н. Мирончик приходило множество писем от приморцев с благодарностью за теплые слова, прозвучавшие в той или иной передаче, хотя работали над ней помимо диктора еще и редактор с корреспондентами. Но для слушателей из всей этой группы самым близким человеком оказывался диктор — его голос слышали по радио и с ним связывали все свои чувства и надежды.

За долгие годы работы на Приморском радио Нина Георгиевна Мирончик и Алексей Алексеевич Хортов достигли такого взаимопонимания, что понимали друг друга с полувзгляда, чувствовали с полуслова, и лучшего сочетания голосов нельзя было и представить. Теперь уже они сами не раз бывали членами жюри конкурсов на замещение вакантных мест в дикторской группе. Как и в прежние времена, проверить свои силы приходило до сотни красивых и грамотных молодых людей, желающих поработать дикторами на радио

или телевидении. Многие из них обладали хорошими голосами, но отбирались единицы — лучшие из лучших. После таких конкурсов стали дикторами бывший библиотекарь Ирина Князева, биолог Инна Прокопенко, актеры Андрей Новоселов и Валерий Муравьев, техник-строитель Андрей Радаев. Большинство из них по сей день работают у микрофона, пусть и не на Приморском радио. Они учились у Алексея Хортова и Нины Мирончик, у Лазаря Коробченко и Зары Улановской, Галины Зевахиной (Мялк) и Светланы Волковой (Максименко). Вслед за опытными коллегами они познавали тонкости ремесла, учились менять тональность и скорость чтения в

Газеты о Приморском радио

Оператор должен иметь абсолютный слух, следить при монтаже за смысловым содержанием, убирать все повторы и речевые огрехи. С пленки в эфир должна звучать красивая и грамотная русская речь. Любовь Сергеевна Белокрицицкая владеет операторским искусством в совершенстве. Когда она начинала постигать профессию, то первая наставница Римма Слепенчук говорила: "Учись работать так, чтобы с буквы "э" могла убрать точку". Это конечно шутка, но Белокрицицкая может сделать речь сильно заикающегося человека настолько плавной, что тот не узнает свой голос в эфире.

В. Денисов.

«Утро России».

20 октября 1999 г.

зависимости от дня недели и времени суток, от тематики текста и стиля автора.

Станиславский писал, что уметь просто и красиво говорить — целая наука, у которой свои законы, и для освоения их нужна вся творческая жизнь. Думается, с эти согласятся все, кто работает у микрофона. Нельзя выучиться мастерству диктора или ведущего раз и навсегда. Каждая новая передача, каждая тема требует особого подхода, особой подачи материала. В годы перестройки, когда на смену заранее подготовленным и записанным передачам пришли прямые эфиры, от дикторов потребовались способности импровизировать, работать в паре с ведущим-журналистом, подхватить на полуслове его фразу и продолжить ее. К чести дикторов Приморского радио, они оказались хорошими партнерами журналистам и нередко выручали нас по ходу передачи, находя самое точное слово для комментария и развивая начатую ведущим мысль.

Сначала было радио...

Что бы вы ни говорили, а сегодняшнее телевидение чем-то похоже на легкомысленную девицу, у которой все на виду. И никакой тайны. А ведь настоящая любовь начинается с постижения тайны.

Другое дело радио. В нем есть что-то интригующее, что-то такое, что делает его притягательным и необходимым в повседневной жизни: оно сопровождает вас и дома, и на работе, и в пути, и на отдыхе. 75 лет назад, когда радио заговорило в Приморье, его называли "великим невидимкой". Первые радиослушатели заглядывали за репродуктор с его диффузором из плотной черной бумаги, чтобы узнать, кто и откуда с ними говорит и, никого не обнаружив, молились на висевшую в красном углу черную тарелку.

"Загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда". Это тоже о радио — популярная в то время песня М. Исаковского.

Радио. Оно с вами говорит, а вы пытаетесь представить своего собеседника; оно транслирует событие, а вы пытаетесь представить его; радиоверсия художественного произведения, радиоспектакль заставляют вас сопереживать услышанному и по голосам актеров и звукам-шумам представлять место этого

действия, характер героев и приготовленные им испытания. Вот в этом и состоит тайна "Великого невидимки".

Радио духовно обогащает человека, развивает его фантазию, пространственное мышление, учит говорить. Вот почему 75-летие приморского радио, которое мы отмечаем в январе 2001 года, — знаменательное событие в культурной жизни края.

* * *

В тринадцать лет я начал "играть" в радио. Шла Отечественная война. Отец, управляющий "Востокрыбхолода", отправлялся на работу рано (частенько и ночевал в своем кабинете), ведь рабочий день правительства в Москве был "сталинским", а у И. Сталина день наиболее интенсивным был после 11 часов утра по московскому и заканчивался в 7 часов утра по владивостокскому. И все руководители, как правило, не имели спокойных ночей.

Отец как ответственный работник получал сводки информбюро ТАСС с последними сообщениями с фронтов войны и о событиях в стране. А на стене в его домашнем кабинете висела ксерокопированная карта (с подробностями до районного центра или мало-мальски большого села). Я каждое утро слушал радио, сравнивая эти сообщения со сводками Совинформбюро, и бумажными красными и синими флажками выстраивал линию фронта. Вдохновителем моего увлечения, пожалуй, была бабушка. Она, хлопоча у плиты, готовя обед или ужин, часто спрашивала, что там нового на фронте? И я читал ей сводки. А потом это вошло в привычку. Сделав уроки накануне, я, после ухода родителей на работу, а младшего брата в детский сад, занимал место в свободном углу отцовской комнаты, подражая дикторам радио (предварительно выключив радио настоящее. Оно было проводным), "вещал": «Внимание, говорит Владивосток! Начинаем наши передачи. Передаем "Последние известия"». Шел 1944 год.

И так продолжалось до самой победы. Отстремели салюты, жизнь постепенно входила в русло мирной обыденности. Исчезла сама интрига. Я уже был в 7 классе 27 средней школы (тогда на Чуркине десятилетка была одна). И вот, когда отмечалась очередная годовщина Красной Армии (кажется, это было 23 февраля 1948 года), я решил написать в "Пионерскую зорьку" на радио о том, как школа отметила этот праздник, и отправил свое "творение" по почте. Разве я мог тогда знать, что информация должна быть оперативной, со словами "вчера", "сегодня" и т. д., а в ее основе — факт. Изо дня в день я слушал радиоприемник (помню, сразу после войны появились радиоприемники "Родина" с вертикальной шкалой волн и большим неоновым глазом — индикатором настройки) в надежде услышать свою информацию. Когда была четкая настройка на частоту, неоновый луч внутри лампы сужался, а когда настройка была слабой — луч расширялся. Я тогда самостоятельно "поймал" на "Родине" Москву и Лондон во время триумфальной поездки московского футбольного клуба "Динамо" в Англию, когда мы одолели англичан с общим счетом 19:9. С тех пор, между прочим, вот уже пятьдесят с лишним лет "болею" за московское "Динамо". Я до сих пор помню это первое впечатление от радиопередачи на расстоянии в десятки тысяч километров. В доме стояла ночная тишина, вполголоса, с затуханиями, пробивался голос Владимира Сенявского — первого нашего спортивного комментатора. Через двадцать лет я встречал уже в качестве редактора ТВ Вадима Синявского, возвращавшегося на т/х "Грузия" с австралийского континента вместе с нашими спортсменами-олимпийцами...

А луч неоновой лампы сужался, то расширялся, как бы моргая мне.

Тогда я каждый день слушал "Пионерскую зорьку", надеясь поймать свою информацию. Я уже потерял всякую надежду, когда однажды утром прошло в "Зорьке" сообщение о событии в нашей школе. Первая мысль была: кто это опередил меня? Факт в основе информации был, вроде, мой, но само изложение явно не моего авторства. Я все не решался зайти в редакцию. Но желание продолжать писать на радио заставило меня решиться. Я пришел в радиокomitee, который находился тогда в старом строении на ул. 1 мая (ул. Петра Великого) примерно на том месте, где сейчас театр им. М. Горького (если еще точнее, на месте театра тогда был овраг, на дне которого стояли частные домики с уютными палисадниками, в одном из них жил актер театра Сергей Левин, будущий режиссер радиожурнала "Советское Приморье", редактором которого был Георгий Громов, а я одним из авторов). В детской редакции тогда работали три женщины-редактора. А возглавляла детское вещание Зинаида Федоровна

На снимке: писатель В. Коротич выступает на литературном вечере, посвященном 80-летию со дня рождения А. Фадеева.

Первушина, которая впоследствии станет заместителем директора Владивостокской студии телевидения и первым редактором художественного вещания телевидения.

Встретила меня Зинаида Федоровна. Она разговаривала со мной, как с коллегой, заинтересованно, понимая, видимо, мою неуверенность и робость. Тогда от нее зависело мое журналистское будущее. Я ей сказал что-то вроде того, что вот услышал информацию о своей школе, но она не моя. Кто же автор?

— Как кто? Ты, — ответила Зинаида Федоровна. И объяснила, что сделал редактор, чтобы облечь факт в удобочитаемую форму.

И вот тогда я стал понимать, что на радио надо писать так, чтобы слово звучало. Моя первая встреча в редакции радио продолжалась не менее часа. Я получил первое задание и напечатанное на фирменном бланке удостоверение, подтверждавшее, что податель сего является внештатным корреспондентом Приморского радио, подписанное моим вторым учителем и наставником на радио — журналистом Владимиром Яковлевичем Абрамовым.

Вот так закончился мой "детский сад" в журналистике и началась пора отрочества. До окончания школы в 1950 году я активно сотрудничал в редакции детского вещания, постепенно становясь равноправным членом творческого коллектива.

В 1950 году я поступил на филфак Владивостокского педагогического института, и мое участие в работе радиокomiteта приобрело новое качество. В этот год состоялись выборы в Верховный Совет СССР, а в день выборов, как и сегодня, готовилось несколько специальных выпусков "Последних известий". Портативной техники записи тогда еще не было или она была громоздкая, только для особо важных выездов на события. Практиковалась передача информации по телефонным проводам. И вот мне по рекомендации З. Ф. Первушиной редакция "Последних известий" поручила передачу информации о выборах из Ворошиловского района Владивостока (тогда так назывался Первомайский район). Каждый из корреспондентов старался опередить своего конкурента в оперативности передачи информации. А все специальные выпуски "Известий", кроме редактора информации, подписывал сам председатель комитета. Так оказался я в кабинете Семена Владимировича Юрченко, только что сменившего Михаила Федоровича Залевского, назначенного потом директором Владивостокского цирка. С. В. Юрченко был переведен из "Красного знамени", где работал замредактора. Он внимательно прочитал мою информацию, что-то поправил, завизировал своим размашистым почерком, поблагодарил за оперативность и благословил в эфир, как потом оказалось, на всю последующую жизнь. Мы работали с ним до самой его кончины в 1990 году, 27 лет он возглавлял телерадиокomiteт. Примера подобного долголетья на должности руководителя важной (и опасной в то время!) идеологической сферы за всю историю советского телерадиовещания не было. Я был потом и первым редактором политвещания телевидения, главным редактором, заместителем С. В. Юрченко и на радио, и на телевидении, наконец, председателем комитета, сменив С. В. Юрченко в 1977 году, но эти первые годы своей радиожурналистики и тех первых своих наставников на радио, ставших потом друзьями и коллегами, я никогда не забуду: З. Ф. Первушину, С. В. Юрченко, В. Я. Абрамова, Г. И. Громова, Э. А. Каганскую, П. М. Герцева, Е. А. Лихачеву, К. Е. Селезневу, Л. М. Субботенко, В. И. Ромашова... О каждом из них можно вспоминать бесконечно. Это, без сомнения, был золотой фонд приморского радио 50–70-х годов.

Так игра в радио, начавшись в школьные годы, превратилась в любимое дело, которому я отдал уже полвека...

В начале семидесятых годов по инициативе крайкома партии произошла своеобразная "рокировка" в руководстве краевого телевидения и радиовещания. Чем она была вызвана, до сих пор понять не могу. Видимо, какими-то личными пристрастиями функционера от идеологии секретаря крайкома партии рыбака-любителя П. А. Антохина. Кстати, логика в действиях крайкома партии, особенно в области идеологии, порой отсутствовала. Был такой курьезный случай, связанный с "бдительным" Антохиным. Однажды, после известной политической оттепели, знаменательной разоблачением культа Сталина, по Приморскому радио прозвучала

ХРОНИКА

*23 апреля 1965 г. —
на космическую орбиту
запущен искусственный
спутник связи
"Молния-1".*

*Состоялась первая
пробная передача
"Москва — космос —
Владивосток".*

*25 декабря 1965 г. — во
Владивостоке сдан в
эксплуатацию
Радиодом 1 класса,
оснащенный новейшим
оборудованием.*

*5 марта 1969 г. —
в система Комитета по
телевидению и
радиовещанию создан
Радиотелецентр.*

*Май 1970 г. —
на Всесоюзном конкурсе
Союза журналистов
"Великая победа" в
честь 25-летия Победы
Приморский
телерадиокomiteт
завоевал 1-й приз за
активное участие в
военно-
патриотическом
воспитании
трудящихся.*

*Июнь 1972 г. —
на Приморском радио
прозвучали первые
передачи
стереофонического
вещания.*

популярная в то время песня “Бухенвальдский набат”. И уже через час в кабинете председателя раздался звонок “вертушки”, так прозвали прямой телефон высоких инстанций. Звонили из крайкома: «Что у вас там поют “Вива Сталин вновь”!» Что тут началось! Переполох среди руководителей, в редакциях, фонотеке. Искали источник столь крамольной фразы. А оказалось все просто. Эта строчка из песни на самом деле звучала так: “...и восстанем вновь!” (Речь шла о человечестве, протестующем против использования атома в целях войны). И мы убедились, что, оказывается, и у партийных функционеров со слухом бывают проблемы.

И вот в результате рокировки я был переведен с должности заместителя председателя по телевидению (проработав на ней год или два) на должность заместителя председателя по радиовещанию, а П. Ф. Марченко с этой должности перешел на мою, на телевидение. Я к тому времени уже отработал главным редактором “Дальтелефильма”, главным редактором телевидения и его руководителем после смерти в 1967 г. замечательного творческого по своей натуре человека Владимира Петровича Бусыгина, опять же незаслуженно отрешенного от должности первого секретаря крайкома комсомола, неутомимого организатора, человека, оставившего заметный след в жизни молодежи края и “засунутого” партийными чиновниками директором Примиздата. Сколько мы (нас было несколько человек) убеждали С. В. Юрченко забрать В. П. Бусыгина в телерадиокомитет. С. В. Юрченко и сам понимал, что Бусыгин в нашем деле человек нужный, но спорить с рыбаком-любителем было трудно. Своим негромким, еле слышимым голосом (чтоб всегда прислушивались к пророку) он определял тогда судьбу многих в мире творческой интеллигенции. И все-таки В. П. Бусыгин был переведен на телевидение. И его появление произвело новый творческий импульс нашей творческой жизни. Он не был начальником, он был коллегой, писал сценарии, работал в кадре, горячо выступал на летучке и сгорел, как говорят, на работе. Ему не было и 50.

Трудно мне было заменить этого человека на должности заместителя председателя по телевидению. Но он был мне близок по духу, и это помогало.

И вот — снова радио. На орбиту, которую я осваивал юнкором, потом нештатным корреспондентом, а после окончания института — организатором и руководителем Находкинской городской радиоредакции (молодой Находке только что был присвоен ранг города), сборком Приморского и Всесоюзного радио. Вот об этом поручении хочется вспомнить особо.

В. Я. Абрамов совмещал должность заместителя председателя радиокomiteта и собственного корреспондента Всесоюзного радио по Приморскому краю. Тогда круг штатных сотрудников центрального радио был узким. В основном эту работу в регионах выполняли штатные журналисты местных редакций радиовещания. Где-то в году 53-м Абрамов уезжает в долговременный отпуск, как тогда говорили, “на запад”, и поручает мне выполнять обязанности собкора Московского радио, дает мне телефоны московских стенографисток, а им мой домашний телефон. А тогда надо было, кроме экстренных случаев, передавать информацию для союзных “Последних известий” трижды в неделю. И хоть умри, но информация должна быть готова к передаче по звонку стенографистки.

Как мне пригодились уроки тех людей, о которых я уже говорил. Когда В. Я. Абрамов правил мои первые информации, а потом репортажи, то нет-нет да приговаривал: “Умри, Денис, лучше не напишешь!” В том смысле, что до мастера Дениса мне еще далеко.

Не могу забыть из того множества информации, что я передавал в Москву, одну, о китобойной флотилии “Алеут”, начавшей весенний промысел у островов Курильской гряды. Я, конечно, не был на месте события, но до этого момента целое лето 52 года вместе с другом Леонидом Заичко проплавал на рефрижераторах “Волга”, “Нева”, “Рион”, “Донецк”, “Витим” в Охотском море, у берегов Камчатки и Сахалина. Впечатления от этих рейсов потом вылились в серию очерков на страницах “Тихоокеанского комсомольца”. Впечатления были настолько яркие, что стали палитрой творческой памяти. Факты я узнал в Управлении китобойных флотилий, а картинку представил. Информация получилась краткой, но красочной, с одиноко плавающими льдинами, заснеженными вершинами курильских вулканов и редкими фонтанами морских гигантов. “На лине — первый кит!” — так начиналась информация. А дальше: “Когда в Москве наступила глубокая ночь, на Тихом океане...” и т. д.

Я понял, что информация в Москву не может быть провинциальной, она должна рассказывать о событиях, интересном для страны, выходящем за пределы местных интересов. И она должна быть с

интригой: по времени, по сути события, его последствиям. И еще информация должна нести колорит того региона, где свершилось событие.

Когда вернулся из отпуска В. Я. Абрамов, он пригласил меня в ресторан "Тихоокеанец" (помещение нынешнего малого ГУМа) — место постоянной "дислокации" наших радиожурналистов в 50-е годы во время получения гонорара. Поставив на стол бутылку коньяка, сказал:

— Иду в Москве по коридору "Последних известий" и вижу: на доске лучших материалов твои информации. Ну ты даешь, Денис, лучше не напишешь!

И тут я понял, что родился как раз тот Денис, который, наверное, заслужил коньяк.

Двадцать лет отделяют эти два события — первые годы на радио и назначение на должность заместителя председателя по радиовещанию. 60-е годы — время бурного подъема телевидения: росло число студий, рождались новые формы и виды передач, появлялась новая техника видеозаписи. Состоялось открытие космического телемоста Владивосток—Москва, ставшего прообразом будущей "Орбиты". Журналисты телевидения были в центре внимания, и многим из них казалось, что они главные герои событий. В общем, на телевидении было престижно работать. Всегда на виду, в центре общественного внимания.

А что радио? Оно, как считалось, уже отслужило свое, уступив место молодому средству информации и каналу культуры. Это сегодня говорят: "жевательная резинка" для глаз, "ящик для дураков", "кретинометр", а тогда телевидение, как молодой необъезженный конь, удивляло, поражало и очаровывало. И вот в такой праздник телевидения мне предложили покинуть его и перейти на радио. Честно признаться, я тяжело переживал это назначение, считая, что навсегда расстанусь с телевидением. И только мой хороший товарищ, лауреат премии Союза журналистов, известный в стране мастер фотожурналистики Юрий Муравин, шутя поддерживал меня: "Будешь ты стрелком-радиомом, а в душе пилот. Будешь ты летать со свистом задом наперед". Уже будучи заведующим кафедрой телевидения и радиовещания ДВГУ, я познакомился с одним из ведущих авторитетов в науке о радиовещании профессором МГУ Всеволодом Николаевичем Ружниковым. Он подарил мне свою книжку "Так начиналось" о первом десятилетии радиовещания в нашей стране с автографом: "...на память с добрыми пожеланиями больших успехов на новом поприще, здоровья и счастья". И добавил:

— Радио не то, что теле, но что-то есть и в этом теле!

Насколько это справедливо! И когда я уже работал председателем комитета, телевизионники (как они сами признавались) долго еще ревновали меня к радио, хотя для меня как телевидение, так и радио было, как два крыла одной эфирной птицы.

Газеты о Приморском радио

Слушая радио, многим кажется, что подготовка радиопрограмм не требует особого труда: сел в студию к микрофону, прочитал новости, задал несколько вопросов тому или иному гостю передачи — вот вам и прямой эфир.

Но, познакомившись поближе, оказалось все иначе. Начнем с того, что те же новости нужно раздобыть, а для этого посидеть не один час у телефона, обзванивая знакомых и незнакомых людей. А за интервью журналисту чаще всего приходится ехать самому, а порой еще и убеждать собеседника не смущаться микрофона и не пытаться воспользоваться заранее подготовленной шпаргалкой. В чем вы можете быть уверены, так в том, что никакое интервью не укладывается в 5 минут, а для программы новостей, как известно, максимальная продолжительность пленки — 3-4 минуты. Вот тут-то и наступает для корреспондента тяжелая пора: сокращать интересную пленку, все равно что по живому резать. Жалко каждую фразу, но сокращают. Хотя и ходит среди журналистов шутка о том, что краткость — сестра таланта, да мачеха гонорара.

А. Хисамутдинов.

«Владивостокское время».

9 января 1996 г.

70-е годы. Про эти годы установилось понятие как об эпохе застоя. Но мы в своей творческой работе этого не замечали. Да и, пожалуй, люди, жившие в нашем крае, этого не чувствовали. Строился Восточный порт — крупнейший в Союзе. На его 19-километровой береговой полосе проектировалось 64 причала. Рос объем экспортно-импортных перевозок грузов в портах края, рождались новые отрасли хозяйства, такие, как фарфоровая, был введен в эксплуатацию крупнейший Владивостокский завод с мощностью 24 млн штук фарфоровых изделий в год. А наша рыбная отрасль? Ее флот стал океаническим. Рыбаки Приморья давали 25 процентов от общей рыбной продукции страны. А как динамично развивалось горное дело: Хрустальный, Ярославский комбинаты, объединение “Бор” — все это детища семидесятых. Олово и вольфрам для страны шли из Приморья. А многострадальный сегодня Лучегорск? Энергетическое сердце Приморья в то время с таким избытком вырабатывало электроэнергию, что приходилось сдерживать ее производство. Заводы точного машиностроения Дальприбор, “Изумруд”, “Варяг”, “Звезда” — это тоже детища того времени. В 1970 г. решением ЦК КПСС и Совмина СССР был создан Дальневосточный научный центр Академии Наук СССР. Это лишь небольшой перечень того, чем занимались в крае десятки, сотни тысяч его жителей. О каком застое можно говорить?

Все это и было полем творческой деятельности журналистов радио и телевидения. При таком размахе дел, конечно, нашими героями были люди, создающие эти богатства. И, пользуясь выразительными средствами радио, надо было мастерски раскрыть их характер, их настроение. Нас слушали повсюду: край был полностью радиофицирован. Только одних радиоточек проводного вещания насчитывалось около 680 тысяч (при населении 1 млн 850 тыс.). Объем местного радиовещания в то время составлял 15 часов в сутки. В 1972 г. начались первые передачи стереофонического вещания, к 80-му году объем его вырос до шести часов, а в 1979 году вещательное оборудование Дома радио было полностью заменено на современное.

Вот при такой динамичной и насыщенной событиями жизни, с чего надо было мне начинать на радио? Посоветовались и решили: с перестройки информационного вещания. Вот тогда и родились программы, часть которых существует и поныне, правда, с учетом новых социальных условий жизни.

Прежде всего мы начали с утра, построив его программу так, чтобы ее ритм совмещался с житейским. Каждый час вещания имел свое лицо. Основные рубрики настраивали человека на оптимистическое восприятие мира, радиослушатель получал краткую справочную информацию, знакомился с гостями края, слушал голоса районов и сводку погоды, которая выходила точно в определенное время. Завершала утро музыкальная пятиминутка “В эфире песня”. Казалось бы, это не идеологизированная программа, тем не менее она выходила в эфир с учетом характера дня, знаменательных дат, праздников общесоюзных или профессиональных. В программу вкладывался определенный смысл, вынашиваемый творческим коллективом.

Если утро начиналось информационно-музыкальной программой, то день должен заканчиваться краткими итогами. Этому служил пятиминутный комментарий, который мы называли “Эхо дня”. Выходила

Рецензия

о состоянии радиовещания в Тетюхинской радиоредакции.

Обзор микрофонных материалов в январе-феврале 1947 г.

Основное место в передачах занимают информации, корреспонденции и выступления перед микрофоном. Как недостаток в этой области нужно отметить, что редакция совершенно не использует такие формы передач, как очерк, художественная зарисовка, рассказ. Отсутствуют тематические выпуски по отдельным важнейшим вопросам работы, как то: борьба за экономию, за поднятие производительности труда, за сохранение и бесперебойную работу механизмов и др. Крупным недостатком в работе редакции является то, что она совершенно не уделяла внимание вопросам идеологической работы, вытекающим из доклада тов. Жданова “О журналах “Звезда” и “Ленинград”. Редакция не освещает работу клубов, проводимые лекции под этим углом зрения.

Редактор-рецензент Киселенко.

программа в 23 часа 55 минут, а заканчивалось вещание в 00 часов исполнением гимна, причем утром гимн пели, а в 00 часов звучала музыка. "Эхо дня" родило жанр комментария. Тогда, в 60–70-е журналисты радио все чаще выходили в эфир, в том числе и в роли комментатора, может быть, скорее обозревателя. Ведь дикторы как бы представляют официоз (кстати, сегодня наши журналисты иногда исполняют не

свойственную им функцию диктора, и этим обедняется палитра вещания). Информация стала личностной, персонализированной и привлекала внимание слушателя. С комментариями дня могли выходить в эфир только опытные журналисты. Тогда руководителем редакции информации радио был Георгий Громов. Он был, как говорится, редактором от бога. Мы с ним работали и часто проводили свободное время вместе. Он не был лишен человеческих слабостей, был человек в этом смысле обыкновенный: любил шумные компании, любил ял и мучился потом, много курил, но всегда был заострен на событие, на новость и выносил ее в эфир оперативно и горячей. Он всегда поддерживал меня в моих поисках новых форм вещания и не просто поддерживал, а развивал идею, обогащал ее. Мне всегда нравилось работать с такими людьми. Мне чуждо чувство зависти. Помните, надо было показать по приморскому телевидению выступление иностранного консула. Тогда это было не рядовым событием. И мы предложили руководству комитета организовать одновременную трансляцию этого события на радио и телевидении. Тогда это была новая форма. Помните, задали мы задачу техническим специалистам. Но передача прошла успешно, и эта форма одновременной трансляции стала использоваться по мере необходимости. А нам с Жорой в приказе председателя была объявлена благодарность.

А когда-то, когда я делал первые шаги в радиожурналистике, Георгий Громов, Борис Нечипирович, Леонид Субботенко попали в "радиофокусники". Так назывался фельетон в газете "Красное Знамя". Они пытались (и не без успеха) в ванне создать стихию океана. Играла волна, бил прибой, и Жорж Громов (так звала его жена) "стоял на берегу Амурского залива". Ребятам хотелось быть ближе к жизни, к натуре, выйти за стены студии, но техника тогда этого не позволяла. Сейчас это называют спецэффектом, а в звуковом фонде радио долгое время сохранялись записанные голоса жизни: строевой шаг, шум поезда, гудок паровоза, причем, не просто, скажем, паровоза, а паровоза определенной серии и т. д.

Георгий Громов, Вадим Тураев — главный редактор "Тихого океана", Виталий Солдатов — старший редактор "Тихого океана", Леонид Субботенко, Борис Кожин и я были ведущими "Эха дня". А днем стала выходить программа "В час обеденного перерыва". Первое ее появление вызвало у радиослушателей неподдельный интерес. Программу готовили журналисты редакции информации и музыкального вещания. Она должна была как бы продолжить тему утра, дать слушателю возможность отдохнуть, узнать о событиях, происшедших в первой половине дня и ожидающихся во второй, причем из первых уст героев этих событий или его организаторов. Мы старались сами быть участниками таких событий, их организаторами. Наш симфонический оркестр часто выступал на предприятиях в час обеда, и мы в прямом эфире транслировали его концерты. Кстати, главный дирижер оркестра заслуженный деятель искусств РСФСР Виталий Краснощек обладал удивительной работоспособностью и творческой энергией. Он принял оркестр после Бориса Вернера, внесшего заметный вклад в становление коллектива — тогда первого и единственного симфонического оркестра на Дальнем Востоке. Вообще приморское радио в то время, когда не было возможности регулярной трансляции из Москвы музыкальных программ или потому, что проходили они по проводам и поэтому не отличались высоким техническим качеством, становилось источником музыкальной культуры. При нем создавались не только оркестр, но и хоры, и взрослый, и детский. Б. Вернер многое сделал для их полноценной работы. Виталий Краснощек вместе с музыкальными редакторами Евгенией Славской и Геталиной Воробьевой продолжили это дело на

Газеты о Приморском радио

Главная редакция информации радио будет всю зиму следить за соревнованием двух ферм — из Даниловки и Нестеровки. Журналисты не раз побывают там, встретятся с животноводцами, запишут на магнитофонную пленку голоса доярок, скотников, зоотехников, чтобы узнать, что их радует и тревожит. Передачи с ферм будут регулярно звучать в программе "В час обеденного перерыва".

Е. Кантакузова.

«Красное знамя».

20 января 1985 г.

новом качественном уровне. Оркестр все чаще стал покидать свой аквариум — Большую студию Дома радио и выступать на открытых городских площадках и в районах края. По нашему настоянию город восстановил и благоустроил фонтан в сквере у Дома радио и каждую пятницу (это стало традицией) оркестр, при большом стечении народа, давал концерты популярной классической и советской музыки. Виталий Краснощек и ведущие артисты оркестра, редакторы музыкального вещания участвовали в оргкомитетах, жюри народных фестивалей и смотров. В этом радио было всегда авторитетом.

Начало положила Антонина Ричардовна Шинкаренко, долгие годы проработавшая старшим редактором музыкального радиовещания. Я познакомился с ней еще в детстве, когда "играл в радио", в гостях у своей родной тетки, с которой она жила в одной мансарде в центре города. Их квартиры были рядом. При своей внешности, о которой сказать "миловидная" — значит изменить вкусу, она была настолько обаятельна внутренне, что это ее качество определяло в ней все. И когда мы с ней встретились как коллеги на радио, я в этом убедился. Ее энергии хватало на все: и на работу в музыкальной школе и училище, и на организацию художественной самодеятельности в городах и районах края, и на заседания в жюри различных конкурсов и фестивалей, и на совещания в Управлении культуры. И везде ее мнение определяло решение. Причем эта организаторская работа содействовала обогащению музыкальных радиопрограмм. Это она способствовала всеобщему признанию песен приморского композитора "Уходит сейнер" и "Метет метель вишневая", впервые исполненных на радио популярным в то время хорovým коллективом Нины Широковой.

Работая на телевидении, я убедился, что наглядность делало его общедоступным, а потому понятным и популярным. Радио в силу своей закрытости долгое время было каналом официальной информации. Недаром после войны по указанию И. В. Сталина радиовещание долгое время работало в рамках отдела радиоиформации и возглавлялось начальником. Мне хотелось разрушить стену между радиослушателем и носителем информации, сделать радио открытым и доступным. Вот поэтому мы стали внедрять активные формы радиовещания — идти навстречу радиослушателям и приглашать их к себе. Так родилась программа "Встречи в Большой студии Дома радио". Они транслировались напрямую. Начала их редакция детских программ. В студии Дома радио впервые прошел большой пионерский сбор. В нем приняли участие первые пионеры, пионерские дружины школ. Отсюда, из студии, мы связывались с

На снимке: встреча Г. С. Титова в 1964 г.
на корабле Тихоокеанского флота.
Один из корреспондентов —
Г. И. Громов (за космонавтом справа).

другими городами. Шел обоюдный заинтересованный разговор. Было много музыки. За детской редакцией в Большой студии Дома радио со своими передачами выступали редакции литературно-драматических программ, общественно-политического вещания.

Поистине легендарной стала передача "Батальоны встают на поверку". Вот строчки из воспоминаний Георгия Громова: "Придумали мы ее вместе с журналистом Валентином Ткачевым. Название передачи родилось из моих личных воспоминаний... Поверка... Прошло много лет, оттремела война. Многих нет в живых. А поверку надо провести. Для памяти, для чести..." ("Утро России", 9.05.92 г.). Программа родилась в дни подготовки к 35-летию победы. В это время на Всесоюзном радио шла программа по письмам фронтовиков, которую вел ведущий диктор — Юрий

Газеты о Приморском радио

Отдано много сил, чтобы радио стало таким, какое оно сейчас. Но останавливаться нельзя. Еще пять лет назад мы были единственными, сейчас появились другие, негосударственные радиостанции. Чтобы конкурировать с ними успешно, надо совершенствоваться. На мой взгляд, перспективы радио связаны с содержанием: еще большая оперативность, мобильность, незаштампованность материалов обеспечат успех. Пусть не всегда все удастся и от жизненных проблем не уйти, но каждый день с его хлопотами и радостями находит отражение в программах государственного краевого радио.

Б. Максименко.

«Владивосток».
17 января 1996 г.

Борисович Левитан, читавший своим особым пафосно-драматическим голосом в годы войны приказы Верховного Главнокомандующего. Вот он-то и подвинул нас к созданию своей передачи. Мы и представить себе не могли, какой огонь вызвали на себя. Десятки, потом сотни, даже тысячи писем стали приходить на передачу, которые как бы заполняли "белые пятна" истории героических лет. Пришлось подключать к обработке писем целый штат редакторов. И консультантами, и ведущими программ вместе с Г. Громовым были участник обороны Брестской крепости Иван Афанасьевич Гладченков и заслуженный артист республики, ставший впоследствии народным, участник штурма Берлина Вадим Янович Мялк, или, как просто по-товарищески мы звали его, "Вадик". Передача прожила десять лет (с 1980 по 1990 гг.), собрала уникальный исторический материал, не раз и не два Большая студия Дома радио принимала участников Великой войны. Было задумано издать книгу воспоминаний, писем на материалах передачи, своеобразную книгу памяти, вложив в нее звуковые страницы из той же передачи. Уже договорились с "Кругозором" — популярным московским журналом. Но начавшийся перестроечный переполох поломал все планы. Не знаю, хранятся ли в краевом Фонде мира переданные нами 15 лет назад тексты передачи. По-моему, и Фонда сегодня нет.

Это все наша память. А память — это культура, это традиции, это история. Пожалуй, "Батальоны встают на поверку" можно приравнять к вошедшей в историю советского телевидения и радиовещания передаче писателя Сергея Смирнова, открывшего подвиг защитников Брестской крепости, назвавшего именно его героев.

Еще одна программа, заслужившая внимание радиослушателей называлась "Вечера за чтением Дальневосточной прозы". Нам хотелось, чтобы длинными зимними вечерами слушатели вместе с нами читали повести, рассказы, романы писателей, которые могли бы составить антологию произведений о российском Дальнем Востоке. Редактор и ведущий этого цикла Александр Брюханов составил список произведений, который был утвержден на редакционном совете. Александр нашел здравствующих авторов, раскопал дневники и воспоминания тех, кого уже не было в живых, и перед каждым литературным чтением устраивал своеобразное представление будущего произведения.

Программы радиостанции "Тихий океан" в 60–70-е годы были нашей особой заботой. Мало кто знает, но "Тихий океан" так же, как и телевизионная "Орбита", — детище бушевавшей в то время холодной войны между двумя сверхдержавами мира — СССР и США. Специальным постановлением секретариата ЦК КПСС поручалось Министерству связи и Гостелерадио СССР разработать в качестве

Газеты о Приморском радио

Не одно поколение дальневосточников выросло под мелодичные позывные "Тихого океана". Когда-то они звучали раз в неделю, потом чаще. Теперь улаживают слух каждый день. И остается только завидовать и радоваться той энергии и творческим способностям радиожурналистов, сумевших за столько лет не только не надоесть своим слушателям, но еще и приобрести новых поклонников.

*Л. Петрова.
«Красное знамя».
17 апреля 1993 г.*

контрпропагандистской меры схему передачи радиопрограмм для советских рыбаков и моряков на всей акватории мирового океана. Тогда же родилась система телепередач "Москва глобальная" для посольств и советских учреждений в различных странах мира. Телевизионная "Орбита" — это не что иное, как прикрытие испытаний межконтинентальных баллистических ракет и запусков спутников-разведчиков. Была создана целая система их обслуживания на орбите. В задачу ее входило также отслеживание спутников, рассчитанных на передачу программ центрального телевидения и радиовещания в самые далекие уголки страны. Это

было талантливое решение, которое, с одной стороны, создавало условия для создания ядерного и космического щита, с другой — экономило огромные средства для передачи телерадиопрограмм и телефонии и, в третьих, — создавало единое информационное пространство на всей территории регионов. США, в свою очередь, наладили свою систему контрпропаганды. Через радиостанции в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии они вели целенаправленные радиопередачи на республику Советского Союза. Действующая в те годы так называемая система инновещания, которая существовала в Гостелерадио и представляла по существу государство в государстве, призвана была вести из Москвы передачи на десятках языков для радиослушателей иностранных государств.

Для трансляции радиопрограмм "Тихого океана" из Владивостока инновещание в соответствии с постановлением секретариата ЦК партии ежедневно выделяло на 45 минут самые мощные радиостанции в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке прежде всего на коротких волнах. Мы ежемесячно контролировали качество трансляции, получая данные от первых помощников капитанов в различных уголках мирового океана. Эти данные крайком партии, обобщая, направлял в ЦК КПСС. За нами оставалось качество программ. В "Тихом океане" работали сильные журналисты. Главную редакцию возглавлял сперва Павел Шварц, потом Иван Гурко, его сменил Вадим Тураев — кандидат исторических наук. Старшими редакторами работали Нина Василевская, Нина Хрулькова, Виталий Солдатов, Борис Метелев, Виктор Феоктистов, начинавшая тогда Тамара Ясенкова. Одним из ведущих журналистов был Александр Копейка. Он выиграл конкурс, условия которого мы опубликовали в журнале "Журналист" (таковы были наши масштабы). К нам пришло более 200 предложений. Путь творчески одаренных людей у нас был предопределен. Через некоторое время он стал старшим редактором, затем был назначен главным редактором главной редакции информации, которую мы укрупнили, выделив из главной редакции общественно-политического вещания. С наступлением перестроечного времени, времени свободного мышления, Александр Копейка стал организатором и ведущим публицистических программ "Эфир-105" (105 минут эфирного времени). Свободный микрофон в нашем эфире означал новый этап работы радио: не вещать, а говорить с радиослушателем на нормальном человеческом языке, говорить то, что думаешь, а не думать об одном и говорить, что требуется. И закономерно, что А. Копейка стал депутатом Верховного Совета уже новой России.

По решению Гостелерадио, программы "Тихого океана" включали в свое расписание Хабаровский, Сахалинский, Магаданский, Камчатский и Амурский комитеты. По специальному указанию Министерства морского флота и рыбного хозяйства судовые радисты обязаны были обеспечить прием программ "Тихого океана" ежедневно с 18 часов 15 минут до 19 часов владивостокского времени и включать громкую трансляцию. Для поддержания постоянного высокого творческого и организационного уровня работы "Океана" был создан совет радиостанции в составе председателей комитетов Дальнего Востока и главной редакции, в котором всегда деятельное участие принимали руководители морских и рыбных отраслей хозяйства, ответработники Гостелерадио. Вместе с творцами, как о нас говорили, о "Тихом океане" заботились, поддерживали его и морально, и материально такие крупные руководители рыбного

хозяйства страны и Дальнего Востока, как М. Дроздов, Н. Носов, В. Старжинский, морского флота — В. Бянкин, Ю. Островский, В. Миськов. Почетные грамоты, ведомственные знаки трудового отличия этих отраслей хозяйства, наконец, просто денежные премии были не лишними для наших журналистов, традиционно получавших невысокую зарплату. Совет “Тихого океана” возглавлял председатель приморского комитета. Заседания Совета проходили два раза в год в каждом из краевых и областных центров Дальнего Востока. На них обсуждались программная концепция “Океана”, условия его деятельности, принимались решения. Все это способствовало успешной работе “Тихого океана”. Каждый день недели в программе радиостанции имел свое лицо: “День письма”, “И дым отечества нас сладок и приятен...”, “На морях и землях Дальнего Востока” и т. д. Помню, на заседании совета “Тихого океана” в Петропавловске-Камчатском один из его участников, ответственный работник обкома партии, рассказал эпизод, который взволновал всех. Этот человек служил в Афгане, дождливой ночью сидел в горах, в палатке, от тоски крутил... ручку настройки радиоприемника. И вдруг сквозь атмосферные разряды, писк, треск и завывания эфира, он слышит: «Говорит Владивосток! В эфире радиостанция “Тихий океан”!»

— Вы не представляете, что я почувствовал. Все сразу изменилось. Жизнь приобрела свой смысл. Как будто побывал в родном доме.

Мы были озадачены и удивлены. Австралия, Новая Зеландия, даже Антарктида, Тихий океан от берегов Американского континента до побережья Дальнего Востока — это было привычное поле радиостанции. Но чтобы Афганистан! И это еще более убеждало нас в необходимости нашего труда, его нужности людям. Корреспонденты “Тихого океана” пристально следили за пульсом жизни рыбацких и морских коллективов. На Камчатке — Кирилл Харибин, Евгения Арбузова и Карл Лауве — на Сахалине, в Магадане — Александр Червченко, Геннадий Овчинников, в Хабаровском крае — Феликс Куперман. Это были профессионалы, наши глаза и уши. Вообще работе собкоров радио мы уделяли большое внимание. Их приглашали на творческие летучки, они проходили стажировку в наших редакциях и направлялись на учебу в Москву. Мы обустроили наши корпункты и городские редакции. Новые современные корпункты мы открыли в Лесозаводске, Находке, Уссурийске, оснастили их современной техникой и автотранспортом. Наши “резиденты”, как шутливо по-дружески я их называл, — Леонид Кишиневский, который обслуживал все центральные северные районы края, Михаил Ситник в динамично развивающейся Находке, Алексей Малыгин, у которого были Уссурийск, Арсеньев и ближайшие к ним районы края. Надежные и оперативные корреспонденты. Их уважали в их регионах, доверяли им и всегда готовы были поделиться новостью, и потому Приморское радио первым сообщало о событиях. Каждый из них мог бы возглавить одну из редакций краевого радио, но они предпочли быть на переднем крае. Спасибо им за это.

Я втянулся в работу на радио, оно мне открылось с новой стороны: своей вездесущностью, неограниченными возможностями. Достаточно вспомнить, с какими трудностями приходилось встречаться, когда внедряли такую форму радиопередач, как переключка городов и районов края. Сейчас бы это назвали интерактивным радио: двухсторонний одновременный разговор между студией во Владивостоке и городами края. Создали специальное оборудование, “очистили” от технической грязи междугородние телефонные каналы. И добились своего. Эта форма стала одной из действенных в программах нашего радио и сегодня. Правда, не все было гладко. Приходилось

Рецензия

на микрофонные материалы Шкотовской радиоредакции за январь 1947 г.

“Наряду с подготовкой к выборам колхозники включились в объявленный декадник по подвозке кормов на ферму”. То есть получается, что все виды работ агитаторов проводят колхозники. Кроме смысловой нелепости получается и политически неграмотный текст: нельзя наряду с подготовкой к важнейшему политическому событию, провозглашаемому партией и правительством в четыре года раз, ставить обычный хозяйственный декадник.

З. Первушина.

ходить порой по лезвию ножа, чтобы сохранить ту или иную рубрику, саму идею передачи того или иного автора от цензурных церберов, за которыми стояли партийные идеологи. Учитывая, что наш край, Владивосток были по существу закрытым регионом, делать это было день ото дня сложнее. Помнится, как-то передавали по радио обзор газеты "Красное Знамя" (тогда обзоры газет были регулярными), в которой было опубликовано постановление бюро крайкома партии и крайисполкома о мерах по повышению продуктивности животноводства, и в нем приводились единичные примеры падежа скота. Тут же раздался звонок "сверху": кто позволил вам раскрывать эти цифры, вот-де звонит народ из районов края и возмущается. В оправдание мы показали газету. Оказывается, печатать можно, а вот громко говорить об этом не следует. Двойная мораль, но тем не менее мы убедились в силе звучащего слова. Было принято считать, что критика вообще не дело радиовещания. Она могла быть на страницах печати и только та, которую одобряли в отделах пропаганды и агитации. Объяснялось это наивно просто: что-де наше радио не имеет границ, его слушают за рубежом и там сделают неправильные выводы о жизни советского общества. Такое было время. Нужно было правильно его понять: отделить плевела от рационального зерна. И нам это удавалось. И в этом тоже был наш профессионализм.

Когда сегодня я слушаю утренние позывные Приморского радио (фрагмент музыки Модеста Мусоргского из оперы "Хованщина" — "Рассвет над Москвой-рекой"), я вспоминаю те годы. Тот, кто их ввел, Михаил Федорович Залевский, был все-таки мудрым человеком: эта музыка как бы свидетельствовала о великой Руси — от западных ее границ до Тихого океана. Рассвет над нашей Родиной начинается у нас, на Дальнем Востоке. Потом, в пятидесятых годах ее сняли с эфира из идеологических соображений: советское радио должно начинать день официальной музыкой. Прошли годы. Я вернулся на телевидение, работал его руководителем, а затем стал председателем комитета. При этом назначении уже другой "Антохин" обмолвился, опустив глаза:

— Рекомендуем тебя председателем, хотя кандидатура твоя неоднозначна... — что-то вроде: с

удовольствием тебя бы не назначили, но обстоятельства... Какие это были обстоятельства, я до сих пор не знаю. Да я и не обращал внимание на эти интриги. Хотя, может быть, и напрасно. Просто занимался своим любимым делом. Одним и на всю оставшуюся жизнь.

А Приморское радио с той поры каждое утро вновь открывает свое вещание "Рассветом над Москвой-рекой". И я горжусь этим.

Газеты о Приморском радио

На состоявшемся недавно в Абакане (Республика Хакасия) Всероссийском конкурсе журналистов "Экология России" приморские радиийщики и телевизионщики были вне конкуренции. Автор и ведущая радиопрограммы "Среда обитания" Елена Старостина (ТГТРК "Владивосток") получила высшие награды конкурса — берестяную грамоту и диплом имени Сергея Залыгина... Елена ведет "Среду обитания" уже четвертый год, и нынешняя победа не единственная в ее багаче.

Е. Прядко.

«Известия».

16 июня 2000 г.

Хлеб нелегкий, путь тернистый

На снимке: Л. С. Кишиневский
за работой. 1961 г.

Если верна крылатая фраза, что театр начинается с вешалки, то, пожалуй, справедливым будет и утверждение, что новый день для нас начинается с включенного после ночной паузы радиодинамика. Вместе с первой чашкой чая, первой сигаретой мы поглощаем и первую порцию новостей. И если случается, что радио почему-то молчит, мы начинаем ощущать досаду: будто бы неожиданно потеряли что-то важное, будто отняли у нас привычный, неизменный поутру горячий чай.

Да, что ни говори, а очередной день календаря начинается именно с радио. Его чудесная сила переносит нас то на борт рыболовного траулера, то в цеха кондитерской фабрики, то в угольную шахту, то в стылую тайгу к лесозаготовителям, то в

поле, где идет борьба за урожай, то в кабинет высокого начальника... Словом, вся жизнь потоком разных новостей входит в наш дом. И знакомит нас с ними человек с микрофоном.

У радиожурналиста Леонида Кишиневского, чей голос мы регулярно на протяжении десятилетий слышим по краевому и местному радио, трудовой стаж в должности собственного корреспондента перевалил за полвека. Самокритично оценивая свою профессию и себя в ней, Леонид Семенович однажды написал на одном из телефонных справочников, которые у него всегда под рукой: "Хлеб нелегкий, путь тернистый..." и далее еще несколько пронзительных строк о сути журналистской профессии.

Среди журналистов Лесозаводска Леонид Семенович Кишиневский — фигура заметная и колоритная. Участник Великой Отечественной войны. Заслуженный работник культуры России. Член Союза журналистов. Обладатель одиннадцати правительственных наград. Неоднократный лауреат различных творческих конкурсов. Голос Кишиневского, как и его самого, узнают не только в Лесозаводском районе, но и в соседних — Кировском, Дальнереченском, Пожарском, Красноармейском, где он также был полномочным представителем Приморского радио: Слово "представитель" звучит несколько сухо и официально. Но по сути оно верно. Как верно и то, что все эти годы Леонид Кишиневский был пахарем приморского эфира, и урожай от этой специфической пахоты мы, радиослушатели, пожинаем до сих пор, включая радиоприемник. Всегда удивлялся и удивляюсь колоссальной работоспособности Леонида Семеновича и по-хорошему завидую, что и в 75 лет его репортажи и интервью по-прежнему звучат в выпусках краевых новостей.

Свой путь в журналистику фронтовик начал после демобилизации с работы в комсомоле. При этом сотрудничал с городской газетой и местной радиоредакцией. А с мая 1950-го он окончательно определился с выбором профессии, став в радиоредакции ответственным редактором. И снова в дорогу. Непросто одному набрать на 15 минут новостей из жизни города и района. Репортерского магнитофона еще не было, только громоздкий "ящик" в студии. Потом надо было еще прочитать свой текст перед микрофоном или подготовить к выступлению в прямом эфире человека, впервые пришедшего в студию.

Первым среди собкоров получил он технику — трехколесный грузовой мотороллер и был очень доволен: все не пешком по району топтать. Местные партийные чиновники, в чьи кабинеты он был вхож, как к себе домой, уже ездили на "Волгах" и "УАЗиках", а он трясся на ветру на трех колесах и мало заботился о том, как выглядит со стороны. Леонид Кишиневский вспоминает о тех годах с теплотой и ностальгией.

Как в калейдоскопе, менялись высокие начальники, а он оставался на своем посту, беря интервью у очередного хозяина города и района. Сколько на его памяти в стенах местного "белого дома" сменилось разных секретарей и прочих руководителей более мелкого масштаба! Когда ветерана радиожурналистики провозжали на заслуженный отдых, кто-то припомнил и это "достижение". Впрочем, это слово можно написать и без кавычек, потому что в те времена нередко бывало и так, что собкора краевого радио или газеты из-за смелой и принципиальной критики записывали в "неудобные" и выживали. Что скрывать, старались тогда освободиться от критикана, выносящего грязь из избы. Леонид Кишиневский смог выжить, выстоять в круговерти интриг и подковерной борьбы.

Когда в Дальнереченске отмечали 30-летие событий на острове Даманский, Кишиневского не было среди гостей.

Газеты о Приморском радио

В шестидесятые годы на Приморском радио Леонида Кишиневского окрестили королем информации. На самом деле, в двадцати секундах радиозэфира, на половине листочка машинописного текста вряд ли кто лучше него мог ответить на три вопроса: что? где? когда? Леонид Семенович умел и умеет так находить факты и события, так подавать их, что его информации и репортажи и сегодня могли бы служить хорошей иллюстрацией для учебника по информационным жанрам.

Как давались эти командировки, эти репортажи? Об этом знают лишь сам Леонид Семенович да его родные. Домой он возвращался буквально измочаленный и чаще всего сразу садился за работу, чтобы успеть передать в редакцию очередной материал. Я видел, как он работает за монтажным столом. Это можно сравнить с работой хирурга, когда журналист чутко прослушивает каждый звук на пленке, чтобы вовремя ее остановить и вырезать ненужный шум или помехи. Главное для него, чтобы материал получился интересным для радиослушателя и полезным для общества.

В подборке новостей репортаж звучит обычно полторы-две минуты. Чтобы подготовить его, нужно несколько часов, а иногда вся ночь. Приходится извести не один десяток метров магнитной ленты, выкурить с полпачки сигарет и выпить не одну чашку кофе, что здоровья, конечно, не прибавляет. Такова закулисная работа радиожурналиста.

А. Рец.

«На берегах Усури».

22 марта 1999 г.

— До сих пор, бывает, по ночам не сплю, — рассказывает он. — Как вспомню те скорбные митинги и похороны в Имане, так сердце начинает щемить. До сих пор вижу: выходит из вертолета мать одного из пограничников и сразу — к гробам, искать сына. Нашла... Упала на колени... Словами не передать увиденное. Я микрофон из рук выронил, и сам вместе с этой несчастной женщиной чуть не плачу. Вот тогда у меня сильно прихватило сердечко.

Врачи, обследовав журналиста, констатировали: инфаркт. И вынесли жесткий вердикт: немедленно на больничную койку. Но события на пограничной Уссури еще только начинались, и Кишиневский решил остаться в Имане. Он продолжал передавать по телефону во Владивосток, на краевое радио, свои репортажи из "горячей точки", ставшей вскоре известной всему миру. Во многом благодаря ему приморцы узнали, что же произошло на этом клочке пограничной земли. Уже после того, как отстремели и бои на Даманском, и салюты в честь погибших, собкор Леонид Кишиневский все же лег в больницу, но он был первым, кто успел к тем, ставшим историей, событиям. Успел, чтобы рассказать о них нам.

Если внимательно приглядеться к карте маршрутов радиожурналиста, которыми он прошел — проехал по своим районам, то можно увидеть, что Кишиневский стал летописцем всех важных — не только для Приморья, но и для всей страны — новостроек на севере края: ЛЭП-500 и Приморская ГРЭС, Лесозаводский биохимический завод и Шмаковский курорт. Часть магнитофонных пленок тех лет до сих пор хранится в архиве Приморского радио, а в музее журналиста имеются сувениры о том времени, когда в Приморье закладывались первые камни в фундамент будущей большой энергетики, начиналось строительство предприятий по переработке богатств приморских недр, создавалась обширная курортная база.

Журналисты обычно не любят повторять то, что уже было опубликовано или прошло в эфире. Но о курьезах, которые случались в работе, умелый и интересный рассказчик Леонид Семенович Кишиневский может вспоминать бесконечно. Он был одним из первых журналистов радиокомитета, кто получил по тем временам чудо техники — 7-килограммовый магнитофон "Репортер-2". С тех пор кроме голоса собкора в эфире зазвучали и голоса героев его репортажей и интервью.

— Пришел как-то к бывшему председателю колхоза имени Дзержинского Мухину и выставил перед ним свой "ящик" с микрофоном. Он не понял, что к чему, и наговорил все что накипело, не стесняясь, в крутых оценках и крепких выражениях. Я записал этот крик души, а потом и говорю: "Теперь послушай". Он не поверил, что можно было голос вот так запросто записать, позвал других людей из конторы. Что началось, когда я включил магнитофон! Бывший фронтовик покраснел, засмутился, но техника всем понравилась.

Рецензия

*О работе Гродековской радиоредакции
(обзор микрофонных материалов за январь 1947 г.)*

Проверкой микрофонных материалов установлено, что редакция работала совершенно оторванно от жизни своих радиослушателей. Вместо того, чтобы повседневно делать полнообъемные выпуски, построенные на местном материале, и основное внимание уделять жизни района, радиоредакция увлеклась передачей газетных материалов, организацией всякого рода бесед и лекций, вопреки запрещениям Краевого радиокомитета. Большинство бесед и лекций написано безграмотным языком, встречаются политически неправильные выводы.

Редактор-рецензент Киселенко.

Не быть подставкой к микрофону

Поначалу работа на радио — после газеты — показалась легкой: не надо собирать факты по какой-то теме и вынашивать статью, взвешивая мнения и думая над выводами. Не надо писать свои материалы ночами, пользуясь тишиной и свободным временем. Не надо, наконец, думать, как в газете, над образностью речи, выискивать нужные, самые точные слова. Поначалу меня даже насторожила эта нетребовательность радио к слову, но вскоре поняла: хотя, записывая радиорепортаж, на поиск слов, действительно, просто нет времени, но это вовсе не значит, что ты можешь высказывать свои мысли, как попало. Все эпитеты, метафоры, точные сравнения у радиожурналиста должны быть всегда на кончике языка. Причем, в отличие от газеты, на радио надо думать еще и о благозвучности.

Первый урок я получила уже на пробном репортаже от соседа по кабинету Г. Громова. Он терпеливо слушал, как я, собираясь в торговый порт, на ходу сочиняла свой текст к репортажу на тему "Рабочей минуте — рабочий контроль", и потом сказал:

— Измени-ка первые слова. Скажи лучше: "С самого утра...", а не с раннего".

Уже несколько месяцев, как я в штате редакции, уже набила руку на подготовке всевозможных репортажей на тему "На ударных стройках", "Люди нашего города" и "Пятилетка — день за днем", и мне поручают не просто звуковой сюжет, а целую информационную программу — "Владивосток и владивостокцы". Она появилась на Приморском радио с легкой руки Галины Братко в период строительства водовода в новый тогда микрорайон Балаяева для того, чтобы оперативно освещать ход работ. Галина тогда потрясла всех радиийщиков своей работоспособностью: она ежедневно бывала на стройке и готовила для утреннего выпуска 10–15-минутный репортаж "Вести с водовода". После завершения строительства программа осталась в сетке вещания Приморского радио как городская. Но сейчас лето, Галина Братко в отпуске, и программа временно без хозяина.

Составить сценарный план несложно: обязательно новости краевого центра, какой-нибудь репортаж на производственную тему, потом репортаж или интервью социальной тематики и, наконец, культура или отдых. Сводный текст занимает всего одну машинописную страницу, но чтобы превратить ее в 30-минутную программу, побегать придется, поскольку у редактора информационной программы корреспондентов, как правило, нет, разве что внештатные — будущие журналисты или просто те, кто чувствует в себе тягу к творчеству и готов побегать с "Репортером" по городу в поисках сюжетов. Кстати, недостатка в добровольных помощниках Приморское радио в 80-е годы не испытывало, потому что участие их в передачах всячески поощрялось, даже гонорарный фонд делился на две неравные части: 40 процентов его предназначалось штатным сотрудникам, а 60 — внештатным. Это обстоятельство притягивало порой и обыкновенных графоманов, и редакциям приходилось идти на всевозможные ухищрения, чтобы от них избавиться.

Как известно, чтобы сделать хороший репортаж, надо соблюсти два основных условия: оказаться в нужном месте в нужное время, желательно с магнитофоном и свежими батарейками. Журналистский магнитофон "Репортер-6" вместе с батарейками весит около 6 кг, поэтому просто так, на всякий случай, носить его не захочешь. Чуть позже, после Московской Олимпиады 1980 г., нас снабдят аппаратами нового поколения — "Репортер-7" весом всего 2,5 кг — он куда больше подходил к женскому плечу, и мы, особенно поначалу, готовы были носить его с собой хоть целый день. Но летом 1980 г. мы еще делали записи на "Репортер-6" и о другом не мечтали, а потому на репортаж или интервью ходили, лишь предварительно договорившись.

На этот раз в поисках первого материала программы мой путь лежит на Дальзавод. Утром

на телетайп из Москвы пришел текст очередного постановления ЦК КПСС, которое будет принято в течение дня. Поэтому на телетайпной ленте пометка — “эмбарго до 12 часов моск. вр.”. Вполне естественно, что завтрашний выпуск “Владивостока и владивостокцев” должен открываться откликом на этот документ. В поисках кандидатуры на отклик позвонила в партком Дальзавода. Там о будущем постановлении еще ничего не знают, но помочь Приморскому радио всегда готовы. Мое пожелание одно: чтобы умел связать два слова и при этом не заикался. Когда добралась до парткома, там меня уже ждали. Слесарь 5 разряда, или бригадир корпусников-сборщиков, или передовик-литейщик — неважно, главное, он готов сказать все, что думает рабочий класс по поводу партийного постановления. И он говорит, причем без особых наводящих вопросов. Забота о качестве продукции (или об экономии рабочего времени) — большое дело, соглашается он. Хорошо, что партия заботится об этом. Мы, слесари (корпусники, литейщики) тоже постоянно об этом думаем. Через 20 минут интервью записано. Пусть не очень гладко, но почистить — это уже дело техники.

Вскоре, стоя у МЭЗа, с помощью ножниц произвожу черновой монтаж: сокращаю, вырезая заведомо ненужные куски, убираю повторы. Вдруг спохватываюсь, что только что вырезала и выбросила нужную фразу. Хорошо, что вовремя заметила оплошность: нахожу кусок пленки сверху других обрезков и быстренько вклеиваю ее назад. Через год-другой технология подготовки звуковых материалов сделает большой шаг вперед: операторы перейдут на бескровный, электронный монтаж пленок, а пока главное орудие редактора и оператора — ножницы.

Но вот все пленки отмонтированы, сводный текст в исполнении дикторов записан, можно отдавать эти заготовки режиссеру для сборки программы, ан нет.

— А ты залитовала передачу? — спрашивает главный редактор Виталий Солдатов.

Никаких ассоциаций новое слово у меня не вызывает.

— Тебе что, никто не говорил, что передачу перед сборкой надо показать уполномоченному Крайлита?

Ах, да! С этой организацией пришлось познакомиться, работая в многотиражке. Это же обыкновенная цензура, скрываемая за таким ничего не говорящим постороннему человеку сокращением — крайлит.

В газете нет-нет, да и вычеркивала цензор кое-какие подробности о производственных делах, но там был военный завод, а какие секреты могу я разгласить в программе “Владивосток и владивостокцы”? Оказывается, могу. После того, как уполномоченный — в общем-то милая и доброжелательная женщина — прочитала сводный текст и прослушала все пленки, она просит убрать из отклика на партийное постановление фразу о дневной выработке бригады Дальзавода. А в репортаже о конференции педагогов и медиков на тему борьбы с вредными привычками молодежи пришлось обойтись без упоминания о наркотиках, хотя речь прежде всего шла именно о них.

— Враги СССР не дремлют, — объясняют мне, — и на основе разрозненных фактов из разных передач и газетных материалов вполне могут сделать анализ состояния советской экономики и обороноспособности.

Из страха перед врагами и собственным народом из передач убирались также любые намеки на судостроение в Приморье (у нас в крае судостроения нет, только судоремонт), на биодобавки

На снимке: сотрудники гл. редакции информации и ее друзья в 1981 г. Справа налево: гл. редактор В. И. Солдатов, Г. А. Братко, С. Д. Оноприенко, М. В. Скобоч, Денис Солдатов, Н. В. Соловьева, Н. Н. Чекрызова, Н. А. Братко, Г. Дружин.

в рацион животных и птиц в совхозах и колхозах и даже статистические данные о пьянстве. Статистику вообще боялись как огня, и эти сведения были тайной за семью печатями.

Но замечания уполномоченного Крайлита — это пустяки по сравнению с военной цензурой. С ней пришлось столкнуться чуть позже, после назначения старшим редактором передач для воинов армии и флота. Тексты передач тех лет пестрят выразительными правками, подчеркивающими как мое стремление выболтать всему миру военные секреты, так и элементарное незнание устава и нежелание идти в ногу с военной терминологией.

Уже позже, в годы перестройки, смирившись с гласностью, Тихоокеанский флот устроил учения, на которые пригласили военных специалистов и журналистов из разных стран. Была выдана аккредитация и мне. На первом же брифинге, где речь шла о программе учений, японские журналисты сверяли слова командования флота о силах и средствах, участвующих в учениях, с карманными справочниками, в которых, как оказалось, содержались тактико-технические данные кораблей Тихоокеанского флота, а также их фотографии в фас и в профиль. Думается, эти и им подобные справочники существовали и раньше, хотя из наших передач военные цензоры тщательно убирали не только названия кораблей и пограничных застав, но и фамилии командиров и замполитов, а также любые факты, которые могли каким-то образом бросить тень на Вооруженные Силы — о травмах и болезнях личного состава, о плохой физической и военной подготовке и, уж конечно, о неуставных отношениях.

В одной из частей Советской Армии, куда я приехала готовить передачу, рассказали о случае, когда из-за нерадивого солдата, не сумевшего на занятии правильно бросить гранату, чуть было не пострадали другие молодые воины. Беды не произошло только благодаря находчивости и смелости сержанта. Увы, рассказать о доблестном сержанте мне не довелось, ведь иначе пришлось бы упомянуть и о плохой подготовке солдата.

Поднимать наболевшие темы прессе разрешили в эпоху гласности, но уже первые радиопередачи из циклов “Поговорим о солдатской чести” и “Какая армия нам нужна?” вызвали ряд писем с требованием не порочить армию, не клеветать на нее, не нагнетать обстановку и не давать пищи для размышлений нашему потенциальному противнику. К сожалению, не все приняли гласность как орудие в борьбе с недостатками и предпочитали по старинке слушать выхолощенные цензурой материалы.

И все же сказать, что радио исповедовало принцип “Все хорошо, прекрасная маркиза”, нельзя. В информационных программах не были редкостью “острые сигналы”, в которых журналисты сообщали о каких-либо упущениях в работе отдельных цехов, ферм, руководителей. Соборовская сеть Приморского радио в 80-е годы охватывала весь край: Татьяна Старченко — в Спасске, Леонид Кишиневский — в Лесозаводске, Алексей Малыгин в Уссурийске, Валентин Радченко — в Арсеньеве, Геннадий Исиков — в Кавалерово, Михаил Ситник — в Находке. Звуковые материалы передавались по телефонным проводам, пересылались почтой, их привозили поезда и рейсовые автобусы, причем водитель или проводник считали за честь оперативно доставить во Владивосток пленку, подготовленную собором. Каждый день главная редакция информации получала несколько материалов, и делом редактора “Последних известий” или программы “В час обеденного перерыва” было уметь подверстать их в один из ближайших выпусков.

Критические репортажи с мест всегда проходили оперативно и чаще всего сопровождалась письмом редакции в соответствующий орган для принятия мер. Хотя мы и называем те годы “застойным периодом”, но на критику тогда реагировали куда лучше, чем сейчас. Трудно сказать, была ли польза для производства от наших “острых сигналов”, но, во всяком случае, рубрика “По следам наших выступлений” была на радио постоянной.

— Журналист — не подставка для микрофона, — учил нас председатель телерадиокомитета Валентин Александрович Ткачев. — Умейте прогнозировать события, опережать их. Подавайте тему в развитии, показывая, что же меняется в лучшую сторону.

Активная жизненная позиция вообще была тогда в большой чести. Помнится, нам со Светланой Оноприенко, готовившим в какой-то период программу “В час обеденного перерыва”, нагорело от того же В.А.Ткачева за популярную тогда песню “Не надо печалиться, вся жизнь впереди”.

— Совершенно безыдейная песня, — отчитывал нас председатель. — Что значит: вся жизнь впереди, надейся и жди? Ничего не предпринимай, сложи руки и жди? Никакой жизненной позиции!

Планируя радиодень, старались думать о том, чтобы какая-то тема, начавшись утром, находила продолжение в обеденном эфире, а итоги, если требовалось, подводились бы в вечернем выпуске "Последних известий". Чаще всего это было оправдано, и журналист, спешивший на какое-то совещание или конференцию, знал, что в ближайшую информационную программу от него ждут короткое сообщение, а уже в следующую — репортаж.

На Приморское радио работала армия журналистов из районных газет и радиоредакций. Каждое утро стенографистки комитета обзванивали города и райцентры, собирая с них дань в виде информационных сообщений. Среди россыпи мелкотемья, достойного разве что внимания односельчан, редакторы "Последних известий" находили информационные самородки — обработанные опытной рукой, они украшали выпуски новостей. Жаль, что в конце 90-х сочли стенографисток излишней роскошью и сократили, а вместе с ними и лишили радио метких наблюдений местных журналистов, которых, как оказалось, не может заменить никакое информационное агентство.

Во многих сферах советской жизни царили в тот период формализм, официоз и казенщина, влияли они и на работу радио. Но повседневная жизнь редакций была бурной, насыщенной и вовсе не казенной: крутились, как белки в колесе, известницы, стараясь если не опередить новости, то поспеть за ними, по утрам школьники собирались на занятия под "Приморский пионер" Светланы Шпилько, по выходным обращались к детям "Дед Всевед и любознайки" ветерана Приморского радио Норы Романовны Коварской, к тому времени уже пенсионерки, постоянно обновлялись вслед за редакторами молодежные программы, поднимала темы экологии передача "По поручению живой природы" Любови Надежиной, собирали приморцев у приемников "Вечера за чтением дальневосточной прозы", программа для книголюбов "Читальный зал", другие не менее интересные литературные и музыкальные передачи, которые готовили Александр Брюханов, Евгения Славская, Геталина Воробьева. Радиослушатели редко обращали внимание на фамилии журналистов, мало знали наши голоса, они больше узнавали дикторов, которые доносили до них написанное и собранное редактором, но это обстоятельство никого тогда не смущало. Каждый из радиожурналистов знал, что на своем месте он нужен и его передачу ждут, ради этого мы были готовы на любые жертвы.

ХРОНИКА

*1 июля 1980 г. —
в Приморье
насчитывается
680 тысяч радиоточек,
из них 279 —
трехпрограммного
вещания.
Среднесуточный
объем местного
радиовещания —
15 часов, из них
5 часов —
стереовещания.*

*Октябрь 1980 г. —
Приморский
телерадиокомитет
награжден
Дипломом ВДНХ
3-й степени
за успехи в пропаганде
передового опыта в
народном хозяйстве.*

*Ноябрь 2000 г. —
начал выходить
региональный
радиожурнал
"Дальний Восток"
для всех 10
территорий,
входящих в
Дальневосточный
федеральный округ
(ведущая — Тамара
Васильевна Ясенкова,
она же многие годы
ведет в "Тихом океане"
популярный
"Час письма"
в прямом эфире).*

105 минут о насущных вопросах перестройки

1985 год. Только-только начинается перестройка. Горбачев открыл шлюзы свободы, и кажется, что теперь все возможно: нет закрытых тем и нет неразрешимых проблем. После строго регламентированного, порой даже выхолащенного вещания мы видели перед собой новые перспективы в поиске тем, в формах передач, манере подачи материалов. Редакции информации положено быть самой оперативной, она-то и начала перестройку на радио.

На снимке: бригада «Эфир-105». Т. И. Сабанова, Т. И. Кирасирова, Л. Л. Жиронкина, А. К. Копейка, О. В. Журман, Т. Г. Богатикова, Н. В. Соловьева

К этому времени уже было известно, что Ленинградское радио стало работать по-новому. Там организовали прямой эфир, и утреннюю информационную программу не записывают заранее на пленку, а выпускают прямо из студии. Руководство комитета разрешило командировку, и я поехал в Ленинград перенимать опыт. Издаലെка в нововведении ленинградцев все казалось необычным, но уже там убедился, что все новое — это хорошо забытое старое. Ведь и в Приморье радио начиналось когда-то с прямых передач, когда диктор, наговаривая перед микрофоном текст, напрямую обращался к радиослушателям. В

отличие от той поры, современные средства связи позволяли при этом установить обратную связь с теми, кто слушал радио, насытить программу прямыми включениями, телефонными звонками. Коллеги из Ленинградского телерадиокомитета были радушны и откровенны, они не только ничего не скрывали от меня, но, напротив, делились планами и сомнениями. Так что вторым в Советском Союзе после Ленинграда, кто вышел в прямой эфир, был Владивосток с его информационной программой «Приморье: новости, факты, комментарии». Она стала выходить в прямом эфире с марта 1985 года — сначала два раза в неделю, потом с понедельника по пятницу.

После трехлетнего опыта работы главным редактором информации руководство комитета — В. А. Ткачев и В. Ф. Гончаров — позвали меня на партийное бюро. Там шла речь о какой-то реформе радио, и мне, видимо, помня об удачном опыте с информационным прямым эфиром, предложили возглавить главную редакцию пропаганды, главный редактор которой (И. Ф. Кокова) переехала в другой город. То, что сказано на бюро, всегда воспринималось, как команда. Я очень переживал, так как вещание в редакции пропаганды всегда было партийным, велось по старинке, передачи напоминали тяжелые кирпичи — и по содержанию, и по форме. С одной стороны, я побаивался: надо было все менять, по сути, делать революцию. Но с другой стороны, новое всегда интересно. Я попросил месяц на обдумывание, уехал в отпуск и там придумал новую программу.

По замыслу она должна была объединить основные темы, которые поднимала редакция пропаганды, но уже в новом виде. От пропагандистского вещания надо было перейти к нормальному, душевному разговору с радиослушателями. На редакции замыкался довольно обширный круг тем: политика, международные отношения, экономика в разных аспектах, включая промышленность,

сельское хозяйство и бытовое обслуживание, контрпропаганда, атеистическое воспитание, военная тема. Судя по воспоминаниям сотрудников редакции той поры, кое-что делалось просто для отчета. Если "Сельские огни", "Пятилетка: день за днем", "Слушай, воин, слушай, солдат", "Меридиан" были серьезными, интересными передачами, которые поднимали важные темы, готовились постоянными редакторами и выходили регулярно в определенные дни недели, то ряд передач, звучавших по второй программе, был явно рассчитан на внезапный вопрос проверяющего из партийных органов: "А что вы готовите, скажем, по антирелигиозной пропаганде?" Чаще всего это были немудреные беседы, записанные в студии кем-нибудь из общества "Знание" или преподавателями вузов. От этого формализма и хотелось избавиться с помощью новой программы.

К моему приходу в редакции пропаганды работало восемь женщин. Все они любили свою работу, готовы были ради интересного материала "трое суток шагать", отличались творческой жилкой, но меня встретили настороженно. Я понимал: ломать привычный уклад всегда нелегко. Но по мере того, как я им рассказывал о своем видении новой передачи, о ближайших планах, глаза их все больше теплели. В них мало-помалу стали загораться огоньки, и вот уже они сами начали размышлять вслух и предлагать что-то свое. Так, все вместе, что-то принимая, а что-то отвергая, мы перешли от идеи, схемы к конкретному проекту новой передачи. Долго думали над названием, пока не решили дать нейтральное — "Эфир-105". Ровно 105 минут в неделю занимали раньше передачи редакции пропаганды, это время оставалось за нами и теперь.

Через месяц мы уже вышли в эфир с первой программой. "Эфир-105, — объявлял диктор в заставке и сразу же расшифровывал: — 105 минут в неделю о насущных вопросах перестройки". Какими же были эти насущные вопросы? Самыми разными. Если первая передача была посвящена вопросам демократии при выборах в местные Советы, то следующая поднимала производственные проблемы, затем мы обращались к темам экологии, новым отношениям в аграрном секторе, реформе Вооруженных Сил, проблемам малых народностей Приморья. Это был по-настоящему интересный период. Мы получили свободу, о которой раньше не могли и мечтать, получили возможность поднимать любые вопросы, включая ранее запретные, говорить, то, что думали. Нас уже не редактировали так, как раньше, не резали, не ущемляли. Каждая передача была творческим взлетом для ее автора, в ней он мог полностью раскрыться, высказать свои мысли, не опасаясь, что они не понравятся начальству. Если раньше, узнав о моем новом назначении, коллеги-мужчины жалели меня: мол, с женщинами трудно работать, они поверхностно мыслят и не могут глубоко анализировать, то теперь они готовы были в корне изменить свое представление о женском коллективе. Лариса Жиронкина, Людмила Моисеева, Людмила Хромова, Татьяна Богатикова, Татьяна Сабанова смело брались за самые сложные темы и преподносили их очень умело, делая свои передачи по-радийному яркими и выигранными и в то же время глубокими по содержанию. Увидев наши возможности, с редакцией захотели сотрудничать и другие журналисты, предложившие свои темы.

Мы были одной командой. Передача никогда не готовилась кем-то одним, в ней, как правило, принимали участие все сотрудники редакции, а темы не надо было

Газеты о Приморском радио

Необычное начинается уже со сводки погоды. "Данных нам пока не притесли, — сообщает ведущий, — но когда мы шли в студию, было холодно. Так что одевайтесь теплее". А дальше и вовсе передача "Приморье: новости, факты, комментарии" превратилась в живой разговор ведущего, дикторов и радиослушателей. Секрет необычности прост: прямой эфир. Слушатели из Приморья уже оценили новинку. Все чаще звучат звонки во время передачи: владивостокцы предлагают новые темы, новые адреса выступлений, задают вопросы. Ведь одно дело — слушать заранее подготовленные новости, другое — ощущать себя соавтором, чувствовать, как посторонними шумами, взволнованными голосами врывается в эфир сама жизнь.

Н. Барабаш.

«Красное знамя».
24 декабря 1986 г.

придумывать. Если раньше письма в редакцию пропаганды были редки, за год 150, не больше, то сейчас мы могли соперничать с "Тихим океаном", который всегда лидировал в комитете за счет поздравлений для моряков. В период перестройки приоритеты сместились. Люди интересовались политикой, делились бедами, идеями, высказывали сомнения. Письма не только подсказывали нам темы будущих передач, но и давали материал для анализа. В большинстве своем они не оставались незамеченными, и это вызывало обратную реакцию: доверие к нам радиослушателей росло, они знали, что мы дадим им высказаться, а в чем-то и поможем.

Это были первые на Дальнем Востоке передачи, которые готовились не столько в студии или редакторском кабинете, а на людях. Мы выезжали в торговый порт, к вокзалу, на площадь, ставили там микрофоны и позволяли людям высказываться по наиболее важным вопросам. Эта рубрика так и называлась — "Открытый микрофон". Потом уже в России появились Будки гласности, другие передачи открытого типа, но в то время такого радио, как у нас, нигде не было. Начиная работать с открытым микрофоном, мы ожидали непредвиденных ситуаций, каких-то провокаций, но к нашему удивлению ничего подобного не произошло ни разу. Перестройка воодушевила всех, заставила задуматься о судьбе общества и своем месте в нем. Большинство людей, которые участвовали в наших передачах, верили в гласность и огромные возможности радио.

Одной из форм передачи были выездные заседания "Эфира-105". Мы ездили по городам Приморья, проводили встречи с трудовыми коллективами. Каждая такая встреча не только давала повод для очередной передачи, но и была откровенным разговором: мы рассказывали о своей работе, о планах, нам поверяли свои тревоги, как производственные, так и бытовые. Мы приглашали на эти встречи и руководителей района, чтобы работники завода могли получить ответы на наиболее волнующие вопросы из первых рук. На одной из таких встреч — на заводе "Дальприбор" во Владивостоке — нас попросили посвятить одну из передач теме экологической обстановки в районе Второй речки.

Мы ее подготовили, и с тех пор передачи цикла "Экология и экономика" стали выходить регулярно. Были и другие циклы: "Каким мы" — о проблемах взаимоотношений в обществе, "Семь Я" — о семейных делах, "Что может ЖЭУ?" и др.

Это была своевременная программа. Ее ждали, слушали, посылали отклики. Позднее редакция пропаганды объединилась с редакцией информации, слив наши прямые эфиры в единый радиодень. Начиналось вещание Приморского радио в 6.10 сразу же после новостей из Москвы информационно-музыкальной программой "Приморье:

Газеты о Приморском радио

Новая программа, которая недавно появилась на Приморском радио, называется "Камертон" — с его помощью журналист сверяет, насколько созвучен результат их работы настроениям и запросам аудитории. "Камертон" — это обозрение, в котором можно найти информацию из области литературы и искусства, а музыка — неизменная его составляющая. Прямой эфир сегодня уже не новость. Многие из нас с особым удовольствием включают радио по утрам во вторник и в четверг — именно в эти дни звучит ставшая привычной программа "Приморье: новости, факты, комментарии". Но прямой эфир в обозрении культурных новостей — это новинка.

М. Никола.
«Красное знамя».
7 мая 1987 г.

Рецензия

*на микрофонные материалы
Ворошиловской радиоредакции за январь 1947 г.*

В передаче за 18 января редактор допускает политически неверную оценку токаря-многостаночника Моторомонтного завода т. Шаранкина, заявив в своей передаче, что "ему сопутствует неизменный успех". Здесь дело не в том, что ему сопутствует успех, а в том, что он сам, своим умением завоевывает этот успех.

С. Иванов.

редакцией информации, слив наши прямые эфиры в единый радиодень. Начиналось вещание Приморского радио в 6.10 сразу же после новостей из Москвы информационно-музыкальной программой "Приморье:

новости, факты, комментарии”, а продолжалось затем в едином ключе и с единым ведущим на протяжении дня — в тех отрезках, где нам разрешали закрывать сначала Всесоюзное радио, а затем Радио России. К каждому следующему выходу в эфир мы готовили свежие новости, корреспонденты по радице вели репортажи из разных мест города, все новости края подавались в развитии и очень оперативно. В каждом отрезке были прямые включения наших собкоров из других городов и районов. От ведущего требовалась не только предельная собранность, но и большая выносливость, ведь ему приходилось работать с утра и до позднего вечера, но всем такая форма вещания нравилась, и никто не хотел отказываться от новых возможностей. В это время по-другому стало работать и художественное вещание: там тоже перешли на прямой эфир, запустив субботнюю программу “Камертон”, а затем “Популярное время”.

Но энтузиазм не может длиться вечно. Со временем от радиодня остался утренний прямой эфир, а другие отрезки были распределены между тематическими передачами. К этому времени меня на Приморском радио уже не было. Когда коллеги предложили мне баллотироваться в депутаты Верховного Совета, я согласился, твердо веря, что мы сможем что-то изменить в нашей стране: построить гражданское общество, развить демократию. Мы верили, что заживем по-другому.

Газеты о Приморском радио

К сожалению, большие возможности, имеющиеся на радио и телевидении для осуществления пропаганды исторических знаний, используются недостаточно. Очень часто упрощенно и односторонне отображается наша непростая, временами трагичная история. Нередки попытки замазать черной краской, охаять и отринуть все то, что делали наши отцы и деды ...

Положительные материалы были в основном по проблемам сокращения партийного аппарата, передачи различным общественным организациям партийного имущества, помещений, телефонов, гласности в работе, готовности к диалогу. Но и тут положительные оценки выносились в подавляющем большинстве радиослушателями. Что касается профессиональных журналистов и ведущих передач, то они были по отношению к КПСС, мягко говоря, не очень расположены — всего 19 % их высказываний были доброжелательными.

... У гласности нет границ — это верно, но не все просто. Маятник качнулся от прежнего жесткого контроля за содержанием передач в другую сторону. Перехлесты, повышенная температура эмоций...

*С. Головачев.
«Красное знамя».
30 марта 1991 г.*

Руководители Приморского радио

Волгин (Желепенис) Павел Клементьевич.

Участник гражданской войны на Дальнем Востоке. В 1927 г. избран председателем общества "Друзей радио". С конца 1927 г. — уполномоченный общества "Радиопередача". В 1928 г. назначен начальником Владивостокского радиопередающего центра и ответственным редактором. В 1930 г. после окончания Московского экономического института был переведен на руководящую хозяйственную должность. Почетный гражданин г. Владивостока.

Козлов Василий Макарович.

Окончил Коммунистический институт журналистики. Руководил Владивостокским радиокomiteетом с 1930 г. по 5 января 1934 г. Затем переведен в Приморский обком КПСС.

Вижайкин Николай Степанович.

Начинал работу на радио зам. ответственного редактора. Назначен председателем комитета по радиофикации и радиовещанию 5 января 1934 г.

Сурвилло Владислав Иосифович.

Направлен во Владивосток из Москвы, где был редактором Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ). Занимал должность председателя Приморского комитета по радиофикации и радиовещанию с 1934 по 1939 гг.

Залевский Михаил Федорович.

Работал председателем Приморского комитета в 1939–1950 гг.

Юрченко Семен Владимирович.

Родился в 1915 г. в г. Овруч Житомирской области. Окончил три курса Днепропетровского металлургического института, Высшую Партишколу при ЦК КПСС. Назначен на должность председателя Радиокomiteета в январе 1950 г. Перешел на другую работу в связи с пенсионным возрастом в июле 1977 г. До 1986 г. работал в Дальтелефильме. Награжден орденами Красной Звезды, Трудового Красного Знамени, орденом "Знак почета". Заслуженный работник культуры РСФСР. Умер в апреле 1990 г.

Безручко Василий Степанович.

Родился в 1925 г. в с. Вольно-Надеждинское Приморского края. В 1943–44 гг. работал кочегаром на пароходе "Красный Октябрь" Дальневосточного морского пароходства. В 1944 г. откомандирован на учебу во Владивостокское высшее мореходное училище. Оттуда был направлен на комсомольскую работу в ДВМП. После окончания в 1952 г. Краевой партишколы (с отличием) продолжал работать в ДВМП, затем — в Крайисполкоме. С февраля 1958 г. —

зам. председателя Приморского комитета по радиовещанию и телевидению. В 1962 г. переведен в Крайлит. Умер в 1994 г.

Марченко Павел Федосеевич.

Родился в 1923 г. в с. Астраханка Приморского края. Участник Великой Отечественной войны. После ранения в 1943 г. и последующей демобилизации работал в Ханкайском и Октябрьском райкомах КПСС, в политотделе ДВМП, в газете "Тихоокеанский моряк". Заочно окончил отделение журналистики Высшей Партишколы при ЦК КПСС в 1957 г. В Приморском комитете по радиовещанию и телевидению с 1961 г.: гл. редактор студии ТВ, с 1962 г. — зам. председателя комитета. В 1972 г. был переведен на должность начальника управления культуры Исполкома Краевого Совета народных депутатов. С 1984 г. на пенсии. Кавалер орденов Отечественной войны 1 и 2 степеней и ордена Дружбы народов. Заслуженный работник культуры РСФСР. Живет во Владивостоке.

Ткачев Валентин Александрович.

Родился во Владивостоке в 1931 г. Окончил Владивостокский государственный педагогический институт (филологический факультет) в 1954 г. и Высшую партишколу при ЦК КПСС в 1963 г. Работал в Находке отв. редактором городской радиоредакции, ответственным, а затем главным редактором политического вещания Владивостокской студии телевидения, зам. председателя Приморского телерадиокомитета. С 1977 по 1987 гг. — председатель Приморского краевого комитета по телевидению и радиовещанию. Сейчас — профессор кафедры телевидения и радиовещания ДВГУ. Заслуженный работник культуры РФ.

Муромцев Сергей Петрович.

Родился в 1921 г. в с. Муромцево Омской области. После службы на ТОФ остался во Владивостоке, работал начальником радиошколы ДОСААФ. В 1950 г. окончил с отличием краевую партишколу, в 1964 г. — с отличием факультет журналистики Хабаровского отделения Высшей партишколы. До 1972 г. — на партийной работе: редактор Черниговской районной газеты "Черниговский колхозник", зав. сектором печати сельского крайкома КПСС Приморского края, первый секретарь Фрунзенского райкома КПСС. С 1972 по 1983 гг. — зам. председателя Приморского комитета по телевидению и радиовещанию. Заслуженный работник культуры РСФСР, отличник радио и телевидения. Живет во Владивостоке.

Феоктистов Виктор Петрович.

Начинал работу старшим редактором редакции информации Приморского радио. Затем — старший редактор, главный редактор редакции информации Приморского телевидения, собкор Центрального телевидения по Сахалинской области. С 1987 по 1989 гг. — председатель Приморского телерадиокомитета.

Гончаров Вячеслав Федорович.

Родился в 1945 г. в с. Липовка Томбовской области. Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1973 г. В 1969–74 гг. работал в газете "Дальневосточный моряк" — литсотрудник, отв. секретарь, зам. редактора. В 1974–83 гг. — на партийной работе: инструктор Владивостокского горкома и Приморского крайкома КПСС. С 1983 по 1988 гг. занимал должность зам.

председателя Приморского комитета по телевидению и радиовещанию. Сейчас — зам. редактора газеты “Утро России”.

Максименко Борис Васильевич.

Родился в 1941 г. во Владивостоке. Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1966 г. В 1965–1977 гг. работал на Приморском телевидении: комментатор и ст. редактор. В 1977–1983 гг. — собкор Центрального телевидения по Амурской области. С 1983 г. — зам. председателя Приморского телерадиокомитета по телевидению, с 1989 г. — председатель. Умер в 1999 г.

Копейка Александр Константинович.

Родился в 1946 г. в г. Донецке. Окончил филологический факультет Днепропетровского университета в 1971 г. Работает в журналистике с 1967 г.: на Бердянском областном радио (корреспондентом и главным редактором). На Приморском радио с 1974 г.: редактор, старший редактор, зав. отделом радиостанции “Тихий океан”, главный редактор гл. редакции информации, главный редактор общественно-политического вещания. С 1988 г. — заместитель председателя комитета по радио. С 1 сентября 1990 г. — народный депутат Верховного Совета РСФСР, зам. председателя комитета по СМИ. В 1993–2000 гг. работал в Судебной палате по информационным спорам при президенте Российской Федерации. Ныне — секретарь Союза журналистов России.

Климов Георгий Георгиевич.

Родился в 1940 г. в Омске. Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1966 г. и Академию общественных наук при ЦК КПСС в 1979 г. Работал в газетах “Молодая гвардия” (Сахалин), “Тихоокеанский комсомолец”, “Красное знамя”, “Рыбак Приморья” (редактор). С 1992 по 1999 гг. — зам. председателя по радио (затем — директор радио). Сейчас — ответственный секретарь Ассоциации журналистов Приморья.

Бакшин Валерий Викторович.

Родился в 1948 г. в Южно-Сахалинске. Окончил отделение журналистики ДВГУ в 1971 г., аспирантуру при МГУ в 1976 г. Кандидат филологических наук. Работал литсотрудником в редакции газеты “Красное знамя”, отв. секретарем в редакции газеты “Рыбак Приморья”, зав. сектором печати крайкома КПСС, редактором газеты “Владивосток”, на кафедре журналистики ДВГУ — ассистентом, ст. преподавателем, зав. кафедрой. Сейчас — директор Института массовых коммуникаций ДВГУ. С сентября 1998 г. — председатель Тихоокеанской гос. телерадиокомпания “Владивосток”.

Оленев Евгений Валерьевич.

Родился в 1970 году в пос. Рошино Приморского края. Окончил в 1992 г. исторический факультет ДВГУ. Работает в журналистике с 1995 г. 1995–1996 гг. — радиостанция “Ви-Би-Си”, 1996–1998 гг. — пресс-департамент администрации Приморского края. С 1998 г. — директор Приморского радио.

Содержание

Предисловие.....	3
<i>Наталья Соловьева.</i> Говорит Владивосток.....	4
<i>Алексей Квач.</i> К радио относились почтительно.....	9
<i>Леонид Зельцман.</i> Меня взяли за умение разбирать почерк.....	11
<i>Сергей Иванов.</i> Выпускаем комсомольскую радиогазету.....	15
<i>Наталья Соловьева.</i> Радио слушали все.....	18
<i>Георгий Громов.</i> Как набивать матрасы морской водой.....	22
<i>Николай Глуценко.</i> Перед микрофоном, как на краю пропасти.....	26
<i>Мария Волошинова.</i> Мой второй дом — радио.....	29
<i>Аглая Суроедина.</i> Переплелись передачи, люди, жизнь.....	30
<i>Лев Ткачев.</i> После общения с ним хотелось жить и работать.....	33
<i>Нина Хрулькова.</i> Мне повезло на учителей.....	35
<i>Павел Марченко.</i> Одиннадцать лет среди друзей и товарищей.....	39
<i>Валерий Колмаков.</i> Зачет по акустике.....	42
<i>Вадим Тураев.</i> Достоинством “Тихого океана” была компетентность.....	43
<i>Наталья Соловьева.</i> Голоса Приморского радио.....	50
<i>Валентин Ткачев.</i> Сначала было радио.....	53
<i>Валерий Леденев.</i> Хлеб нелегкий, путь тернистый.....	65
<i>Наталья Соловьева.</i> Не быть подставкой к микрофону.....	68
<i>Александр Копейка.</i> 105 минут о насущных вопросах перестройки.....	72
Руководители Приморского радио.....	76

Популярное издание

Немного о радио и о нас с вами

К 75-летию Приморского радио

Редактор Н. В. Соловьева

Компьютерный набор и верстка И. А. Кубаревой

Корректор Е. Л. Кириллова

ИБ 1870

ЛР 020277 от 18.02.97. Подписано в печать 9.01.2001.

Формат 60×84¹/₈. Усл. печ. л. 13,6, уч.-изд. л. 11,6.

Тираж 150 экз. Заказ 184.

Издательство Дальневосточного университета
690950, г. Владивосток, ул. Октябрьская, 27

Отпечатано в типографии ИПК ДВГУ
690950, г. Владивосток, ул. Алеутская, 56